

Спольников В.М.

АФГАНИСТАН
исламская оппозиция
истоки и цели

Отв. ред. д.и.н. Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

МОСКВА «НАУКА» 1990

ВВЕДЕНИЕ

События в Афганистане и вокруг него вот уже более десяти лет привлекают к себе внимание мировой общественности. До июля 1973 г., когда в результате антимонархического переворота, совершенного армейскими офицерами под руководством бывшего премьер-министра М. Дауда, Афганистан оставался для широкого читателя отсталой, полуизолированной от остального мира страной, находившейся в стороне от бурного развития политических событий на мировой арене. В даудовский период (июль 1973 — апрель 1978 г.) интерес к происходящим в Афганистане событиям несколько возрос, но все же в основном он касался профессиональных политиков и ученых-востоковедов, занимавшихся изучением проблем средневосточного региона.

Отношения Советского Союза с Афганистаном как при короле М. Захир Шахе, так и при М. Дауде оставались стабильно добрососедскими, основанными на принципах невмешательства и взаимного уважения. Экономическая и техническая помощь со стороны СССР способствовала преодолению экономической отсталости, укреплению экономической и политической независимости страны. США и западные государства, используя экономические затруднения Афганистана, пытались укрепить там свои позиции, но старались делать это достаточно осторожно и осмотрительно.

Вот как характеризовал американо-афганские и советско-афганские отношения посол США в Афганистане Элиот в своем секретном отчете за 1977 г., направленном госсекретарю США 30 января 1978 г. (за четыре месяца до апрельской революции!): «В течение 1977 г. безопасность и независимость Афганистана оставались незатронутыми, что отвечает стоящим здесь перед нами основным политическим целям... Американо-афганские отношения в течение 1977 г. были прекрасными... Дауд принял приглашение нанести официальный визит в США летом 1978 г. Финансирование американской военной учебной программы для афганских офицеров было удвоено, чтобы

частично компенсировать солидное советское превосходство в оказании помощи афганским вооруженным силам. Наиболее важные для Афганистана двусторонние отношения с северным соседом продолжали оставаться ощутимыми и выгодными. Советы избегали любого вмешательства во внутренние дела Афганистана и сохраняли позицию основного источника помощи ему (более 1 млрд долл. за истекшие 25 лет по сравнению с менее 500 млн долл. со стороны США)»¹.

Оценки американского посла были взвешенными и достаточно объективными. В тот период ни США, ни, следует сказать ради справедливости, Советский Союз не ожидали, что 27 апреля 1978 г. все изменится: в этот день патриотически настроенные офицеры, члены НДПА осуществили военный переворот, положивший начало национально-демократической революции, называемой у нас и на Западе апрельской, а в Афганистане — саурской. Власть взяла Народно-демократическая партия. Афганистан провозглашен Демократической Республикой Афганистан (с 30 ноября 1987 г. — Республикой Афганистан).

С того момента Афганистан оказался в центре внимания всего мира. Многочисленные политологические центры в США и странах Западной Европы начиная с апреля 1978 г. и по сей день последовательно создавали в мире искаженное представление о самой апрельской революции 1978 г., о вызвавших ее причинах, об оппозиционных силах, противостоящих этой революции, их союзниках и покровителях. При этом, как правило, политика Советского Союза в отношении Афганистана подвергалась нападкам и клевете, афганское руководство рассматривалось как полностью зависимое от Советского Союза, а политический и социальный облик афганской вооруженной оппозиции приукрашивался и идеализировался.

Реально мыслящие западные специалисты по Афганистану, и прежде всего такие известные американские ученые, как Л. Дюпре и С. Гаррисон, стремятся в своих работах давать объективную оценку событий, но и их оценки не свободны от ошибок и, что вполне естественно, далеко не всегда совпадают с оценками советских исследователей, в том числе автора данной работы. Большинство буржуазных журналистов, обращающихся к событиям в Афганистане и вокруг него, за редкими исключениями, преследуют одну цель — извратить истинную картину

происходящего в угоду политическим целям и интересам Запада и международной реакции.

Революция 1978 г. и дальнейшие события в стране не могли не найти своего отражения в работах советских ученых, прежде всего востоковедов. В них содержится анализ развития обстановки накануне апрельской революции 1978 г., оценки ее движущих сил, социально-экономических мероприятий нового афганского руководства. В то же время неразрывно связанная с темой апрельской революции проблема вооруженной оппозиции пока не была подвергнута серьезному изучению прежде всего из-за отсутствия достаточной информации.

Классики марксизма-ленинизма неизменно уделяли большое внимание изучению контрреволюции и ее политики. Широко известно положение, выдвинутое В. И. Лениным: «...революции без контрреволюции не бывает и быть не может»². К этому важному теоретическому и методологическому положению можно добавить его же слова: «У нас перед глазами идет борьба двух сил, борьба не на живот, а на смерть... Две силы эти — революция и контрреволюция. Наша задача, следовательно, дать себе точный отчет в том, каково (1) классовое содержание этих социальных сил; (2) каково содержание реальное, экономическое, их борьбы теперь, в данное время»³. Эти Ленинские методологические положения лежат в основе данной работы, в которой делается попытка проследить истоки, зарождение и выход на политическую арену в Афганистане исламской оппозиции, ее связь с империализмом и мировой реакцией, а также показать, чего она добивается.

Основное внимание автор уделяет не накоплению фактологического материала об афганской исламской оппозиции, хотя и этот аспект работы не оставался без должного внимания, а выявлению классового содержания вооруженной борьбы, ведущейся основными отрядами исламской оппозиции, определению ее непосредственных и конечных политических целей, взаимоотношениям между различными отрядами этой оппозиции, их связям с империализмом и международной реакцией. За пределами данной работы остались другие, «неисламские», леворадикальные и чисто националистические организации. Их идейные установки и практическая деятельность представляют значительный теоретический и практический интерес, но автор данной работы исходит из того, что исламская оппозиция, взявшая на свое вооружение

идеи и авторитет одной из мировых религий, представляет собой главного претендента на власть в Афганистане. В качестве основных источников автор использовал работы идеологов исламского фундаменталистского движения, в частности организации «Братья-мусульмане», идеологов и лидеров различных отрядов афганской исламской оппозиции, статьи и выступления исламских политических и религиозных деятелей, программные и рабочие документы афганских оппозиционных организаций. Были также использованы официальные издания РА и НДПА; материалы западной прессы и работы по Афганистану западных исследователей, а также труды и исследования советских востоковедов.

Глава I

К ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО АФГАНСКОГО ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА (1963—1975 гг.)

Зарождение афганского исламского фундаментализма

1963—1973 годы в истории Афганистана были ознаменованы многими изменениями экономического, политического и социального характера. Пришедшее к власти в 1963 г. правительство Мухаммеда Юсуфа, первого премьер-министра в истории страны, который не был членом королевской семьи, осуществило ряд важных преобразований, ускоривших развитие в стране капиталистических отношений и способствовавших активизации общественно-политической жизни.

Упомянутые годы характеризовались подъемом политической активности населения, в первую очередь городского, определенной поддержкой широкими массами правительственных программ некоторых экономических и политических преобразований. Главным событием периода нахождения у власти правительства М. Юсуфа (1963—1965 гг.) явилось принятие новой Конституции. С политической и социальной точек зрения важными для страны были два положения Конституции: право на создание обществ и политических партий (но при усилении контроля правительства над общественно-политической деятельностью) и некоторое ограничение влияния мусульманских улемов (богословов и правоведов) в таких важнейших для мусульманской страны областях, как образование и судопроизводство, считавшихся основными сферами деятельности исламской религии и являвшихся главной опорой ее могущества и влияния.

24 октября 1965 г. в столице состоялись массовые выступления, активную часть которых составляли студенты. Их участники требовали изменений в составе правительства, обвиняли ряд его членов в коррупции. Произошли столкновения с полицией, во время которых погибло несколько студентов Кабульского университета. Впоследствии представители афганской реакции обвиняли в организации антиправительственных шенов выступления членов

НДПА. Но обвинения абсурдны хотя бы потому, что правительство М. Юсуфа в целом проводило политику преобразований, объективно отвечающих интересам широких слоев населения и направленных на определенную демократизацию афганского общества, в парламент впервые было избрано несколько членов НДПА. Роль в этих событиях правых, реакционных сил, в том числе выступавших под исламскими лозунгами, еще ждет своих исследователей; подоплека этих событий входит в число тех многочисленных и темных табу, о которых нынешние афганские фундаменталисты предпочитают умалчивать.

Не прекращающиеся антиправительственные демонстрации привели к отставке правительства М. Юсуфа. Новым премьер-министром стал М. Х. Майвандваль. Немедленно после назначения он отправился в Кабульский университет (с черным платком на шее в знак траура в связи с гибелью студентов) и на встрече со студентами дал обещание, что лица, совершившие убийства, будут преданы суду. «Это произвело на студентов такое впечатление,— пишет фундаменталистский историк Ш. Н. Хакшенас,— что они в знак благодарности подняли его (премьер-министра.— В. С.) на плечи, а отовсюду неслись возгласы „Да здравствует Майвандваль!“ Вообще в отсталых странах даже в университетах и медресе мужчины и юноши более подвержены эмоциям, чем логике ... не следует придавать значения ни их критике и ругани, ни их восхвалениям. Как часто они закипают от любого импульса, но через мгновение весь этот огонь утихает. Горячий прием студентами Майвандваля тоже закончился тем, что через несколько дней.. вновь начались уличные демонстрации»².

Вскоре после событий в октябре 1965 г. университет превратился в общепризнанный неофициальный центр политической активности молодых представителей различных слоев населения Афганистана, стал барометром общественно-политических настроений. К тому времени в нем уже появились различные, преимущественно радикальные, идейные течения, шла борьба за влияние на умы молодежи. Практически все течения находились в оппозиции к существовавшим в стране порядкам, но тяготели к противоположным полюсам: к радикальным левому и правому.

До упомянутых событий основная борьба между течениями велась в стенах университета и главным образом вокруг внутренних университетских проблем. ПОСТР-

ленно студенты университета выходят на улицу, и еще долго, вплоть до антимонархического переворота М. Дауда 16—17 июля 1973 г., студенчество будет выразителем, более того, политическим авангардом различных радикальных политических течений. Это явление характерно не только для Афганистана.

«Жизнь современного восточного университета,— справедливо отмечается в одной из советских востоковедческих работ,— связана с самыми острыми проблемами социально-культурной действительности стран Востока. Университеты оказываются источниками не только политической, социальной и культурной институционализации, но и внутреннего брожения»³.

Кабульский университет не был исключением. Борьба между радикальными течениями в университете не всегда была мирной. Бывший студент политехнического факультета Кабульского университета, ныне лидер фундаменталистской Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматъяр следующим образом оценивает значение политических схваток и столкновений в Кабульском университете в те годы: «Я считаю, что эти столкновения в университете сыграли очень большую роль в истории исламского джихада в Афганистане. Сегодняшний этап борьбы — это результат тех столкновений. Несмотря на то что эти столкновения оканчивались арестом многих братьев — участников движения, слухи о них, подобно взрывной волне, распространялись среди народа, и все видели, что в университете существуют две группировки — мусульмане и коммунисты... В ходе столкновений были убиты и ранены, и все это привлекало к исламскому движению симпатии народа»⁴.

Почему именно студенческое движение заявило о себе столь громко? Дело в том, что на политическую сцену вышли мелкая буржуазия и среднегородские слои. Крестьянство все еще оставалось глухим к социальным переменам. Что касается рабочего класса, то он был малочисленным и не являлся самостоятельной политической силой.

Мусульманское духовенство в стране было неоднородным. Его низшие слои: улемы и муллы в деревне были выходцами из крестьян, тесно связанными, с одной стороны, с помещиком или главой племени, клана, а с другой — с трудовым крестьянством. Они одновременно являлись исполнителями религиозных обрядов, судьями, толкователями Корана и исламских догм, учителями.

Местные улемы и муллы в силу низкого уровня образования и знаний, разобщенности не могли быть носителями каких-либо социальных или сколько-нибудь глубоких исламских идеологических концепций.

Несколько забегая вперед, приведем высказывание лидера ИПА Г. Хекматъяра о положении и роли этой части мусульманского духовенства. «Почему до сих пор у нас не было сильной и организованной исламской партии? — задает Г. Хекматъяр вопрос и сам же отвечает на него. — Причины ясны: улемы страны должны были возглавить (исламское. — В. С.) движение, но они являются наиболее угнетенным и обездоленным классом в нашей стране... С точки зрения социальной их положение было таково, что правящий строй отстранил их от руководства народом, передав бразды правления помещикам, ханам и маликам. Правящая верхушка боялась, что, не приведи бог, среди улемов появится личность, которая представила бы для нее опасность. Всего лишь несколько лет назад правители были свидетелями роли улемов в руководстве исламским восстанием, и они решили исключить такую возможность»⁵.

Средние слои духовенства — это городские служители культа, настоятели малых мечетей, преподаватели медресе, профессорско-преподавательский состав богословского факультета Кабульского университета, теологической школы Абу-Ханифа (Абу-Ханифия). Они — наиболее политически активная часть религиозного сословия, восприимчивая к политическим и социальным веяниям, реформаторским и возрожденческим исламским течениям. По своему социальному составу средние слои духовенства не были однородны — это были представители мелкой и низших слоев средней буржуазии с ее мелкособственнической идеологией, стремлением к участию в политической и социальной жизни, недовольством властью находящихся на недоступных для них высотах правящих верхов. В то же время это была корпорация — всех их объединяла принадлежность к клерикальному сословию и, что очень важно, возможность каждодневного общения со значительной частью городского населения, т. е. с верующими. Их идеологическое влияние на население было огромно, но и они, в свою очередь, впитывали в себя настроения различных, прежде всего традиционных слоев населения, т. е. мелкой буржуазии, ремесленников, пауперов, что, в свою очередь, оказывало определенное влияние на формирование их мировоззрения. Эта часть клерикального сословия в своем большинстве была в оппозиции к существовавшим порядкам и проводившимся реформам, ведущим, как они полагали, к распространению в стране западных веяний, разврата, коррупции, атеизма и коммунизма.

Третий, высший слой исламского духовенства — это привилегированная верхушка — это улемы, т. е. богословы и правоведы, входившие в состав Совета улемов или занимавшие другие ответственные посты в госаппарате, в основном в судебной системе, далее — хазраты — прямые потомки пророка; пиры — главы влиятельных религиозных орденов. Одни из них, в основном лица, входившие в систему госаппарата и находившиеся в прямой зависимости от правящих верхов, выполняли при этих верхах функции как бы официальной церкви: находили в Коране и сунне положения, которые можно было использовать и истолковывать в интересах правящей верхушки. Другие — хазраты, пиры — исторически были связаны с правящей столичной верхушкой личными, родственными и деловыми отношениями. Это не означает, что обе стороны доверяли друг другу и были взаимно близки (еще не была забыта схватка с Амануллой-ханом, в которой принимали участие и эти силы). Скорее это были отношения союзников, нуждавшихся друг в друге и в то же время не доверявших друг другу.

Высшее духовенство консервативно по своей природе. Как и крупные землевладельцы, богатые помещики, главы племен, оно настроено против социально-экономических преобразований, оно за статус-кво во всем, в том числе в вопросе о роли исламской религии в афганском обществе. Тот же Г. Хекматъяр следующим образом отзывается об этой части исламского духовенства: «Справедливые улемы, которые, несмотря на тяжелые условия, начинали движение, подрывали положение придворного духовенства. Двор всегда имел в своем распоряжении презренных, которые могли оправдать и представить на 100% исламскими любые неисламские действия. Они, прикрываясь религией, могли подавить любое религиозное движение, направленное против господствующего строя. По свидетельству истории, для подавления веры они использовали в качестве оружия ту же веру»⁶.

Скопление в городах крупных масс людей, связанных с ремесленным производством, мелкой розничной торговлей, просто безработных, пауперов и люмпен-пролетариата, характерно для многих стран Востока. В этом плане

Кабул и другие города Афганистана не исключение. Развитие капиталистических отношений в деревне вызвало отход части беднейших и разорившихся крестьян в город. Возникшая в связи с этим безработица, обострение социальных и национальных отношений создали в городских низах атмосферу готовности откликнуться на политические лозунги и призывы к действию, если они хоть в какой-то степени отвечали их интересам, подлинным или мнимым.

К описываемому периоду относится значительное в масштабах страны развитие образования. Если в прошлом основой образования являлись мактабы при деревенских мечетях, где в качестве учителя выступал мулла, то тут уже происходит расширение сети начальных школ, медресе, лицеев и демократизация системы образования. Значительно увеличилось число студентов в Кабульском университете (в 1967 г. в нем обучалось 4320 студентов, в 1972 г. - 80007). В 1968 г. в столице был создан Политехнический институт. Получение среднего и высшего образования перестало быть привилегией господствующих классов. В социальном составе учащихся лицеев и студентов университета произошли значительные сдвиги за счет притока в них детей средних слоев, в первую очередь мелких госслужащих, средних и мелких торговцев, деревенских мулл, кулаков и крестьян-середняков. Было положено начало возникновению разночинной, межсословной интеллигенции. Соответственно менялся и социальный состав учителей и преподавателей.

Нарождавшаяся интеллигенция в определенной степени была еще связана с интересами тех слоев населения, выходцем из которых она являлась, но эти связи постепенно ослабевали. Именно эта мелкобуржуазная интеллигенция превратилась в носителя самых различных, но, как правило, радикальных политических идей, от крайне левых до архиреакционных правых.

В результате мощного подъема национально-освободительных движений, распада колониальной системы многие освободившиеся страны с мусульманским населением встали на путь независимого экономического и политического развития, обратились к идеям социализма. Эти идеи особенно к середине 60-х годов стали проникать и в Афганистан. Они получили распространение среди передовой части средних городских слоев, и прежде всего молодой интеллигенции.

Примерно в те же 60-е годы в исламских странах ак-

тивизируются и праворадикальные исламские течения. Их идеологи выступают за возрождение исламских лений в форме халифата, имамата или исламской республики. Названные течения стали распространяться и в Афганистане опять же среди средних городских слоев населения и молодой мелкобуржуазной интеллигенции, что представляет собой закономерное явление. Мелкая буржуазия, а вместе с ней и средние городские слои представляют наиболее неустойчивую группу населения. С одной стороны, она непосредственно участвует в труде, и это порождает в ней определенный демократизм, стремление к справедливости и равенству, враждебность к крупному капиталу. С другой, будучи собственником, она стремится занять более высокое положение и приобрести большее богатство, чем в первую очередь и обуславливается консерватизм мелкой буржуазии, ее страх перед коммунизмом, якобы посягающим на мелкую собственность. «Мелкий буржуа...» — писал К. Маркс, — составлен из „с одной стороны" и „с другой стороны". Таков он в своих экономических интересах, а потому и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях ... он — воплощенное противоречие»⁸.

Двойственный характер мелкой буржуазии хорошо известен. На него не раз указывали классики марксизма-ленинизма. При известных условиях он может стать резервом реакции, но может представлять и революционную силу (как правило, там, где рабочий класс еще очень молод) в антиимпериалистическом национально-демократическом движении и даже революции. Так было, в частности, в Афганистане в 60-е годы, когда на передний край общественно-политической жизни в качестве наиболее активного носителя как леворадикальных, так и правых, реакционных идей вышла мелкая буржуазия и низший слой средней буржуазии с их политическим авангардом — радикальной мелкобуржуазной интеллигенцией.

Социалистические идеи оказывали достаточно сильное влияние на широкие слои населения страны, прежде всего в городе. Но носители этих идей, а ими опять-таки являлись представители прежде всего мелкобуржуазной интеллигенции, не обладая опытом классовой и политической борьбы, не сумели преодолеть сословные, национальные и иные барьеры и пошли различными политическими путями. В середине 60-х годов началось организационное оформление основных, к этому времени уже почти сложившихся политических течений.

В 1964 г. завершился процесс сближения и объединения марксистских кружков и групп в единую организацию. 1 января 1965 г. в Кабуле состоялся I Учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана. В силу ряда причин, рассмотрение которых выходит за рамки данного исследования, в 1966 г. НДПА распалась на две фракции — «Хальк» и «Парчам». Их программные и политические установки практически были одинаковыми, обе они оставались авангардом демократических сил и выразителями интересов трудящихся.

В упомянутый период организационно сложилась мелкобуржуазная экстремистская группировка маоистского толка «Шоале-и джавид» («Вечное пламя»), чьи идеи находили поддержку среди части мелкой буржуазии, в том числе мелкобуржуазной интеллигенции. Ведя ожесточенную борьбу против НДПА, эта группировка в короткий срок утратила свой «революционный» запал и превратилась в один из отрядов афганской реакции. Примерно тогда же вокруг частной газеты «Афган миллят» («Афганская нация») сформировалась так называемая социал-демократическая, а на деле буржуазно-националистическая группировка, взявшая на вооружение лозунги пуштунского национального шовинизма.

В Кабульском университете тогда же возникли ультрареакционные кружки исламского толка, положившие начало организованному исламскому фундаменталистскому течению в Афганистане, превратившемуся затем в ударный отряд современной афганской исламской фундаментальной оппозиции. Попытаемся восстановить хотя бы в общих чертах возникновение и развитие этого течения, что позволило бы более точно определить его место в разношерстной афганской исламской оппозиции, особенности его политических программных установок, природу взаимоотношений с другими отрядами исламской оппозиции национально-демократическому строю Республики Афганистан.

Первая фундаменталистская организация

Проследить историю возникновения фундаменталистского движения в Афганистане затруднительно. Дело в том, что примерно до 1980 г. информация на эту тему замалчивалась самими фундаменталистами, склонными, как и их идеологические наставники египетские «Братья-мусуль-

мане», к конспирированию всего, что касается их организаций. С течением времени факты становились известными из выступлений и статей лидеров движения, однако теперь история⁴ движения превратилась в орудие борьбы между лидерами за собственный приоритет в зарождении и развитии движения. Каждый стремился представить себя, так сказать, «отцом» движения. р Наиболее ожесточенная борьба велась и ведется между руководителями двух основных фундаменталистских организаций — лидером Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматъяром и лидером Исламского общества Афганистана (ИОА) — Б. Раббани. Смысл борьбы не ограничивается личными амбициями, хотя, конечно, они налицо. Оба они считают, что с приближением победы исламской революции в стране неизбежно возникает вопрос о политической власти в будущем Афганистане. И в этом контексте немалую роль играет претензия той или иной организации на роль лидера в истории зарождения и развития исламского фундаменталистского движения. Г. Хекматъяр и Б. Раббани в последнее время выдвигают каждый свою версию истории вопроса, приписывая лично себе роль если не единственного основоположника, то, по крайней мере, единственного из оставшихся в живых основоположников движения.

Поскольку их версии относятся уже к последнему времени и становятся все противоречивее и тенденциознее, а страсти разгорелись с полной силой, представляется целесообразным за основу взять более раннюю и, стало быть, более достоверную версию, изложенную в 1980 г. профессором богословия А. Сайяфом — третьим лицом и лидером созданной впоследствии фундаменталистской организации Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА).

Согласно этой версии⁵, в 1965 г. на богословском факультете Кабульского университета по инициативе его декана профессора богословия Гулам Мухаммада Ниязи был создан и действовал негласный кружок. Его члены обсуждали планы «возрождения» ислама, будущее государственное устройство страны, критиковали общественно-политические порядки в стране, «читали и обсуждали арабские источники», выработывали программные документы и устав своей будущей организации. Кружок ограничивал свою деятельность рамками университета, хотя его члены участвовали и в оппозиционных правительствам демонстрациях и митингах «даже руководимых коммуни-

стами, чтобы вести среди демонстрантов работу с целШ отворотить их от коммунизма».

В кружок входили будущие профессора теологии, а пока студенты Абдурахим Ниязи (руководитель кружка), Абдуррасул Сайяф, Атиш Раббани, моулави Хабиб Рахман, Голь Мухаммад, Сеид Абдурахман, Абдул Кадыр Тавана и студент медицинского факультета доктор Мухаммад Омар. Общее руководство осуществлял декан богословского факультета Гулам Мухаммад Ниязи.

На инженерном факультете возник аналогичный фундаменталистский кружок, руководящее ядро которого составляли Гульбуддин Хекматъяр, Сейфуддин Насратъяр и Хабиб Рахман. По инициативе студентов инженерного факультета оба кружка объединились «для совместной борьбы». В 1969 г. состоялась встреча представителей обоих кружков: от богословского факультета Абдурахим Ниязи, от инженерного Г. Хекматъяр и С. Насратъяр. В результате оба кружка объединились и была создана организация под названием «Мусульманская молодежь» — первая исламская фундаменталистская организация в Афганистане, на основе которой впоследствии возникнут две фундаменталистские организации — ИПА и ИОА, составившие ударный отряд современной афганской вооруженной оппозиции национально-демократическому режиму.

Названные выше лица, а также вошедшие в организацию Хаджи Махфуз, моулави Абдул Араб Хади Вардак, Мухаммад Исмаил Пасах, Хафизулла Фазли и Менхаджуддин Гахиз были впоследствии названы основоположниками движения. Все они, кроме Б. Раббани, Г. Хекматъяра и А. Сайяфа, погибли и объявлены «шариатами». Идейным вдохновителем и руководителем движения был декан богословского факультета Г. М. Ниязи. Активную роль в создании организации, по крайней мере по его собственным заявлениям, играл профессор теологии Б. Раббани, впоследствии основатель ИОА.

«Мусульманская молодежь» с самого своего появления заявила о себе как крайне реакционная экстремистская организация студенческой молодежи, вобравшая в себя прежде всего ту часть радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, которая была еще тесно связана с деревней, т. е. практически составляла первое поколение крестьянской семьи, как правило, глубоко религиозной, вышедшее в город и получающее или недавно получившее высшее образование.

«Мусульманская Молодежь» сразу же вступила в активную борьбу на два фронта: прежде всего против леводемократических сил и в первую очередь против НДПА,[^] а также против правящего режима, якобы потворствующего вестернизации общества и проникновению в страну коммунистического влияния. Острые этой борьбы было направлено против левых сил. Деятельность организации была строго законспирирована и засекречена, что, как уже говорилось, характерно для «Братьев-мусульман»¹⁰. Организацией руководил Высший совет. Конкретные мероприятия, такие, как митинги, демонстрации и т. д., планировал и осуществлял Исполнительный совет. Военная секция организации занималась вербовкой армейских унтер-офицеров, а впоследствии разрабатывала планы вооруженного мятежа в рядах армии. Во главе секции стоял инженер Хабиб Рахман, а после его ареста — Г. Хекматъяр, который впоследствии в выступлении на совещании в Пешаваре в 1987 г. следующим образом оценивал работу фундаменталистов в армии. «Работа в армии была весьма успешной. К движению присоединилось большое количество унтер-офицеров. Хотя мы и не смогли путем этой работы свергнуть режим и совершить революцию, но участие правоверных унтер-офицеров в движении оказалось затем, уже в ходе революции, очень полезным... Многих из тех унтер-офицеров, которые примкнули к движению в период правления Дауда, я вижу здесь, на этом собрании. В свое время они сдали движение одно за другим свои подразделения» 11.

В организации существовала секция по выявлению «неисламских» студенческих групп и их членов для последующей расправы с ними. Она придавала первостепенное значение привлечению новых членов и созданию ячеек как в университете, так и вне его. Члены организации, выезжавшие в дни каникул в родные провинции, помимо общей агитационной работы среди населения, были обязаны заниматься индивидуальной обработкой тех лиц, которые по своим качествам могли быть привлечены к сотрудничеству и использованы для создания новых ячеек. В Кабуле и провинциях организация создавала комитеты, куда входили учителя, мелкие чиновники, торговцы, учащаяся молодежь. Они поддерживали конспиративную связь с организацией. Ответственным за работу в провинциях являлся Б. Раббани. Кадровая политика строилась на принципах, разработанных «Братями-мусульманами»- Членом организации мог

стать каждый мусульманин, независимо от национальности, социального положения, языка, «стремящийся вырвать страну из когтей коммунизма и колониализма»¹². На практике все члены организации были мусульманами-суннитами. Шиитов в организации не было.

Для расширения своего влияния организация прибегала к различным способам борьбы. Г. М. Ниязи, используя свое положение декана богословского факультета, добился разрешения на создание при университете центра исламских исследований. По его настоянию на приемных экзаменах в университет в качестве обязательных были включены вопросы по истории ислама и исламской литературе. При этом Г. М. Ниязи выдвигал следующие доводы: «...Мы живем в мусульманском Афганистане, здесь не западное общество, в исламе наука и религия нераздельны. Это разложившаяся западная культура отделяет науку от религии... Бюджет университета оплачивается обездоленными крестьянами и бедным народом. Они не желают, чтобы религия, за которую они платили ценою крови, была исключена из учебных центров. Те, кто не знаком с собственной религией, не должны допускаться в Кабульский университет»¹³.

На нелегальных собраниях «Мусульманской молодежи», в частности у себя дома, Г. М. Ниязи настойчиво проводил мысль о необходимости соблюдения конспирации и о продолжении работы в подполье, «чтобы революция пустила корни». «...До созревания революции, до наступления поворотного момента — не спеши, ищи центры силы и опорные пункты, используй их для борьбы против коррупции и порока»¹⁴, — поучал он. Под его руководством организация использовала такие формы идеологической работы, как торжественное, в масштабах университета, проведение религиозных праздников, различных исламских конференций. Особое значение придавалось участию в митингах и демонстрациях.

Авторы некоторых работ по истории Афганистана того периода упоминают о существовании в 60-е годы в стране «филиала» или «отделения» международной реакционной исламской ассоциации «Братья-мусульмане», которая якобы и создала «Мусульманскую молодежь». По нашему мнению, такое утверждение лишено достаточных оснований. Конечно, афганские исламские фундаменталисты взяли на вооружение идеи «Братьев-мусульман» и конкретными проводниками этих идей являлись афганские богословы, часть которых получила образование в

Каирском богословском университете Аль-Азхар, а также профессора-теологи, приглашенные для работы в Кабульский университет из арабских стран, каждый из которых, как правило, имел группу последователей и учеников¹⁵. Однако этого недостаточно для утверждения о существовании «филиала» руководимого извне. В программных и иных документах афганских исламских фундаменталистов отсутствуют какие-либо подтверждения о существовании «филиала», хотя фундаменталисты и не скрывают, что своими идейными вдохновителями они считают основателей «Братьев-мусульман» — египтян Хасана Аль-Банна и Сеида Аль-Котба. Скорее всего речь может идти не о «филиале» ассоциации «Братьев-мусульман», а об отдельных лицах, проводивших ее идеи, поддерживавших связи со своими наставниками в Египте и получивших оттуда исламскую фундаменталистскую литературу¹⁶.

Правительственная пресса во время правления М. Дауда в ходе кампании против реакционного фундаменталистского афганского духовенства, к числу которого относилась и «Мусульманская молодежь», называла ее «ахван»*. Впоследствии название перекочевало и в словарь политических деятелей первого периода после апрельской революции 1978 г. в Афганистане.

Но вернемся к развитию событий в Афганистане.

10 октября 1967 г. в стране было сформировано правительство во главе с Нур Ахмадом Эттемади. Население ожидало от нового правительства улучшения как в области экономики, так и в социальной. Однако этого не последовало. Реализация экономической программы Эттемади была сорвана парламентом, а на социальные реформы кабинет был не способен. Уже с апреля 1968 г. начинается обострение социальной борьбы в стране, причем все активнее заявляет о себе рабочий класс. С апреля по июнь 1968 г. состоялась 21 забастовка рабочих промышленных предприятий, шахтеров и автотранспортников, более 10 раз выходили на уличные демонстрации учащиеся и студенты.

19 мая 1969 г. правительство запретило все демонстрации и закрыло университетов июне 1969 г. после встречи Эттемади с членами Высшего совета университета занятия возобновились, но проходили формально, и учебный

* Ахван, ахванисты — сокращенное название «Братьев-мусульман», Ахван-аль-муслемин (араб.).

год был поспешно закончен никого не интересовавшими экзаменами".

16 мая 1971 г., в обстановке кризисной экономической ситуации и обострения политической борьбы, Эттемади подал в отставку, после чего был сформирован кабинет д-ра Абдул Захира.

В марте—апреле 1972 г., с началом учебного года, в Кабульском университете снова начались волнения и схватки между враждующими группировками студенчества. Весной 1972 г. после очередного столкновения студентов — членов «Мусульманской молодежи» с участниками леворадикальной промаоистской группы «Шоале-и джавид», наиболее активные его участники были арестованы. Среди арестованных были Г. Хекматъяр, С. Насратъяр, М. Омар, осужденные затем на полтора года тюремного заключения каждый. В 1972 г., пока эти руководители еще находились в заключении, состоялись выборы нового руководства организации. И снова фундаменталистские лидеры выдвигают несколько поздних версий нового состава руководства организации. Версия Б. Раббани: «Был создан новый Исполнительный совет, который избрал из своего состава амира общества»^{2*}. Совет единогласно предложил мою кандидатуру в качестве амира, по моему предложению, проф. А. Сайяф был избран моим заместителем, инженер Хабиб Рахман — секретарем совета, а С. Насратъяр — заместителем секретаря... Конечно, это не означало, что роль профессора Г. М. Ниязи на этом закончилась. Он участвовал в качестве ответственного лица „за занавесом" во всех делах»¹⁸. Итак, по Б. Раббани, амир организации он сам.

Версия А. Сайяфа: организацию возглавил снова Хабиб Рахман, а его заместителем стал А. Сайяф¹⁹. Самая последняя версия Г. Хекматъяра: «Нас с 1969 г. было 12 (!). И я имел честь входить в это число. К сожалению, в живых остался только я. Некоторые считают, что основателем движения был покойный проф. Гулам Мухаммад Ниязи, а не Абдул Рахим Ниязи. Но о профессоре Г. М. Ниязи, которому мы очень благодарны за веру в нас и поддержку этого уникального движения, мы должны сказать всю правду. Он до конца своей жизни не имел официального членства в движении и всегда говорил: я извне поддерживаю вас, молюсь за ваши успехи, но мое

^{2*} Б. Раббани упорно называет организацию «Мусульманская молодежь» Исламским обществом, стремясь доказать преимущество между этой организацией и ИЮА.

общественное положение не позволяет мне быть вместе с вами... Руководящую роль в движении играл Абдул Рахим Ниязи, хотя в этом вопросе не было принято официального решения, его не избирали амиром, но естественным путем сложилось такое положение, что он практически руководил движением»²⁰. Вот как по Хекматъяру: не был руководителем ни Г. М. Ниязи, ни официальным амиром Абдул Рахим Ниязи, а Б. Раббани вообще у Хекматъяра не упоминается. Остался только он один!

Недаром все тот же фундаменталистский автор д-р Ш. Н. Хакшенас, сторонник Б. Раббани, писал в одной из своих полемических статей в адрес Г. Хекматъяра и его партии: «Они считают, что ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем никого кроме них, в Афганистане не было, нет и не будет. Такой образ мыслей с научной и практической точки зрения есть не что иное, как психическое заболевание»²¹.

Несмотря на сменявшие друг друга правительства в стране сохранялась социальная напряженность. Наступил кризис политической власти, логическим выходом из которого явился военный переворот.

В ночь с 16 на 17 июля 1973 г. группой армейских офицеров под руководством бывшего премьер-министра, члена королевской семьи М. Дауда, был осуществлен государственный переворот. Монархия была ликвидирована. Афганистан провозглашен республикой.

Исламская фундаменталистская оппозиция в 1973—1975 гг.

После антимонархического переворота и прихода к власти М. Дауда начинается самый «темный» период деятельности фундаменталистской организации «Мусульманская молодежь». Этот период всячески замалчивается, однако можно попытаться обобщить разрозненные факты и проследить за дальнейшей судьбой организации. М. Дауд, по крайней мере на первом этапе, был резко настроен против исламской реакции. Многие фундаменталисты оказались в тюрьмах, некоторые бежали из страны. Именно в этот период возникли впервые принципиальные противоречия между «стариками» и молодежью в руководстве организации. Причиной разногласий послужил выбор путей и методов дальнейшей деятельности фундаменталистского движения при республиканском режиме. „Во времена правления Дауда, в результате этой трещины ислам-

ское движение,— писал впоследствии фундаменталистский журнал «Киям-и хак», издававшийся в Пешаваре,— оказалось на пороге распада, крупнейшими причинами которого, видимо, являлись гибель руководящих кадров, арест кадровых членов и возникновение целого ряда противоречий теоретического и практического характера между лицами, контролирующими движение»²².

Молодые руководители движения выступали за подготовку вооруженного восстания с целью свержения режима М. Дауда, за расправу над леводемократическими силами и создание теократического исламского государства. Более прагматичные «старрики» считали подобные действия преждевременными и обреченными на неудачу.

После выхода из тюрьмы в начале 1974 г. Г. Хекматъяра, С. Насратъяра и д-ра М. Омара противоречия настолько обострились, что фактически произошел раскол организации. Г. Хекматъяр и С. Насратъяр, выступавшие за радикальные действия, начали подготовку антиправительственного восстания под лозунгом джихада против «безбожного» режима М. Дауда²³. И вот в 1974г. тайно, по одному покидают страну руководители и активисты радикального крыла организации. Все они оказались в «хиджрате», который длился одинаково долго — три месяца, после чего большинство из них вернулось в Кабул. Только сейчас фундаменталисты признают, что все они проходили в Пакистане военную подготовку. «Мы решили,—говорил Г. Хекматъяр в 1987 г.,—что как можно большее число лиц должно пройти военную подготовку, чтобы затем начать боевые действия против режима. Имелось в виду сочетать работу в народе и в армии. Планировалось, что восстание в народе будет поддержано армией, после чего начнутся военные действия по всему Афганистану²⁴. В июле 1975 г. начались повстанческие действия в Панджширской долине, в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия и Нангархар.

Непосредственными руководителями восстания, в частности, были:

Мухаммад Насим Тарек Мослемъяр родился в 1949 г., окончил кабульский лицей Хабибия, затем поступил в Кабульский университет на факультет литературы. Летом 1975 г. во время сражения с правительственными войсками был ранен, арестован и приговорен к пожизненному заключению. В конце мая 1979 г. расстрелян в составе группы из 117 наиболее активных фундаменталистов, находившихся в заключении со времен М. Дауда²⁵.

Мухаммад Надыр Бадахши родился в 1952 г. Учился в Кабульском университете на факультете политических наук. В 1974 г. в составе группы единомышленников «эмигрировал» в Пакистан, через 3 месяца вернулся и продолжал учебу. Летом 1975 г. во время вооруженной борьбы с правительственными войсками был ранен, осужден и приговорен к тюремному заключению. Расстрелян в составе группы из 117 фундаменталистов в мае 1979г.²⁶

Профессор Голь Мухаммад, один из основателей движения, родился в 1946 г. Окончил богословский факультет Кабульского университета, в 1975 г. ему, Хабибу Рахману и Хаджи Махфузу «было поручено организовать восстание по всей стране». Погиб в бою в долине Панджшир²⁷.

Доктор Мухаммад Омар, один из основателей движения, родился в 1951 г. Учился на медицинском факультете Кабульского университета, где активно участвовал в деятельности фундаменталистского кружка. Прошел военную подготовку в Пакистане. В 1975 г. направлен в Бадахшан для организации вооруженной борьбы против режима М. Дауда. Арестован, осужден и казнен²⁸.

Моулави Хабиб Рахман, один из основателей движения, к моменту мятежа 1975 г.— профессор богословского факультета. В 1975 г. «с саблей в одной руке и с Кораном — в другой», как писали о нем впоследствии, прибыл в провинцию Лагман, где через месяц был арестован, в июне 1977 г. осужден и расстрелян²⁹.

Инженер Абдул Алам, один из ветеранов организации, вступил в нее, будучи студентом политехнического факультета университета. Прошел в 1974 г. военную подготовку в Пакистане, в 1975 г. направлен в Лагман вместе с моулави Хабибом Рахманом для организации восстания. Был арестован, приговорен к пожизненному заключению. Расстрелян в мае 1979 г. в составе группы 117 фундаменталистов³⁰.

Население провинций, где были организованы очаги восстания, не поддержало боевые группы фундаменталистов. Восстание было быстро подавлено.

Очень важна роль Пакистана в организации антиправительственного восстания 1975 г. в Афганистане. Афганские фундаменталисты, вставшие на путь вооруженной борьбы против республиканского режима М. Дауда, превратились в орудие пакистанских спецслужб, а затем и других недружественных Афганистану того периода сил.

Пакистанскому правительству З. Бхутто нелегальное прибытие в Пакистан лидеров и активистов оппозиционных М. Дауду сил было как нельзя кстати: в это время вновь обострились афгано-пакистанские отношения из-за проблемы Пуштунистана.

Афганистан использовал пуштунские племена для создания напряженности вдоль линии Дюранда^{3*}. Правительство З. Бхутто ответило на это проведением «политики «вперед»³¹. В этой ситуации, где чувствовалась и рука ЦРУ США, пакистанское руководство пошло на оказание помощи прибывшим афганским фундаменталистам. По некоторым данным, Пакистан тайно подготовил и обучил методам партизанской войны около 5 тыс. афганских фундаменталистов (цифра явно завышенная.— В. С.) в секретных лагерях, основным из которых являлся лагерь в Аттоке.

По этим же данным, операция по подготовке афганских фундаменталистов, оснащению их оружием, финансированию «осуществлялась как чисто пакистанская операция, и ни иранцам, ни американцам, ни китайцам об этом не сообщалось»³². «В то время как сегодня сторонники Г. Хекматъяра высокомерно напоминают другим группам сопротивления, что они начали свою борьбу против „безбожного коммунизма“ и других „неверных“ еще в 1975 г.,— пишет западный исследователь,— высокопоставленные военные и гражданские лица из бывшего правительства Бхутто, располагающие достоверной информацией о тайных операциях против Афганистана, рассказывают совершенно иную историю. Эти официальные в прошлом лица утверждают, что Гульбурдин и другие, такие, как Б. Раббани из Исламского общества Афганистана, находились в Пакистане под контролем и прямым руководством правительства Бхутто. Вопросы снабжения, поставок, финансов во время панджирского инцидента решались пакистанскими властями»³³.

Исследователи пока не располагают документальными подтверждениями этой секретной операции пакистанских властей. Но факты и элементарная логика не оставляют в том никаких сомнений. Наивно полагать, что такая крупномасштабная операция против Афганистана с тер-

^{3*} Линия Дюранда - навязанное в 1893 г. Афганистану Англией соглашение, согласно которому территория восточнопуштунских племен была включена в состав Британской империи. Афганистан не признает ее в качестве официальной границы с Пакистаном.

ритории Пакистана могла бы быть осуществлена без ведома и участия правительства Пакистана и, возможно, других сил. Уже в наши дни, после подписания в Женеве в 1988 г. афгано-пакистанских соглашений по урегулированию вокруг Афганистана, Пакистан, на территории которого находятся многочисленные лагеря и базы по подготовке боевых отрядов афганской оппозиции, в том числе фундаменталистских, уклоняется от практического выполнения решения о закрытии этих баз и прекращения переброски оружия через границу в Афганистан. История повторяется, но в более крупных масштабах.

Почему же восстание потерпело неудачу? Вопрос этот имеет важное значение для анализа причин упорного сопротивления афганской оппозиции, в том числе фундаменталистской, законному режиму, который установился в Кабуле после апрельской революции 1978 г. Найти в работах советских и зарубежных афганистов какого-либо анализа или хотя бы гипотез, которые помогли бы определить причины неудачи, автору не удалось. Полное молчание хранят об этом афганские фундаменталисты. Между тем, как представляется, эти причины могли заключаться в следующем. «Мусульманская молодежь» являла собой политический авангард правой радикальной мелкобуржуазной интеллигенции. Поставив перед собой две цели — борьбу против левых сил и свержение существовавшего режима с последующим созданием исламского государства, она неизбежно встала перед необходимостью поиска социальной опоры, выбора класса илисловия, которые могли бы, уверовав в ее идеи, пойти за ней на восстание или переворот. Организовать массовые выступления и беспорядки в Кабуле «Мусульманская молодежь» в принципе могла, но, видимо, сознавала, что режим М. Дауда при поддержке армии и полиции, а, если понадобится, то и левых сил быстро ликвидирует эти выступления, тем более что опыт подобных действий режим уже приобрел.

Организовать заговор в армии фундаменталистам не удалось. Армия, с помощью которой М. Дауд совершил антимонархический переворот, была еще верна ему. Рабочий класс фундаменталистам был далек и чужд. Оставалось крестьянство. Работу среди крестьян организация вела активно. Ее члены регулярно выезжали во время каникул в деревню, распространяя фундаменталистские идеи, настраивая крестьян против правящих верхов как виновников всех зол и бед, против проникно-

вения в страну растленной западной культуры и «безбожного коммунизма». С скромными масштабами работы в деревне явно не соответствовали поставленным задачам, т. е. поднятию вооруженного восстания по всей стране или в нескольких ее провинциях. Военные операции были начаты, видимо, под давлением пакистанских спецслужб, преследовавших свои собственные политические цели.

Надежды фундаменталистов на победу оказались тщетными. Их боевые группы терпели поражение за поражением, не получая какой-либо поддержки со стороны крестьянства, что было закономерно. Отсутствовали причины — экономические, политические или социальные, которые побудили бы крестьянство подняться против режима М. Дауда. Интересы крестьянина замыкались на земле. Режим же М. Дауда не угрожал существованию сложившейся системы землепользования, не пытался, по крайней мере на этом этапе, осуществить радикальные аграрные преобразования, которые могли бы напугать или вызвать недовольство крестьян. Крестьянство относилось к верховной власти — королевской династии — как к священному, символу единства и независимости страны, «В отличие от многих колониальных и зависимых стран, — пишет в одной из своих работ известный советский ученый Р. А. Ульяновский, — в Афганистане борьба против английского колониализма за восстановление независимости проходила под руководством монархии. Последовавшая затем, в 70-е годы, эпоха „просвещенного абсолютизма“ создала вокруг монархии ореол прогрессивной силы и оплота национального суверенитета»³⁴.

Монархия была упразднена, но во главе республики встал опять-таки представитель королевской династии, выходец из клана мухамедзаев, что могло восприниматься крестьянской массой как продолжение династической линии, тем более что переворот был бескровным. Следует учитывать и религиозность крестьянства. Оно могло прийти в движение, если бы почувствовало какую-то угрозу вере, но такой угрозы не последовало, и призывы фундаменталистов начать джихад — «священную войну» против правительства повисли в воздухе и авантюра фундаменталистов провалилась. «Всеобщее вооруженное восстание не состоялось, — писал один из наиболее серьезных зарубежных исследователей новейшей истории Афганистана Т. Амин, — поскольку народ отказался пове-

реть в заявлении повстанцев, что в Кабуле правит безбожный коммунистический режим»³⁵.

В 70-е годы начинался поворот М. Дауда вправо, отход от провозглашенных социально-политических программ, началось преследование прогрессивных сил, сближение с шахским Ираном и некоторыми арабскими странами, было достигнуто соглашение о прекращении пропагандистской войны по вопросу Пуштунистана и линии Дюранда. По мнению Т. Амина, к числу причин поворота вправо в политике М. Дауда можно отнести ту, что шахский Иран и Пакистан проводили по отношению к Афганистану скоординированную политику «кнута и пряника». «Пряником» была обещанная Афганистану программа массовой помощи. Шах Ирана обещал оказать Кабулу помощь в размере почти 3 млрд амер. долл. «Кнут» держал в руках Пакистан. Было ясно, что если Кабул отойдет от договоренности о линии Дюранда и по Пуштунистану, то Пакистан будет готов задействовать те силы, которые он привел в движение в Панджширской долине летом 1975 г. После договоренности о прекращении вмешательства в дела друг друга Пакистан полностью прекратил свою поддержку фундаменталистов, а Афганистан — пуштунов³⁶.

Вот как оценивал Г. Хекматъяр значение попытки восстания для судеб фундаменталистского движения: «Если бы не было исламского восстания истинных мусульман Исламской партии Афганистана (Г. Хекматъяр уже не говорит о „Мусульманской молодежи“, теперь восстание для него — дело рук его партии.— В. С.), наше сопротивление не состоялось бы. Когда мы подняли оружие против угнетателя Дауда, были люди, которые обвиняли нас в мятеже, были и такие, кто считал нас авантюристами, были даже такие, кто осудил героическое восстание истинных моджахедов... заявив, что это сопротивление не более чем авантюра (Г. Хекматъяр имеет в виду „стариков“ из движения, прежде всего Б. Раббани) ... Но сегодня все знают: если бы не было... восстания в тот период, то никогда не было бы сегодняшнего сопротивления»³⁷.

С провалом восстания закончился первый, «университетский» этап развития фундаменталистского движения в Афганистане. Вплоть до апрельской революции 1978 г. оно почти не дает о себе знать: часть его руководства погибла, часть в тюрьмах, основные кадры эмигрировали в основном в Пакистан.

В истории движения начался новый этап. Противоречия в рядах «Мусульманской молодежи» усилились. Причина — разное отношение к восстанию 1975 г. и к планам на будущее. Радикальное крыло обвиняло «умеренных» в предательстве, «умеренные» по-прежнему считали попытку восстания авантюрой, нанесшей движению непоправимый ущерб. Радикалы выступали за продолжение боевых операций с территории Пакистана, «умеренные» делали ставку на военный переворот.

В обстановке резких разногласий было решено изменить название «Мусульманская молодежь» на Исламскую партию Афганистана, так как название «Мусульманская молодежь», как заявил Г. Хекматъяр, «уже не отражало состава движения, к которому присоединились улемы, военнослужащие, старейшины племен, простой народ»³⁸.

В 1976 г. на территории Пакистана были окончательно сформированы две фундаменталистские организации: Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматъяром и Исламское общество Афганистана (ИОА) с Б. Раббани в качестве лидера, причем каждая из них считает, что именно она стоит у истоков движения.

С распадом «Мусульманской молодежи» фундаменталистское движение не прекратило своего существования: по всему Афганистану остались его подпольные ячейки, продолжало действовать хорошо законспирированное подполье. Ушедшие в Пакистан кадры налаживали связи с подпольем, занимались организационной деятельностью, устанавливали контакты с фундаменталистскими движениями в Пакистане и арабских странах. Шла перегруппировка сил. Но это уже другие силы.

Исламское фундаменталистское движение не ограничивалось деятельностью только «Мусульманской молодежи». В стране существовали и другие группы, иные проводники фундаменталистских идей, вокруг которых объединялись их последователи. Но «Мусульманская молодежь» была первой организацией, которая восприняла у арабских «Братьев-мусульман» не только их идеи, но и характерный для последних фанатичный экстремизм, жертвенность, стремление и готовность прибегать к политическому террору.

Все прочие проводники фундаменталистских, а точнее, панисламистских идей, такие, как С. Моджаддиди, М. Наби Мухаммади и др., не представляли для правящей верхушки какой-либо серьезной опасности, все они принадлежали к господствующим классам, к высшим

слоям Духовенства. Масштабы их деятельности были ограничены, группы их последователей не имели организационных форм. Их фундаментализм был непоследователен, они вели сдержанную критику существовавших порядков, борьбу против прогрессивных сил, но дальше этого не шли. Большинство из них еще немного пококетничали с идеями «братьев» и порвали с фундаментализмом, перейдя в лагерь так называемых традиционалистов. После апрельской революции 1978 г. в Афганистане они влились в ряды исламской оппозиции, составив ее внушительную часть — исламскую традиционалистскую оппозицию.

АПРЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1978 г.: ЕЕ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Крестьянство — массовая база вооруженной оппозиции

К моменту апрельской революции 1978 г. в Афганистане объективно созрели социально-экономические предпосылки национально-демократической революции. Антимонархическим переворотом М. Дауду не удалой, притупить противоречия в стране. Не помогли ни репрессии, ни уступки. В стране постепенно вызревали элементы политического кризиса, шло накопление политических сил, постепенно возникла революционная ситуация, завершившаяся в апреле 1978 г. революционным военным выступлением, свержением режима.

Революция произошла в крайне отсталой стране, где переплелись дофеодальные пережитки, элементы феодализма с нарождавшимися и начинавшими развиваться капиталистическими отношениями. Экономическая и политическая отсталость, слабый промышленный пролетариат — все это обусловило особенности классовой борьбы после апрельской революции. Исключительно острый характер имеет в Афганистане национальный вопрос: он не решен до сих пор, что привносит в классовую борьбу сильные элементы национально-этнической розни, которые зачастую отгесняют на задний план классовый характер событий. Ислам, практически став образом жизни народа, превратился в идеологию сил, выступающих против национально-демократического режима.

Руководила военным переворотом в апреле 1978 г. НДПА, объединившая в своих рядах «часть радикально настроенной афганской интеллигенции, представителей передового офицерства, служащих госаппарата, передовых рабочих и студенчества»¹. Тот факт, что во главе национально-демократической революции в Афганистане, как и в других странах Востока, стоят передовые представители средних городских слоев, и в первую очередь интеллигенции, — явление закономерное. Рабочий класс Афганистана был еще малочислен. Естественно, в своем

большинстве он поддерживает национально-демократический строй, хотя автор не стал бы преувеличивать его роль в социальных процессах, происходящих в крестьянском Афганистане. Кстати, его численность, по разным источникам, составляет от 100 тыс. до 300 тыс.

После апрельской революции рабочий класс Афганистана прошел большой путь. Повысился уровень его политического сознания, выросли и становятся все более действенными профсоюзы, повысилась активность в защите национально-демократического строя. Увеличилась рабочая прослойка в НДПА. И все же рабочий класс Афганистана еще не стал «классом для себя».

На первом этапе революции отдельные руководители НДПА проявили революционное нетерпение, декларировали установление в стране диктатуры пролетариата, «грозились» за пять лет пройти путь, который прошел Советский Союз с момента Великой Октябрьской социалистической революции. Забегание вперед отпугивало от революции значительное число трудового населения, и в первую очередь крестьянства. Ошибочный подход был впоследствии преодолен, но задача привлечения на сторону национально-демократического строя широких масс решена не была.

Основная сила, противостоящая национально-демократическому строю, — исламское фундаменталистское движение. Фундаменталисты выдвинули лозунги возрождения ислама, создания исламского государства. Отвергая капиталистический и социалистический пути развития, афганские исламские фундаменталисты в действительности являются выразителями и защитниками интересов буржуазии. Все основные программные положения фундаменталистов по созданию исламского государства построены на принципах патриархальной справедливости, равенства и т. д. Программа предусматривает сохранение частной собственности на средства производства, а следовательно, сохраняется эксплуатация, а отсюда неизбежно неравенство. Правда, различные экономические и иные рычаги, по мнению фундаменталистов, должны ограничивать накопление богатств в одних руках и обеспечить справедливое перераспределение доходов. Но это не более чем иллюзия.

Равнявшиеся к власти еще до апреля 1978 г. фундаменталисты искали себе опору в борьбе против правящих режимов, поскольку, очевидно, понимали, что борьба в одиночку не имеет никакой реальной перспективы дости-

жения цели. Рабочий класс с его только зарождающимся, но все же пролетарским классовым сознанием, был, враждебен. Оставалось крестьянство, огромная в масштабах страны масса крестьян, живущих в тяжелейших условиях, эксплуатируемая и бесправная.

В 1975 г. фундаменталисты предприняли отчаянную попытку повести за собой крестьянские массы, но потерпели сокрушительное поражение. После апрельской революции 1978 г. они снова стали возлагать свои надежды на крестьянство.

Наряду с существовавшими фундаменталистскими организациями после 1978 г. сформировался новый крупный отряд афганской исламской оппозиции — исламская традиционалистская оппозиция. В ней объединились феодально-монархическая верхушка, правившая в стране элита, генералитет, члены бывших правительств, высший слой мусульманских богословов, лидеры пуштунских племен. Во главе оппозиции стоят такие видные в деревенском Афганистане религиозные авторитеты, как С. Моджаддиди, С. А. Гилани и М. Наби Мухаммади. Они выступают за возврат Афганистана на традиционный путь развития, за реставрацию додаудовских порядков и, если бы это оказалось возможным, — монархии. Главную опору оппозиция видит в крестьянстве. Таким образом, после апрельской революции решающим для судеб национально-демократического строя и для исхода борьбы за власть в Афганистане стал вопрос, за кем пойдет трудовое крестьянство. От его позиции зависит, кто одержит верх в борьбе за власть в Афганистане — национально-демократический строй, исламские фундаменталисты или исламская традиционалистская оппозиция.

Как уже отмечалось Афганистан — страна отсталая. Промышленность только-только зарождалась. В деревне сохранились остатки феодальной системы землепользования. Крестьяне практически были неграмотны. Высшим авторитетом деревни был малик (или хан, сардар), наиболее зажиточный крестьянин. Если в пуштунских племенах власть главы племени ограничивалась джиргой (советом старейшин или общим сходом), то в неплеменной и непуштунской деревне малик пользовался почти неограниченной властью: в частности, владел правом сборов налогов, перераспределения участков земли (в тех районах, где этот старый обычай еще сохранился), отбора призывников в армию. Будучи одновременно ростовщи-

ком, малик держал в руках основные экономические рычаги власти в деревне. Второе лицо в деревне, как правило, деревенский мулла. Его влияние и авторитет опираются на религию, на право применять в повседневной жизни положения шариата, следить за исполнением исламской обрядности, учить детей основам грамотности. «Это означает, — пишет один из западных исследователей, — что местная власть над приблизительно 86% населения страны находится в руках частных лиц со своими собственными источниками богатства и силы, с которыми Кабул может вести переговоры, но которые он не может контролировать. На этом уровне центральное правительство не может быть уверено, что его политическая линия проводится в жизнь».

Горы, отсутствие дорог и современного транспорта способствовали устойчивой изоляции деревни как от крупных городов, так и от других деревень. Последнее, в свою очередь, усиливало прочность кровных уз, сплоченность населения, чувство недоверия и подозрительности к внешнему миру. Другими словами, деревня — замкнутая изолированная ячейка общества, где не могли появиться со стороны новые люди, новые идеи. Крестьянин не видел в лице помещика или малика врага. Поэтому любое мероприятие центрального правительства, касающееся деревни, требовало максимума осторожности, взвешенного подхода. Такой подход был тем более необходим, что афганский крестьянин, чувствительный к вопросу о законности центрального правительства и к его отношению к религии, был насторожен слухами о событиях в Кабуле в апреле 1978 г. Однако вместо кропотливой разъяснительной работы о целях революции, ее аграрной политики, вместо постепенного привлечения крестьянства на сторону новой власти путем создания условий, облегчающих деревенскую жизнь, таких, как строительство дорог, больниц, выделение кредитов и т. д., тогдашнее руководство страны, несмотря на имевшиеся на этот счет рекомендации, пошло по пути немедленного, практически без подготовки декретирования целого ряда реформ, призванных в короткий срок разрушить многовековые основы аграрного сектора, уничтожить существовавшую систему землепользования, что, по замыслу должно было привлечь на сторону революции крестьянство, которое послужило бы массовой базой революции.

Был издан ряд декретов, в частности декрет № 6 (июль 1978 г.), по которому сокращалась задолженность

... и малоземельных крестьян, ликвидировав ростовщичество; в октябре 1978 г. — декрет № 7, практически отменивший махр — разновидность калыма за невесту; в ноябре 1978 г. — декрет № 8 о проведении земельной реформы, имевший целью подрыв основы крупного помещичьего землевладения.

Политика в отношении крестьян в целом была намечена правильно. Но забегание вперед, структура реформ внесли отпечаток политического дилетанства, недостаточного знания обстановки в деревне. Позднее руководители республики признали фактический провал аграрной реформы. На XX пленуме НДПА, состоявшемся 20 ноября 1986 г., генеральный секретарь ЦК НДПА Наджибулла, в частности признал: «Задумаемся все вместе, что же у нас происходит: в крестьянской стране мы не занимаемся как следует крестьянством. Такой животрепещущий вопрос, как земля и вода, мы пытались решить выдачей абстрактных документов, направляя поток бумаг на головах крестьян. Мы начали аграрную реформу не с того конца, разрушая сложившиеся производственные отношения, не считаясь с национальными обычаями, традициями и правами»³.

Политика «революционного нетерпения» подорвала доверие к новой власти безземельного, малоземельного и среднего крестьянства. Крупные землевладения конфисковывались без каких-либо, хотя бы символических «отступных», что прямо ущемляло интересы не только помещиков, но и большого числа землевладельцев из офицерского состава армии, чиновников госаппарата, мусульманских богословов. Более того, земля изымалась не только у крупных землевладельцев, но и у середняка, «что стало одним из факторов, обусловивших переход недовольного среднего крестьянства в стан контрреволюции», как признал в 1984 г. председатель совета министров того периода С. А. Кештманд⁴.

Афганский крестьянин оказался социально-психологически неподготовленным к получению во владение земли, принудительно отнятой у ее прежнего владельца. В этом проявлялось веками воспитывавшееся религиозное и обычайное почитание принципа неприкосновенности частной собственности. Кроме того, крестьянину давали землю, но запрещали ее продажу, сдачу в аренду, под залог, а также дробление при наследовании. Запрещалась также работа на земле по найму. Ограничения обрекали крестья-

пина на владение участком земли, который, как он считал, полностью ему не принадлежал, который нечем было засеять, полить (реформа на ее первом этапе не коснулась такой жизненно важной для афганской деревни проблемы, как вода).

Запрет дележа земли при наследовании шел вразрез с шариатом и многовековыми традициями. А отмена махра (род калыма) и возрастные ограничения брака были расценены как вмешательство в святая святых афганца — в его семейную жизнь. Кстати, это сразу же отметили иностранные дипломаты в Кабуле. Вот как комментировал этот декрет тогдашний посол США в Афганистане А. Дабс: «...Ликвидация калыма и расходов на свадьбу будет, возможно, с удовлетворением встречена потенциальными женихами и их родителями. Но обычай имеет в афганском обществе глубокие корни, как исторические, так и религиозные. Поэтому серьезная попытка правительства навязать этот декрет, особенно в более консервативных сельских районах, непременно столкнется с сопротивлением... Следует также отметить, что калым (махр) — это традиционно оговариваемая сумма денег, которая кладется (женихом или его родственниками. — В. С.) во время свадьбы на счет невесты. Эти деньги остаются под контролем мужа, если он не разводится с женой. Если же состоится развод, то в этот момент деньги передаются жене. Практически это нечто вроде «алиментов». Отмена этой протекции... поставила бы женщину в гораздо более уязвимое экономическое и социальное положение по сравнению с мужьями»⁵.

Ошибочными оказались действия НДПА в отношении религиозных деятелей (например, расстрел в январе 1979 г. по приказу Х. Амина всех находившихся в Кабуле членов клана (21 чел.) Моджаддиди), принудительное вовлечение женщин в кружки по ликвидации неграмотности и т. д.

Осуществление на практике перечисленных и других декретов встретили сначала скрытое, а затем прямое сопротивление крестьянства. На первых порах это сопротивление носило стихийный характер, но жестокая реакция со стороны правительства, подстрекательства со стороны помещиков, ханов, маликов, мулл постепенно привели к росту организованности и наращиванию размаха сопротивления. По всей стране возникали очаги вооруженного сопротивления политике Кабула под религиозными лозунгами и призывами к джихаду. 1-го июня

1979 г. Совет министров ДРА объявил об успешном

"с опережением плана» якобы завершении земельной реформы. Но было уже поздно. К этому времени обстановка в стране резко осложнилась. 8 октября 1978 г. начались вооруженные выступления в Нуристане, в марте 1979 г. вспыхнул крупный вооруженный мятеж в Герате. В этом же месяце имели место вооруженные выступления во многих других городах.

Возник кризис политической власти, завершившийся в декабре 1979 г. уходом с политической арены Х. Амина и началом второго этапа апрельской революции. По просьбе афганского руководства, в Афганистан был введен ограниченный контингент советских войск. В наших и частично зарубежных оценках того периода было принято связывать все ошибки и неудачи руководства НДПА с преступной деятельностью Х. Амина, а вооруженные антиправительственные выступления — с деятельностью империалистических сил и афганской контрреволюции. В целом эти оценки имели под собой определенные основания. По мнению автора, они нуждаются в более глубоком раскрытии, в выявлении первопричин, которые привели к столь трагическому разворачиванию событий в стране. По нашему мнению, главное, что предопределило столь ожесточенное сопротивление национально-демократической власти и привело к гражданской войне,— это проигранная НДПА битва за массы крестьянства.

Анализируя в свое время ситуацию, схожую с афганской, Ф. Энгельс писал о трех группах сельского населения Германии — мелких свободных крестьянах, феодально зависимых крестьянах и сельскохозяйственных рабочих: «Каждому из них революция сулила выгоды, и потому можно было ожидать, что все они один за другим примкнут к ней, как только движение полностью развернется. Но в то же время не менее очевидно и не в меньшей степени подтверждено историей всех современных стран, что сельское население никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение в силу своей распыленности на большом пространстве и вследствие трудности добиться согласия среди сколько-нибудь значительной своей части. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного населения городов»⁶.

Воздействие НДПА на афганское крестьянство ограничивалось публикацией в газетах статей о земельной ре-

форме (которых крестьянин не читая по причине неграмотности, да и газеты в деревню не доставлялись), затем наездами в деревню молодых, безбородых, не внушающих доверия уполномоченных, собиравших крестьян на митинги и произносивших непонятные им речи, конфискацией земли и попытками тут же передать ее испуганному крестьянину, принудительными мерами по осуществлению скоропалительных «революционных» реформ. «Воздействия» не получилось, и дело здесь, как нам представляется, не в Х. Амине, не столько в ошибках партии, сколько в ее классовой сущности. Будучи партией прогрессивной интеллигенции, НДПА в ту пору не смогла правильно определить характер совершенной ею революции, переоценила свои возможности.

Игнорируя специфику крестьянства как класса, НДПА не убедила на этом этапе крестьянство в высоких целях национально-демократической революции и оттолкнула крестьянство от новой власти. Но идеологического вакуума в классовом обществе быть не может. Напуганное мероприятиями новой власти, крестьянство пыталось найти спасение и объяснение происходящему в привычной для него идеологии — исламской религии, тем более враги революции убеждали его, что власть в Кабуле захвачена безбожниками, они хотят уничтожить исламские ценности, они привели в страну иностранные войска, долг каждого мусульманина встать на защиту своей религии, начать джихад против неверных и их афганских прислужников. Вот, собственно, и весь комплекс философско-политических идей, с которыми исламская оппозиция обратилась к афганскому крестьянству, комплекс проверенный и испытанный, доступный пониманию крестьянина в отличие от малознакомых или вовсе не знакомых призывов, с которыми обращались к крестьянам наезжавшие из города уполномоченные НДПА. Но, как писал В. И. Ленин, «распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия, либо пролетариат... О „третьем“ пути, о „третьей силе“ могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»⁷.

Ошибки партии, яростная пропаганда всех противников революции среди крестьян в конце концов создали благоприятные возможности для усиления в деревне влияния исламской оппозиции, в том числе фундаменталистской. Последние сумели увлечь за собой часть крестьянства. Другая его часть, в основном пуштунские племе-

на, пошли за традиционалистскими лидерами оппозиций. Значительные массы крестьян под влиянием враждебной пропаганды ушли в Пакистан и Иран, где превратились в неиссякаемый резерв и источник пополнения вооруженных отрядов оппозиции. Та часть крестьянства, которая осталась в стране и не принимает непосредственного участия в вооруженной борьбе на стороне оппозиции, стала объектом борьбы за влияние над ней между правительством и оппозицией.

Существует определенное объективное противоречие в характере гражданской войны, развязанной оппозицией,— это антагонистическое противоречие между классовыми интересами руководителей оппозиции, ее кадрового состава и той части крестьянских масс, которая оказалась вовлеченной в вооруженную борьбу против национально-демократического строя и составила массовую основу вооруженной оппозиции. Противоречие тщательно скрывается лидерами оппозиции под маской общемусульманской «священной войны», джихада. Та часть афганского крестьянства, которая выступила в поддержку исламской оппозиции, воюет в настоящее время против своих собственных экономических и политических интересов, выразителем которых является национально-демократическая власть. В этом и заключается основное, на наш взгляд, противоречие гражданской войны в Афганистане, и от того, как оно будет разрешено, во многом зависит судьба Республики Афганистан.

* * *

Борьба между национально-демократической властью и оппозицией за привлечение на свою сторону крестьянских масс страны тесно связана с проблемой афганских беженцев, находящихся в Пакистане и Иране.

По данным пакистанских властей в 1983 г. на территории Пакистана было зарегистрировано примерно 2,7 млн афганских беженцев⁸. Не стоит оспаривать или уточнять приведенные цифры. Ясно одно; численность афганских беженцев в Пакистане велика и до тех пор, пока они не вернутся в свою страну, нельзя говорить о политическом решении афганской проблемы. Понятие «беженцы» не совсем точно квалифицирует ту массу афганцев, которая оказалась в Пакистане и в Иране, Афганская оппозиция и многие мусульманские страны называют афганских беженцев мохаджерами, т. е. переселенцами, а сам процесс — хиджратом, т. е. переселением,

уходом) Понятие хиджрата в исламе конкретно и уходит в историю. В 622 г. Мухаммад, чье учение было встречено в Мекке враждебно, с группой своих последователей — мохаджеров ушел из Мекки в Медину, чтобы, как стали позже трактовать, собрать вокруг себя силы мусульман и вернуться с победой в Мекку. Медины, часть которых стала последователями Мухаммада, приняли его и мохаджеров и поделились с ними своим имуществом. Они, по исламской терминологии, являлись ансарам. В последующем исламское предание стало рассматривать хиджрат Мухаммада как целенаправленный политический акт протеста против угнетателей.

Афганские исламские фундаменталисты еще более политизировали понятие хиджрата. Уход значительной части сельского населения в Пакистан они стали трактовать как повторение хиджрата пророка Мухаммада и этапом на пути создания в Афганистане исламского государства. «Хиджрат — это уход с территории, находящейся под господством Сатаны, на территорию, управляемую Аллахом»,—твердят фундаменталисты⁹. Исходя из такой трактовки, мусульманские страны призвали афганских беженцев мохаджерами, а принявших их Пакистан и Иран — странами-ансарам, которые в соответствии с исламскими нормами, обязаны их принять и обеспечить всем необходимым. Подобная трактовка создала для правительств этих стран исламскую правовую основу, оправдывающую оказание разносторонней помощи афганской исламской оппозиции в ее борьбе против национально-демократического строя в Афганистане.

Уход крестьян в Пакистан и Иран лишь в известной мере стихийный. Можно думать, что, даже несмотря на ошибочные действия НДПА по отношению к крестьянству, несмотря на отрицательное отношение к «безбожному» режиму в Кабуле, оно не ушло бы из своих деревень в другую страну. Но ошибками партийного руководства не замедлила воспользоваться оппозиция. Она не только активно поддерживала локальные выступления крестьян против новой власти, но и склоняла к уходу в Пакистан и Иран. После ввода в Афганистан советских войск уход крестьян принял массовый характер, так как исламская оппозиция использовала этот факт в своей пропаганде о «безбожии» кабульского правительства, призвавшего в страну «неверных».

Фундаменталисты и их организации — ИПА и ИОА, прозаввавшие в Пакистане с 1975—1976 гг., расценили

приход большого числа афганских беженцев как важное событие. Руководители исламской оппозиции увидели в миллионах беженцев, оказавшихся на чужой земле, в полной экономической зависимости как от местных властей, так и от своих маликов, ханов и мулл, сомкнувшихся с организованной исламской оппозицией, ту силу, которую можно использовать в своих интересах.

«С началом притока беженцев,— говорится в докладе Института ООН по исследованиям социального развития (UNRISD.— В. С.),—партии моджахедов упрочили «вой позиции в Пакистане как перед лицом местных провинциальных властей, так и среди беженцев. Правительственные власти, видимо, сотрудничают с ними в целях опознания беженцев и их регистрации. ... Спустя некоторое время после начала притока беженцев партии моджахедов, видимо, успешно вовлекли в свои ряды лидеров общин беженцев, а эти лидеры, в свою очередь, привлекли рядовых беженцев — крестьян»¹⁰.

Социальный состав беженцев представляет собой как бы срез, отражающий социальное устройство афганской деревни, племени: от безземельных крестьян до крупных помещиков, от родовых членов племени до ханов. Помещики, купцы предпочитают селиться в городах. Социальная структура лагеря-деревни подобна структуре деревни, племени. Существуют советы старейшин, избирающие маликов. Те, в свою очередь, являются связующим звеном между беженцами и пакистанской администрацией лагеря-деревни, а также между данной общиной беженцев и другими их общинами. Свои обязанности в каждом лагере-деревне выполняют деревенские муллы.

Что можно сказать об отношениях между афганскими беженцами и местным населением? Они варьируются от «вооруженного нейтралитета» до открытой вражды, порой переходящей в вооруженные столкновения. Вначале противоречия носили экономический характер: местное население страдало от выпаса скота беженцев на пастбищах пакистанских деревень, от вырубки леса на дрова, от конкуренции дешевой рабочей силы. Затем экономические противоречия переросли в социальные и политические. Местное население перестало чувствовать себя в безопасности из-за наличия по-соседству центров по подготовке вооруженных отрядов исламской оппозиции, из-за постоянных диверсий в расположении этих баз — взрывов, поджогов, убийств. Недовольство местных пуштунских племен все чаще принимает форму открытых

выступлений против афганской исламской оппозиции и пакистанских властей. Крупнейшими из них были выступления в конце 1985 г.— начале 1986 г. пуштунских племен африди и шинвари в районе Хайберского перевала. Племена требовали ликвидации расположенных на территории их расселения баз афганской исламской оппозиции, складов оружия и боеприпасов, требовали нормализации пакистано-афганских отношений. В карательных операциях против пуштунских племен вместе с пакистанскими войсками участвовали отряды афганской оппозиции.

Женевские соглашения по Афганистану предусматривают обеспечение свободного возвращения афганских беженцев на свою родину. Однако афганская исламская оппозиция, и в первую очередь афганские фундаменталисты, понимая, что возвращение беженцев лишит их людских резервов, находящихся в их распоряжении, принимает все меры к тому, чтобы воспрепятствовать уходу беженцев из Пакистана в Афганистан. По состоянию на конец 1989 г. это им удавалось. Афганские беженцы в Пакистане (и Иране) по-прежнему остаются заложниками афганской исламской контрреволюции.

**ОТРЯДЫ ОППОЗИЦИИ И ОСНОВНЫЕ
АФГАНСКИЕ ИСЛАМСКИЕ ПАРТИИ
В ПАКИСТАНЕ И ИХ ВООРУЖЕННЫЕ ОТРЯДЫ**

Объединение исламской оппозиции

В конце 70-х годов, особенно после апрельской революции, в Пакистане, в приграничных с Афганистаном районах сосредоточилось большое количество афганских оппозиционных организаций и групп. Их штаб-квартиры находятся в основном в Пешаваре. Еще до апрельской революции в Пакистане уже находились две основные организации исламских фундаменталистов — Исламской партии Афганистана (ИПА) и Исламского общества Афганистана (ИОА). Их руководство еще в 1973 г. установило тесные контакты с пакистанскими властями, спецслужбами и пакистанской фундаменталистской организацией «Джамаат-и ислами», а также с фундаменталистскими организациями некоторых арабских стран, от которых получало некоторую помощь.

Обе организации еще до 1978 г. располагали в Пакистане учебными центрами, где готовились диверсионные группы для засылки на территорию Афганистана. В самом Афганистане они создали хорошо законспирированное подполье. Относительно высокий уровень организации, наличие учебных баз, финансов, оружия, налаженных контактов в Пакистане и за его пределами обеспечили ИПА и ИОА большие преимущества перед теми организациями, которые начали возникать в Пакистане после апрельской революции 1978 г.¹ Помимо ИПА и * ИОА в Пакистане возникли три новых: Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством Мухаммада Наби Мухаммади, отошедшая от ИПА фракция Юнуса Халеса, сохранившая название ИПА, и Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством Себгатуллы Моджадди, прибывшего в Пакистан из США после расстрела в Кабуле членов его клана и семьи. Была предпринята попытка объединения этих организаций в единый альянс — Движение исламской революции Афганистана, который, однако, быстро

распался, в частности, из-за фанатичной приверженности к групповщине и противоречий между ними². Позднее вся пятерка объединилась в Союз исламского единства Афганистана. Но и этот альянс вскоре прекратил свое существование.

Накануне планировавшейся в связи с вводом в Афганистан советских войск встречи министров иностранных дел стран — членов Организации исламской конференции руководители организации афганской оппозиции понимали, что как рядовые участники их отрядов, так и союзники, в частности Пакистан, ожидают от них шагов по сплочению или хотя бы внешнему объединению.

26 января 1980 г. в Исламабаде открылась чрезвычайная конференция министров иностранных дел стран, входящих в Организацию исламской конференции (ОИК). Рассматривалась проблема Афганистана. США и их союзники, а также исламская реакция еще до конференции оказывали на афганскую оппозицию давление с целью добиться ее организационного единства.

Перед конференцией оппозиция заявила об объединении и провозгласила создание Исламского союза для освобождения Афганистана. 27 января 1980 г. на пресс-конференции, организованной лидерами шести организаций, вошедших в этот союз (перед открытием конференции была создана шестая исламская оппозиционная организация — Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) во главе с прибывшим в Пакистан Сеидом Ахмадом Гилани.— В. С.), были объявлены основные цели альянса — освобождение Афганистана от власти «атеистического режима» и создание истинного исламского государства в соответствии с учением пророка и положениями Корана. Альянс призвал страны—члены ОИК оказать ему помощь, включая политическую поддержку, деньги и оружие. Но «единство» продолжалось недолго. В марте 1980 г. лидер ИПА Г. Хекматъяр демонстративно отказался участвовать в очередной пресс-конференции руководителей альянса, заявив, что «у него есть более важные дела»³. По его мнению, его партия не получила в руководстве альянса должного представительства.

В декабре того же года альянс окончательно распался. Журнал «Киям-и хак», орган фундаменталистов, писал, что альянс распался «из-за неспособности объединить различные силы, из-за внутренних противоречий и по некоторым другим причинам»⁴. Под давлением извне, а также по требованию известных мусульманских, в том

числе афганских, богословов начались очередные переговоры о создании нового альянса. К июню 1981 г. эти переговоры завершились созданием Исламского союза моджахедов Афганистана (ИСМА). В него вошли все шесть организаций. 25 июня 1981 г. были выполнены все формальности, закрепляющие создание союза: богослужение в мечети Махабат в Пешаваре, клятва на Коране, принятие Хартии единства союза, устава союза, в котором, в частности, говорилось: «Тот, кто изменит союзу, будет считаться врагом ислама и родины»⁵. Но сборище в мечети было первой и последней встречей лидеров шести организаций. В августе 1981 г. на заседание союза не явился С. А. Гилани, вслед за ним без объяснений при чин «выехал за границу» М. Наби Махаммади, а затем вышел из союза (опять-таки без каких-либо публичных объяснений) С. Моджаддиди, т. е. все три лидера традиционалистских НИФА, ДИРА и НФСА.

•

Лидеры ИПА, ИОА и ИПА (Ю. Халеса) совершили сложный организационный трюк: во-первых, они согласились на создание еще одной фундаменталистской организации — Исламского союза освобождения Афганистана (ИСОА) во главе с бывшим своим коллегой по «Исламской молодежи» Абдуррасулом Сайяфом, во-вторых, сумели отколотить от вышедших из союза ДИРА и НФСА часть их членов и на этой основе создать новые три организации. В марте 1982 г. было объявлено, что ИСМА состоит теперь из семи организаций:

1. Исламская партия Афганистана (ИПА), амир Г. Хекматъяр.
2. Исламская партия Афганистана (ИПА), лидер Ю. Халес.
3. Исламское общество Афганистана (ИОА), амир Б. Раббани. Афганистана
4. Движение исламской революции (ДИРА), лидер Мапсур. Афганистана
5. Движение исламской революции (ДИРА), лидер Музин. Афганистана
6. Национальный фронт спасения (НФСА) во главе с М. Миром. Афганистана
7. Исламский союз освобождения (ИСОА) во главе с А. Сайяфом.

Так возник первый вариант «союза семи», или ИСМА-7. Вышедшие из ИСМА три традиционалистские организации создали свой «союз трех», или ИСМА-3, в который вошли:

44

1. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди.

2. Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) во главе с С. А. Гилани.

3. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством М. Наби Мухаммади.

Оба союза сохранили прежнее название ИСМА, заодно обвинив друг друга в предательстве. Один и другой альянсы просуществовали до мая 1985 г. Каждая из входящих в них организаций сохраняла свою самостоятельность, свои материальные средства, лагеря, базы и т. д.

Неудача попыток оппозиции достичь единства зачастую объясняют соперничеством, карьеризмом, меркантилизмом. Все это имеет место и играет значительную роль. Но главное в другом. Фундаменталисты и традиционалисты не просто конкурирующие отряды афганской оппозиции. Их разделяют гораздо более серьезные противоречия, которые обусловили их взаимное недоверие — противоречия сословные. В. И. Ленин в свое время писал; «Во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?»⁶ Именно этот методологический подход нужно использовать при оценке различных отрядов исламской оппозиции.

Фундаменталистский ее отряд (его руководящий и кадровый состав формируется из представителей средних городских слоев), до 1973 г. боролся как против монархии, так и прогрессивных сил, против режима М. Дауда на первом этапе его существования, когда режим поддерживал союзнические отношения с прогрессивными силами и готов был пойти на компромисс с ним, когда тот повернул вправо, начал преследование прогрессивных сил и пошел на сближение с внешней реакцией. Этот отряд оппозиции по своим целям и составу является буржуазно-теократической оппозицией.

Традиционалистская оппозиция объединяет представителей высшего реакционного мусульманского религиозного сословия, феодально-бюрократической и родоплеменной элиты, составлявших опору монархического строя. Они борются за восстановление прежних доаудовских порядков, за реставрацию, если это окажется возможным, монархии.

Ближайшая политическая цель и той и другой оппозиции — ликвидация национально-демократического строя. На этой основе они неоднократно пытались объе-

45

динить свои усилия. Но логика классовой *борьбы* приводит их прежде всего к защите своих классовых и сословных интересов, что и предопределяло провал попыток их объединения. Это, конечно, не означает, что эти альянсы не смогут хотя бы временно преодолеть свои противоречия и объединиться. Мы являемся свидетелями того, как после подписания Женевских соглашений по Афганистану и начала вывода из Афганистана советских войск и фундаменталисты и традиционалисты, несмотря на периодически вспыхивающие между ними обострения противоречий, не желают признавать эти соглашения, придавая друг друга «сообща дойти хотя бы до Кабула». Но это «единство», как и в прошлом, носит крайне неустойчивый характер, поскольку каждый из этих отрядов преследует свои классовые цели. В мае 1985 г. фундаменталистские и традиционалистские организации объединились в рамках ИСМА. В таком виде альянс и пришел к моменту подписания Женевских соглашений по Афганистану.

Фундаменталистские организации

Сразу же после апрельской революции Пакистан превратился в плацдарм, откуда вооруженные отряды оппозиции начали необъявленную войну против законного правительства в Кабуле. Здесь спешно создавались многочисленные афганские оппозиционные организации самого различного толка. Особенно быстро они появлялись после того, как США, ФРГ, Англия, Франция, КНР, Япония, Иран, арабская реакция открыто увеличили материальную и иную помощь афганской оппозиции. В Пакистан со всех концов мира ринулись сотни афганских эмигрантов, торопившихся объявить себя моджахедами, «борцами за веру», использовать ситуацию в личных интересах, тем или иным способом выбиться на поверхность политической жизни, получить доступ к помощи.

Среди тех, кто оказался в Пакистане, были действительно идейные противники национально-демократического строя в Афганистане, ставившие перед собой определенные политические цели и боровшиеся за их достижение. Но подавляющее большинство составляли политические авантюристы, дельцы, маклеры, спекулянты, «жулики, летевшие в Пешавар и другие центры, где находились эмигранты, как пчелы на мед»⁷. Быстрый рост количества разношерстных оппозиционных организаций, в том числе и мнимых, вызвал тревогу у руководства ос-

новых фундаменталистских организаций, поскольку это подрывало их влияние среди афганских беженцев, ставило под угрозу их монопольное право на получение и распределение зарубежной помощи, поставок оружия, снаряжения, продовольствия.

Появление конкурентов заставило фундаменталистов, и в первую очередь ИПА и ИОА, начать борьбу против политических нуворишей. В результате фундаменталистам удалось утвердить свое влияние среди афганской эмиграции в качестве основной ударной силы оппозиции.

Для более полного понимания расстановки сил в оппозиции специально остановимся на характеристике основных фундаменталистских организаций, составляющих ударную силу оппозиции.

1. Исламская партия Афганистана (ИПА)

Партия возникла на базе организации «Мусульманская молодежь» — единственная оппозиционная организация, именуемая себя партией (все остальные называют себя обществами, фронтами, движениями). ИПА, имея черты политической партии, строит свою деятельность на принципах военной организации. В одном из документов ИПА по этому поводу говорится: «Исламская партия — это не политическая партия, являющаяся орудием в руках влиятельных деятелей. Ее члены — это не члены политических партий и организаций, которые в своей личной и общественной жизни не связаны какими-либо обязательствами и при достижении своих целей не останавливаются перед любыми преступлениями... Исламская партия — это движение, это принципы, регулирующие различные стороны ее членов и функционеров в рамках определенных положений...» И далее: «С точки зрения своей деятельности наша организация является полностью военной, основные элементы строительства которой составляют повиновение и дисциплина»⁸.

Основной целью партии и «единственным путем разрешения всех проблем и трудностей человечества» является «установление спасительного исламского строя», содействие «распространению во всем мире учения ислама и Аллаха». Так говорится в ее программе. Она изобилует радужными обещаниями практически всем афганцам: борьбу со взяточничеством, «неисламским обогащением» чиновников, за улучшение обращения с «несчастными и беззащитными» заключенными в тюрьмах.

Крестьянам: ликвидацию незаконного землепользования, предоставление беспроцентных ссуд на освоение земли, семян для посевов и т. д. Что касается внешней политики организация провозглашается «сторонницей мира и безопасности», поясняя при этом, что с ее точки зрения «отсутствие войн еще не означает мира и безопасности». «Мы считаем,— заявляют авторы программы,— борьбу с колониализмом Востока и Запада основной задачей народов и мы направим все свои возможности и силы на ликвидацию этого колониализма». Далее в программе говорится: «Мы не допустим, чтобы наша страна стала членом военных блоков и принимала участие в гонке вооружений... Нами не будут признаваться международные договоры и резолюции, противоречащие исламу».

Программа ИПА пронизана духом воинствующего ислама. Громкие заявления о «справедливости», «колониализме», «угнетении» и т. д. не могут скрыть ее реакционности. Теоретически двери партии открыты для всех верующих мусульман, признающих ее программу, устав и ведущих «праведный» образ жизни. В документах ИПА, ее печатных изданиях нет ссылок на национальность ее членов, замалчивается также социальная принадлежность членов партии, что затрудняет анализ ее классового и национального состава. О социальном составе организации в городе могут свидетельствовать следующие данные: к февралю 1981 г. в кабульской городской организации ИПА состояло на учете 2179 человек: учащихся лицеев и средних школ — 622, студентов — 573, госслужащих 213, военнотружущих — 156, учителей и преподавателей — 132, лиц «свободных профессий» — 101, рабочих и наемных работников — 73, сотрудников царандоя (народной милиции) — 32, женщин — 15. Обращает на себя внимание отсутствие в организации профессиональных служителей религиозного культа. Из 156 военнотружущих — членов ИПА имели звание от майора до полковника 12 человек, от младшего лейтенанта до капитана — 30 человек, сержантские звания — 29 человек, слушателей военной академии было 19 человек, курсантов военного училища — 7 человек, остальные 66 человек — рядовые.

Приведенные данные показывают, что кадровую основу исламской фундаменталистской оппозиции в городе составляют представители средних городских слоев, в первую очередь учащиеся и студенчество. Естественно, что в сельских местностях социальный состав иной, но в

любом случае костяк ИПА, ее кадровый состав — это представители средних городских слоев. Как уже говорилось, руководство ИПА замалчивает ее национальный состав, поэтому определить его можно только весьма относительно, с помощью косвенных данных и источников. Так, бывший член ИПА А. Ульфат, утверждает, что большинство членов организации являются выходцами из провинций Нангархар, Пактия, Кунар, Кабул, частично из северных районов страны, а основные языки, на которых говорит большинство членов ИПА,— пушту и дари⁹.

Автор настоящего исследования проанализировал журналы ИПА, издаваемые в Пакистане и имеющие специальные разделы о шахидах, т. е. погибших членах организации, и проделал простые расчеты. Оказалось, что из общего числа шахидов ИПА нет ни одного выходца из провинций Каписа, Саманган, Бадгис, Гур, Фарах, Нимруз. В то же время их число в процентах распределяется следующим образом: уроженцев Кабульской провинции — 18, провинции Баглан — 12, Пактии — 8,7, провинции Лагман — 8,6, провинции Кандагар — 7,5, Тахар — 7, Кундуз — 6, Парван — 4,3, Фарьяб и Гильмед — по 4, Газни и Джаузджан — по 3,4, Кунар и Нангархар — по 2,8, Бадахшан и Балх — по 2, Логар — 1,5, Герат — 1,3, Бамиян - 0,8, Заболь - 0,3 и Пактика - 0,1%¹⁰.

Таким образом, на основе имеющихся данных можно сделать вывод, что ИПА имеет наибольшее влияние прежде всего в Кабуле и Кабульской провинции, отчасти — в юго-восточных районах расселения пуштунских племен, также отчасти — на севере страны (по убывающей с востока на запад) и наименьшее влияние на западе, юго-западе страны. Партия наиболее опасна в городских центрах, в первую очередь в Кабуле, и в районах, прилегающих к этим центрам. Национальный состав руководства ИПА неоднороден, но преобладают в нем таджики и пуштуны (главным образом городские и переселенцы из основных районов расселения).

Организационные принципы ИПА в целом идентичны структуре других исламских фундаменталистских организаций (афганское ИОА, пакистанское «Джамаат-и ислами», арабские «Братья-мусульмане»). Высшим руководящим органом организации является Центральный совет (шура), который возглавляет лидер партии (амир). В случае, если амир утрачивает доверие членов совета и не в состоянии привлечь их к сотрудничеству, то в соот-

ветствии с положением он должен, заботясь о судьба движения, подать в отставку. Принято считать соответствующий пункт упомянутого положения о взаимоотношениях между амиром партии и Центральным советом чисто теоретическим, особенно учитывая авторитарные методы управления партией Г. Хекматяра. Однако в истории ИПА был случай, о котором ныне редко кто знает, когда в апреле 1976 г., после разгрома восстания, Г. Хекматяр сложил с себя полномочия амира ИПА (а возможно, был отстранен от руководства) «в связи с уходом в шариатское убежище», т. е. после эмиграции в Пакистан и был заменен Кази Мухаммадом Амином и только в январе 1979 г. Г. Хекматяр вновь был избран амиром партии¹¹.

Исполнительный комитет ИПА состоит из руководителей функциональных комитетов, основными из которых являются: военный, финансовый, административный, юридический, плановый, по вопросам культуры, образования, здравоохранения, беженцев. Через эти комитеты исполком руководит деятельностью соответствующих исламских провинциальных комитетов на территории РА, а через провинциальные комитеты — деятельностью уездных, волостных и деревенских исламских комитетов. Военный комитет руководит военными действиями на территории Афганистана.

Определение численности ИПА, как и любой другой афганской оппозиционной организации, представляет особую трудность, так как отсутствует какая бы то ни было информация, кроме той, которая иногда проскальзывает в заявлениях руководителей оппозиции и которая, естественно, не является достоверной. Трудность состоит еще и в том, что фундаменталистские и традиционалистские организации по-разному подходят к самому понятию членства. Фундаменталисты разработали (и позаимствовали у «Братьев-мусульман») строго регламентированную систему членства и следуют ей, в то время как традиционалисты используют принципы юридиклизма, т. е. систему религиозных последователей без формально фиксируемого членства и официально закрепленных обязательств.

Руководство фундаменталистов зачастую сознательно ограничивает прием в кадровые члены партии, добиваясь повышения степени надежности и преданности партийных рядов. Но кадровый состав лишь костяк организации, верхушка айсберга. Помимо него имеется категория

«рокнов» — «столпов», кандидатов в члены партии, единомышленников, значительно более широкая, члены которой принимают участие в вооруженной борьбе или выполняют в рамках партии иные функции, но еще не прошли все необходимые для принятия в члены организации стадии подготовки, проверки, идеологической и психологической обработки. Так, в ИПА предусмотрены три стадии подготовки к вступлению в партию. Первая — «ознакомление». На этом этапе кандидат должен проявить себя в деле пропаганды общих идей партии путем индивидуальных бесед, чтением проповедей, распространением литературы. Второй этап — «пробуждение». В этот период кандидат вырабатывает у себя умение повиноваться, переносить тяготы борьбы, занимается «самоочищением». Наконец, третий этап — «утверждение», в ходе которого усилия испытуемого направлены на то, чтобы стать полноценным участником джихада. «Этот этап является настолько серьезным испытанием, — говорится в одном из документов партии, — что только искренние и чистые элементы могут пройти его... На этом этапе только полное повиновение может стать залогом успеха и победы»¹². Прошедшие три этапа проверки и обработки принимаются в число организованных членов.

Вокруг костяка организации группируется самая массовая часть организации — лица, находящиеся под идейным, религиозным влиянием партии или ее отдельных деятелей, экономически или по иной причине зависимые от нее. В своем большинстве это крестьяне, ремесленники, люмпены, люди с крайне низким уровнем общественного сознания, неграмотные, забитые, обманутые.

По заявлениям одного из зарубежных исследователей, на конец 1982 г. в ИПА состояло в качестве организованных членов предположительно 30 тыс. человек, а число последователей достигало 67,5 тыс. человек¹³. Автор тут же оговаривается, что «эти числа субъективны и должны восприниматься как приблизительные».

Несколько слов о лидере ИПА Г. Хекматяре. Родился он в 1944 г. * в уезде Имам Сахиб провинции Кундуз в семье «земледела»¹⁴. По национальности — пуштун из племени харути, много лет назад переселенного на север страны из основных районов расселения пуштунских племен (поэтому он не имеет глубоких этнических связей с основными пуштунскими племенами и сколько-

* Иногда называются другие даты рождения Г. Хекматяра.

нибудь значительного влияния среди них). Ранее мы уже проследили его биографию. Что касается его личных качеств, то следует отметить такие, как сильная воля, целеустремленность, стремление к авторитарному руководству, ораторское искусство, жестокость. Вот что пишет о нем уже упоминавшийся в данной работе афганский < фундаменталист А. Р. Ульфат, впоследствии поплатившийся своей жизнью за свои взгляды и характеристики: «Хекматъяр имеет мудрость анализировать события и быстро ставить на колени своих противников, используя доводы о необходимости единства. Пуская в ход различные средства, он получает секретную информацию о деятельности других партий. Он концентрирует усилия на нужном направлении... В этой партии вообще нет другой личности, которая после Г. Хекматъяра могла бы руководить ею, если она сразу же не распадется на части»¹⁵.

2. Исламское общество Афганистана (ИОА)

Данная организация возникла, как и ИПА, на основа «Мусульманской молодежи». Программа и устав ИОА аналогичны, а в некоторых частях идентичны соответствующим документам ИПА вплоть до трех стадий повиновения. Являясь второй после ИПА по численности и организованности оппозиционной организацией, она также осуществляет контроль за приемом в общество новых членов, хотя, видимо, не столь строгий, как ИПА.

Вооруженные действия отряды ИОА ведут главным образом в северных провинциях: Герате, Бадгисе, Фарьябе, Джаузджане, Балхе, Самангане, Кундузе, Тахаре, Баглане, Бадахшане, а также Панджширской долине. Национальный состав общества еще более разнороден, чем в ИПА, здесь в первую очередь представлены народности севера страны — таджики, туркмены, узбеки, а уже затем — пуштуны. Социальная база кадрового и руководящего состава ИОА та же, что и ИПА. В имеющемся у автора официальном списке 56 полевых командиров ИОА названы 5 судей, 4 преподавателя, 2 врача, 3 военнослужащих, 5 инженеров, 5 мулави, 1 мулла, 1 профессор (видимо, теологии). Род занятий остальных не указан. Массовой базой вооруженных отрядов ИОА в сельских местностях является крестьянство. Структура ИОА идентична с ИПА. Данные о национальном составе, структуре, численности держатся в секрете. По, видимо, завышенным сведениям, на источник которых уже дела-

ссылки выше, ИОА насчитывает в своих рядах до 15 тыс. официальных членов и 25 тыс. кандидатов в члены и последователей¹⁶.

В Афганистане ИОА имеет сеть исламских комитетов, называемых амиратами, осуществляющих функции органов местной власти вплоть до сбора налогов с населения контролируемых районов. Помимо амиратов и амиров — гражданской структуры власти, существует структура военная — система «фронтов», объединяющих несколько вооруженных отрядов на территории одного уезда, волости. Руководство военными действиями в северных провинциях Балх, Тахар, Саманган, Кундуз, Баглан, Джаузджан, Бадахшан осуществляет «главное командование вооруженными силами на севере страны».

Главное внимание ИОА придает действиям своих вооруженных отрядов в провинции Герат и в ее столице в г. Герате. В Герате создан главный амират. Анализ сообщений печатного органа главного амирата подпольного ротаторного листка «Шахадат» показывает, что, например, в октябре—ноябре 1984 г. на территории провинции попеременно вели боевые действия 6 батальонов «дивизии Хазрата Хамзы» и 11 «фронтов». Состав батальонов и «фронтов» с течением времени изменялся: в марте 1985 г., по тем же данным, действовали 9 батальонов дивизии^{2*} «Хазрата Хамзы» и 13 «фронтов». Известной фигурой в военной структуре ИОА является Ахмад Шах Масуд, создавший в долине р. Панджшир укрепленный район. Западная пресса часто пишет об Ахмад Шахе Масуде как о примере выдвижения на первый план оппозиции молодых и способных командиров, призванных постепенно заменить нынешнее руководство оппозиции, отживающееся в Пешаваре. В 1985—1986 гг. Ахмад Шах Масуд являлся командующим фронтами ИОА северных провинций.

Главой организации, ее лидером является профессор теологии Бурхануддин Раббани. Он родился в 1941 г. в г. Файзабаде (центр провинции Бадахшан), в семье крупного скотовладельца, по национальности — таджик из племени яфгали. Закончил Кабульский теологический лицей Абу-Ханифа, затем теологический факультет Кабульского университета. Получив университетский дип-

Батальон, дивизия, иногда полк - названия, видимо, условные, данные об их численности не приводятся.

лом, поступил в Каирский теологический университет Аль-Азхар, где близко сошелся с членами экстремистской фундаменталистской организации «Братья-мусульмане». После возвращения в Кабул (1968 или 1969 г.) преподавал философию на факультетах теологии, литературы, политических наук Кабульского университета. Вошел в руководство «Мусульманской молодежи».

Как уроженец Бадахшана и таджик по национальности наибольшее количество сторонников и последователей имеет на севере страны и особенно в провинции Бадахшан. Он автор нескольких книг по теории ислама, как теолог достаточно хорошо известен среди зарубежных мусульманских богословов, поддерживает связи с арабскими мусульманскими деятелями Египта, Саудовской Аравии, князев Персидского залива, с богословами в Иране, с руководством «Джамаат-и-ислами» и «Джамаат-и-улема» в Пакистане. Б. Раббани не на словах, а на деле сумел привлечь в свою организацию некоторое количество шиитов. Его связи с шиитским руководством Ирана более тесны, чем у Г. Хекматяра. Некоторые авторы считают самого Б. Раббани шиитом. Но нет никаких данных, которые подтверждали бы это. В то же время все документы ИОА, его печатные издания, вся пражская деятельность носят суннитский характер.

Б. Раббани ведет полемику с Г. Хекматяром о приоритете в афганском фундаменталистском движении, полемика приобретает все более политический характер и острые формы. Еще в 1979 г. печатный орган ИОА в Европе газета «Пайам-и Афганстан» писала: «К сожалению, некоторые издания, в которых рассказывается об истории ИОА, допускают отклонения от истины. ИОА основана в 1957 г.»¹⁷.

Как уже отмечалось, Б. Раббани отличается больше, чем Г. Хекматяр, прагматизмом и гибкостью, что проявилось, в частности, в некоторых особенностях его подхода к участию США в решении афганской проблемы. До середины 1986 г. он занимал такую же жесткую линию, как и Г. Хекматяр, по отношению к США, расматривая их в свете лозунга «Ни Запад, ни Восток» — так «сатанинскую силу» (хотя уже ранее были сведения, что он более благосклонно, чем Г. Хекматяр, относится к получению американской помощи). В июне 1986 г. Раббани совместно с традиционалистскими руководителями посетил Вашингтон и вел переговоры с президентом США Рейганом об американской помощи афганской

опозиции. После поездки отношения с Г. Хекматяром еще более обострились, значительно осложнились также его отношения с иранским руководством.

3. Исламская партия Афганистана (М. Ю. Халеса)

Она является отколовшейся в 1979 г. от ИПА фракцией, сохранившей при этом название Исламской партии Афганистана.

Ее руководитель моулави Мухаммед Юнус Халес родился в 1920 г. (по другим данным, в 1910 г.) в деревне Вазир-Хугияни провинции Нангархар, по национальности — пуштун из племени хугияни. В полосе расселения пуштунских племен известен как религиозный авторитет и пуштунский поэт, был учителем. В 1963 — 1973 гг. руководил в Кабуле узкой фундаменталистской группой своих последователей «Тавабин», которая состояла из мулл и вела пропагандистскую работу в мечетях Кабула.

Группа блокировалась с «Мусульманской молодежью», а после образования ИПА во главе с Г. Хекматяром вошла в ее состав.

Причины выхода группы Ю. Халеса из ИПА, как можно предположить, состоят в различиях кадрового состава. Если кадровый состав ИПА Г. Хекматяра — это представители средних городских слоев, в том числе интеллигенции, то кадровый состав организации Ю. Халеса — гораздо более старшая в возрастном отношении группа улемов и мулл («партия мулл и улемов», — как отмечает один из афганских авторов за рубежом¹⁸), далеких от современной политики и цивилизации в целом, ориентированные не столько на политические идеи фундаменталистов, сколько на фанатичное служение исламу в средневековых формах. Эта разница в социальном составе и в уровнях мировоззрений, возможно, преодолевалась в условиях подпольной работы в 1969—1973 гг. в Кабуле, но в Пакистане, в эмиграции эти различия могли привести к размежеванию, но не враждебному: ИПА Ю. Халеса сохраняет союзные отношения с ИПА Г. Хекматяра как двусторонние, так и в рамках ИСМА.

Партия Ю. Халеса — шовинистическая пуштунская группа, а сам он — фанатичный мулла¹⁹. Крайне низкий уровень социального сознания руководителей группы Ю. Халеса, исламский фанатизм обусловили общий курс группы на террор, диверсии, самые варварские приемы борьбы против национально-демократической власти. Отряды именно этой «партии», нарушив законы племенного гостеприимства, традиционный пуштунский кодекс че-

сти «пуштунвалай», захватили и убили в сентябре 1980 г. министра по делам племен и народностей ДРА Файа Мухаммеда, похитили советского геолога Охримюка, по-1 жилого человека, участника Великой Отечественной вой-1 ны, выдавали его за советского генерала (Охримюк имел! многочисленные государственные награды) и отказались] от его обмена на захваченных членов банд ИПА.

Ю. Халес, пожалуй, единственный из лидеров афганской оппозиции, который большую часть времени находится со своими отрядами на территории Афганистана. В середине 80-х годов с ним через своего резидента в Пакистане установила тесные контакты английская разведка. Сам Ю. Халес, а также один из его полевых командиров Абдул Хак совершили поездки в Англию, где заручились обещаниями о помощи, в том числе оружием. Именно эта группа первой получила в свое распоряжение английские зенитные ракеты «Блоупайп».

4. Исламский Союз за освобождение Афганистана (ИСОА)

Союз возник в марте 1982 г.

Его основателем и руководителем является ветеран фундаменталистского движения в Афганистане профессор теологии Абдурасул Сайяф. Родился в 1945 г. в уезде Пагман Кабульской провинции в бедной крестьянской семье^{3*}. Закончил теологический факультет Кабульского университета. В 1964 г. под влиянием ректора факультета Гудам Мухаммади Ниязи вступает в нелегальный фундаменталистский кружок, преобразованный позднее в организацию «Мусульманская молодежь». В 1970 г. он выезжает на учебу в Египет, в мусульманский университет Аль-Азхар, затем возвращается в Афганистан и преподает на теологическом факультете. В конце 1973 г., когда режим М. Дауда ограничил деятельность правых сил, А. Сайяф по государственной стипендии выезжает в США для изучения исламского права. После возвращения в Афганистан (при М. Дауде) был арестован и приговорен к тюремному заключению. Вышел из тюрьмы после апрельской революции и в 1979 г. эмигрировал в Пакистан, где присоединился к фундаменталистской оппозиции.

В марте 1980 г. А. Сайяф избирается председателем альянса Исламского союза освобождения Афганистана, в который вошли шесть организаций - ИПА, ИПА Ю. Халеса, ИОА, ДИРА, НФСА и НИФА. В последующих альянсах он также занимал этот пост, что, видимо, объясняется не какими-то организационными талантами А. Сайяфа. Скорее всего причина выдвижения А. Сайяфа на этот пост заключалась именно в том, что он не имел своей организации, достаточного количества последователей, т. е. был компромиссной фигурой, устраивавшей всех участников возникавших оппозиционных альянсов. В то же время А. Сайяф зарекомендовал себя ярким сторонником Г. Хекматяра.

Нам не удалось найти каких-либо материалов о самостоятельной деятельности ИСОА. Видимо, организация была создана с согласия других фундаменталистских лидеров для того, чтобы иметь численный перевес в количестве фундаменталистских организаций (ИПА, ИПА Ю. Халеса, ИОА и ИСОА) над традиционалистскими (ДИРА, НФСА, НИФА) в рамках альянсов этих организаций.

В биографии А. Сайяфа имеются темные места: злоупотребления денежными средствами первого Исламского союза для освобождения Афганистана. Все накопленные деньги за счет пожертвований международной исламской реакцией союзу через А. Сайяфа ушли в лагерь фундаменталистов, что и послужило одной из причин распада первого оппозиционного альянса. Многие свидетельствуют, что А. Сайяф является «ваххабитом»^{3*}, и поэтому он и его организация пользуется особым покровительством Саудовской Аравии. Если это так, то нельзя исключать, что ИСОА создан по инициативе и на средства Саудовской Аравии.

Из приведенных характеристик четырех исламских оппозиционных организаций, входящих в ИСМА — «пешаварскую семерку», и их лидеров, видно, что основную роль в фундаменталистском движении играют две организации, каждая из которых претендует на власть в масштабах всей страны — это Исламская партия Афганистана во главе с Г. Хекматяром и Исламское общество Афганистана во главе с Б. Раббани. Остальные две организации — ИПА Ю. Халеса и ИСОА А. Сайяфа самостоятельной значимости не имеют, обе они, как правило, в той или иной форме усиливают позиции Г. Хекматяра и его партии как в рамках ИСМА, так и в его противостоянии Б. Раббани и его ИОА.

Традиционалистские организации

В рамках «пешаварской семерки» указанные организации одновременно являются и союзниками фундаменталистской оппозиции и ее соперниками. Вот краткие характеристики традиционалистских организаций и их лидеров.

^{3*} Ваххабизм - официально признанное в Саудовской Аравии течение в рамках суннизма,

1. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА)

Организация создана в Пакистане в начале 1979 г.

Ее основал представитель известного в мусульманском мире! клана Моджаддиди - Сабгатулла Моджаддиди. После встреч и переговоров С. Моджаддиди с рядом улемов - его единомышленников по религиозному обществу Мухаммади, существовавшему начале 70-х годов в Кабуле, было объявлено о создании НФСА во главе с С. Моджаддиди²¹. Уже 12 марта 1979 г. он издал фетву начале джихада по всему Афганистану.

В программных документах фронта говорится: «Фронт ставит своей задачей создание исламского общества на основах справедливости, равенства... соблюдения принципа шуры (совета.— В. С.) при управлении страной, обеспечения личной и социальной свободы в соответствии с основами ислама... Фронт открыт для всех правоверных мусульман, независимо от политических и религиозных взглядов и положения при прежних режимах»²².

Умеренные политические установки фронта, авторитет самого С. Моджаддиди, отсутствие у него враждебности по отношению к деятелям прошлых режимов привлекли в ряды фронта представителей самых разнообразных слоев: улемов, интеллигенции, государственных деятелей и чиновников прежних режимов, руководителей племен. В зарубежной литературе НФСА иногда называют «партией чиновников прежнего правительственного аппарата»²³.

Политическое влияние и вооруженные действия отрядов НФСА распространяются главным образом на провинции Кабул, Логар, Кунар, Нангархар, Пактия, приграничную полосу расселения пуштунских племен. Отдельные отряды фронта имеются в некоторых северных провинциях: Фарьябе, Тахаре, Кундузе. По национальному составу фронт является пуштунским, по религиозной принадлежности — суннитским. Его численность составляет ориентировочно 8 тыс. человек организованного состава и 15 тыс. сторонников²⁴.

Организационные принципы фронта не столь четки и не так отлажены, как у фундаменталистских ИПА и ИОА. Многие здесь построены на личной преданности руководителю фронта или традиционной приверженности клану Моджаддиди. Сам С. Моджаддиди занимается преимущественно представительской деятельностью: поддерживает контакты с руководством и религиозными деятелями Египта, Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, от ко-

которых получает материальную помощь, Пропагандирует свои религиозно-политические взгляды на различных международных исламских форумах, на конференциях и дискуссиях по Афганистану в США и Западной Европе. Практическую работу ведет Высший совет НФСА, его исполнительный совет и соответствующие функциональные комитеты. С. Моджаддиди — антикоммунист и решительный противник Советского Союза, но в то же время более гибкий политик, нежели фундаменталистские лидеры. Между ним и Г. Хекматъяром существуют глубокие противоречия по теории ислама, по целям и способам борьбы против РА, по планам будущего страны (в случае победы оппозиции). Примерно такие же противоречия и с Б. Раббани.

С. Моджаддиди родился в Кабуле в 1925 г. в семье потомственных хазратов в известном на Востоке клане основателей влиятельного исламского ордена Накшбандия. Клан Моджаддиди, арабский по происхождению, переселился в Афганистан из Индии и играл большую роль в религиозно-политической жизни страны. Члены клана всегда выступали против реформ и сколько-нибудь прогрессивных преобразований. Они активно участвовали в восстании против преобразований Амануллы-хана, хотя именно последний наградил деда С. Моджаддиди — крупного богослова Фазль Мухаммада Моджаддиди в период борьбы за независимость Афганистана против англичан высшим афганским орденом и присвоил почтаемый в исламском мире титул «шамс-оль-машаех» («солнце среди шейхов»),

С. Моджаддиди окончил каирский университет Аль-Азхар, там же познакомился с руководителем «Братьев-мусульман» Хасаном аль-Банной, изучал политическую и военную программу «братьев». Вернувшись в 1954 г. в Афганистан, он направил премьер-министру М. Дауду «письменное предостережение об опасности роста советского влияния в Афганистане»²⁵. В 1960 г. был арестован по обвинению в участии в попытке покушения на членов советской правительственной делегации, находившейся в Афганистане, осужден, провел в тюрьме четыре с половиной года, после чего на два года был выслан из страны²⁶. Эти два года предположительно провел в Саудовской Аравии.

В 1969 г., если верить Сайяфу, С. Моджаддиди обратился к руководству только что созданной организации «Мусульманская молодежь» с просьбой принять его в члены организации, но получил категорический отказ²⁷. Почему? Тут можно предположить, что молодые руководители «Мусульманской молодежи» вполне резонно считали, что с приходом талантливого проповедника, представителя влиятельного клана, имеющего связи в арабских странах и среди «братьев», не стесненного в финансовых средствах, тот не мог не выдвинуться на

первые роли в организации и Потеснить более фанатичных, но менее подготовленных теоретически и невлиятельных руководителей. Главное же в том, что для различных руководителей «Мусульманской молодежи С. Моджаддиди был воплощением как раз той прослойка мусульманских богословов, против которой они боролись или собирались бороться: это «хазраты» и «пиры», «отвратившие» мусульман от истинной религии, передавшие власть в руки светских правителей, поддерживающие оправдывающие правление светской власти. С. Моджаддиди был представителем иного социального строя, враждебного тем, кого объединяла «Мусульманская молодежь».

2. Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА)

Основан в 1978 г. в Пакистане видным светским и религиозным деятелем «пиром» С. Гилани. Фронт не является современной политической организацией с четкой программой, уставом, структурой, скорее это конгломерата последователей, мюридов семьи Гилани, которые из поколения в поколение продолжают считать главой этой семьи потомком пророка и своим духовным вождем. С. А. Гилани и его ближайшие помощники, в основном его родственники, пытаются придать фронту форму организации выработана довольно разветвленная структура с революционным советом и штаб-квартирой, функциональными комитетами и отделами в Пешаваре, «фронтами» в Афганистане. Однако все это, за исключением вооруженных отрядов, ведущих вооруженную борьбу, в основном существует только на бумаге.

Основной контингент фронта пуштуны, в религиозном плане фронт — суннитский. Численность фронта определить трудно, называются такие цифры, как 8 тыс. человек членов и до 15 тыс. человек последователей²⁸, но думается, что эти данные весьма относительны. Фронт действует в приграничных с Пакистаном провинциях Забол, Пактика, Пактия, Нангархар, его влияние наиболее ощутимо в таких крупных пуштунских племенах, как судейманхейль и ахмадзаи. В целом фронт опирается на поддержку лидеров и авторитетов пуштунских племен.

Руководители фронта выступают за восстановление в Афганистане прежних форм правления, не уточняя конкретно — монархического или республиканского, что объясняется, видимо, тем, что до сих пор не определена окончательно роль бывшего короля Афганистана Захир Шаха,

60

которую» он мог бы играть в будущем страны. Руководство фронта, осуждая Советский Союз за участие в афганских событиях, в то же время признает необходимым иметь в будущем нормальные отношения между Афганистаном и Советским Союзом. Один из западных авторов заявляет, что «Гилани имеет сбалансированный подход к жизненно важной проблеме афгано-советских отношений В двух интервью со мной — в 1979 г. и снова в Пешаваре в марте 1980 г. Гилани подчеркивал, что сосуществование с Советским Союзом является неизбежной необходимостью, что русские имеют в Афганистане постоянные интересы, которые необходимо признать»²⁹.

Фронт располагает значительными финансовыми средствами. Ему оказывают помощь ЦРУ США, различные американские фонды и Западной Европы, арабские страны. Кроме того, получает доходы от торговли наркотиками, его ссужают мюриды, богатые афганцы. Большое внимание уделяется поддержанию связей с внешним миром с целью создать о себе впечатление как о уважаемой, заслуживающей доверия политической силе. Так, по предложению С. Гилани Международному Красному Кресту были переданы несколько советских военнослужащих, захваченных на территории Афганистана и вывезенных в Пакистан. Этот жест должен был показать Западу, что, мол, традиционалисты, в частности НИФА, соблюдают международные договоры, в данном случае — Женевскую конвенцию 1949 г. о защите жертв войны³⁰.

С. Гилани: родился в Кабуле в 1931 г. в семье потомственных «хазратов» арабского происхождения, основателей известного мусульманского суфийского ордена Кадирия, до сих пор пользующегося большим влиянием в исламских суннитских кругах, особенно в Ираке и странах Северной Африки. Отец С. Гилани после распада Османской империи принял турецкое подданство, с 1920 по 1925 г. учился в Германии, там же в 1929 г. женился на немецкой Марии Рихтер, которая стала матерью С. Гилани. Являясь главой ордена Кадирия, С. Гилани носит титул «пира», считается потомком пророка, имеет в Афганистане многочисленных последователей-мюридов, особенно среди пуштунских племен в приграничных с Пакистаном районах Пактии и Пактики. Семья Гилани владела крупными земельными наделами в Нангархаре, Пактии, Лагмане, а также недвижимостью в Кабуле.

В период монархии С. Гилани был близок к королю Захир Шаху и фактически был его неофициальным советником. Тесная связь между ними поддерживается и в настоящее время. Большую часть времени С. А. Гилани проводит в Европе, ведет светский образ жизни, за что подвергается критике со стороны фундаменталистских оппозиционных лидеров.

61

3. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА)

Создана летом 1978 г. в пакистанской провинции Джиджан.

Ее основатель Мухаммед Наби Мухаммади родился в 1920 г. в деревне Шамзар провинции Логар в семье мулави Абдул Ваха-ба. По национальности пуштун из племени ахмадзай. Основы ислама изучал у улемов провинции. В 1946 г. получил разрешение высших шейхов религиозного ордена Кадирия, а затем и ордена Накшбандия на преподавание ислама и толкование священных текстов. Приобрел известность и авторитет в религиозных кругах. Стал мюридом Ибрагима Моджаддида - члена клана Моджаддида (расстрелян в январе 1979 г. по приказу Х. Амина). Зарекомендовал себя ярким националистом и антикоммунистом, противником прогрессивных сил. Как депутат парламента 13 созыва выступал с грубой антикоммунистической пропагандой.

После государственного переворота М. Дауда М. Наби, опасаясь преследований, выехал на юг страны, а после апрельской революции перешел в пакистанский Белуджистан, где занялся созданием ДИРА. В мае - августе 1978 г. М. Наби сумел собрать вокруг себя бежавших в Пакистан членов кружка «Служители Корана», которые и составили основу руководства ДИРА, установив связи с оставшимися в южных районах Афганистана своими сторонниками.

Движение — крайне реакционная организация во главе с известными богословами и улемами; второй эшелон руководства — среднее и низшее звено улемов и мулл, имеющих большое влияние в сельских местностях. Программа ДИРА стоит ближе к фундаменталистам, чем к традиционалистам, схожа с фундаменталистскими установками. И тем не менее, несмотря на фундаменталистские взгляды, организация относит себя к отряду традиционалистов. Каковы возможные причины этой, казалось бы, непоследовательности? Таких причин, на наш взгляд, несколько. Во-первых, по своему социальному положению М. Наби, выходец из привилегированного сословия, стоит ближе к таким деятелям, как С. Гилани и С. Моджаддида, чем к разночинным фундаменталистам. Во-вторых, он был мюридом клана Моджаддида, его деятельность была связана с исламскими религиозными орденами Кадирия и Накшбандия, руководителями которых являются представители кланов Гилани и Моджаддида, ко всему прочему М. Наби — ярый пуштунский националист.

Численность членов ДИРА к 1981 г., если судить по данным зарубежных авторов³¹, составляла 10 тыс. членов и ориентировочно — 25 тыс. последователей. Думается, что эти данные завышены. Позиции М. Наби и

ДИРА в целом были ослаблены выходом из организации в 1981 г. двух групп под руководством заместителей М. Наби И. Мансура и Р. Музина, которые, видимо, ушли к фундаменталистам. Районы наибольшей активности — провинции Кабул, Логар, Газни, Кандагар, Пактия, Забол. Национальный состав организации — пуштун. Вооруженные отряды состоят в основном из крестьян южных районов Афганистана.

По своей организационной структуре организация имеет много общего со структурой ИПА и ИОА, но не столь отлажена. Высший орган ДИРА — Революционный совет, основной рабочий орган — Исполнительный совет. Сам М. Наби имеет титул главного амира. В руководство организации помимо богословов и улемов входят бывшие генералы и полковники старой афганской армии. Военным амиром ДИРА в 1982 г. был полковник Абдул Маджид. В Афганистане действуют «фронты» ДИРА, объединяющие вооруженные отряды, как правило, уезда, волости. Как можно предположить, таких «фронтов» насчитывается 58³².

ДИРА непримирима к национально-демократической власти, жестоко относится к мирному населению и особенно к попавшим в ее руки сторонникам правительства. Бойцы вооруженных отрядов ДИРА — религиозные фанатики, что объясняют наличием среди них большого количества «мулл низшего разряда, которые не боятся смерти»³³. М. Наби мало известен в религиозных мусульманских кругах других стран, не имеет богословских трудов, не занимался теорией ислама. Наиболее устойчивый контакт поддерживал с мулауна Муфтием Махмудом, руководителем «Джамаат-и-улема» Пакистана, получая от этого общества помощь и поддержку.

Глава IV

СОСТАВ ИСЛАМСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИИ

Религиозный, политический, социальный, национально-этнический состав вооруженной оппозиции разнороден, что отражает сложившуюся к концу 70-х годов нашего столетия структуру афганского общества. Для нее были характерны низкий уровень производительных сил, неравномерность социального и экономического развития, сильное влияние исламской религии, национально-этническая рознь, живучесть остатков феодальных и даже до феодальных общественных отношений, сохранение влияния традиционных лидеров — помещиков, ханов, маликов, сардаров, улемов, хазратов, пиров, мулл. Этим и объясняется, почему оппозиция национально-демократическому строю не составляет единого потока, не отражает идентичные или хотя бы близкие социальные и политические интересы.

В исламской оппозиции сложились к настоящему времени более или менее устойчивые структуры в виде организаций, партий, которые, в свою очередь, под влиянием разных факторов тяготеют к созданию различного рода альянсов. Образовавшиеся оппозиционные структуры, формации могут иногда перемещаться по горизонтали из одного альянса в другой, менять своих союзников, корректировать свою ориентацию на те или иные силы на Западе и в исламском мире, но в целом их характерные особенности уже сложились и носят достаточно устойчивый характер. Это позволяет с достаточным основанием классифицировать различные отряды по религиозным, политическим, национально-этническим, организационным признакам. Насколько известно автору, такой классификации не делалось, а между тем она помогает лучше представить себе характер того или иного отряда оппозиции.

Суннитская и шиитская исламская оппозиция

В зависимости от того, к какому из двух основных течений в исламе — суннизму или шиизму принадлежит афганская исламская оппозиция, она распадается на два от-

ряда: оппозицию суннитскую и шиитскую. Суннитское направление в Афганистане преобладающее (из 98% населения, исповедующего ислам, примерно 80% сунниты и 18% — шииты). Ислам суннитского направления ханифитского толка до апрельской революции был государственной религией страны. Его исповедуют пуштуны, узбеки, туркмены, белуджи, большая часть таджиков и другие народности. На руководящих государственных постах могли находиться только сунниты, чиновничество и офицерский состав были суннитскими, высшее образование в стране могли получить, за редкими исключениями, только сунниты. Даже богословский факультет Кабульского университета готовил кадры теологов только суннитского направления.

Шиизм, который исповедуют хазарейцы, горные таджики и кизылбаши, находился на положении второстепенного, чуть ли не еретического направления в исламе. Были запрещены некоторые шиитские обряды, шииты всячески третировались и подвергались религиозной и иной дискриминации со стороны государственных властей, суннитских улемов и мулл, со стороны рядовой массы суннитов. Если сопоставить отряды суннитской оппозиции с оппозицией шиитской, то можно выделить ряд характерных для каждого из этих отрядов особенностей.

Оппозиция, обосновавшаяся в Пакистане, полностью суннитская, все оппозиционные организации с центрами в Иране — шиитские. Декларативные заявления различных отрядов исламской оппозиции об их якобы общесламском характере движения или отдельных организаций не имеют под собой каких-либо оснований. Лидеры суннитской оппозиции, как правило, получили религиозную подготовку в Египте, иногда — в Саудовской Аравии или Пакистане. Большая их часть в той или иной степени восприняла реформаторские идеи арабских «Братьев-мусульман». Руководители же шиитской оппозиции ориентированы на иранские (Кум, Мешхед) или иракские (Кербела, Неджеф) шиитские религиозные центры.

Суннитская оппозиция пытается действовать на территории всей страны, ставя перед собой задачу захвата власти и создания в Афганистане исламского государства во главе со своими лидерами. Шиитская действует в районах с шиитским населением: в основном в Герате и Гератской провинции, в Хазаюаджате, отчасти — в провинциях Балх, Фарах и Нимруз. Отдельные шиитские организации действуют в Кабуле. Она не претендует на единоличный

захват власти в стране, понимая нереальность этого рассчитывая на долю участия в будущем предполагаем⁶ дележе власти в Афганистане или на создание там каких-либо шиитских автономных образований, районе Шиитская оппозиция находится в подчинении и на сдержании шиитского Ирана, следует его доктрине экспорта исламской революции в Афганистан, признает Хомени своим религиозным и политическим вождем.

Фундаменталистская и традиционалистская исламская оппозиция

Исламская оппозиция, если подходить к ней с точки зрения трактовки положений Корана и сунны, состоит из двух отрядов: фундаменталистского и традиционалистского.

Первое, обращающееся непосредственно к истокам лама, отвергающее его позднейшие интерпретации, слесия и искажения, возникло в Афганистане, как и других странах Востока, в качестве реакции средних городских слоев на колониальную эксплуатацию, на кризис политической власти и господствовавшей идеологии а позднее к этому прибавился антикоммунизм, причем антикоммунизм в политических взглядах и практической деятельности фундаменталистов постепенно приобрел доминирующее значение. Идеологи и руководители исламского фундаментализма, как правило, не представляют традиционную религиозную верхушку исламского общества. Многие из них не имели и не имеют базового религиозно-го образования. Так, основатель ассоциации «Братья мусульмане» Хасан аль-Банна был преподавателем средней школы, сыном часового мастера, а основатель фундаменталистской организации «Джамаат-и-ислами» в Пакистане Маудуди — журналист, выходец из семьи адвоката. Наиболее радикальный и последовательный идеолог и практик афганского фундаментализма Г. Хекматъяр имеет незаконченное высшее техническое образование. Сердцевиной фундаменталистских течений в различных странах распространения ислама, в том числе в Афганистане, являются не богословы, а богословствующая интеллигенция. Афганские фундаменталисты обвиняли в невежестве и предательстве ислама традиционную исламскую элиту, как поддерживавшую угнетательские режимы, противопоставляя ее богословским концепциям

"чистый" ислам, т. е. ислам эпохи пророка Мухаммада и первых четырех «праведных» халифов.

Фундаменталистское движение в Афганистане сегодня не едино. Исламская партия Афганистана (ИПА) и ИСОА — его крайне правый фланг, Исламское общество Афганистана (ИОА), а также отчасти ИПА Ю. Халеса — более прагматичная середина. Часть движения во главе с М. Наби Мухаммади (ДИРА) — старым махровым ан-тикоммунистом и фундаменталистом примкнула к традиционалистам по ряду соображений, о которых говорилось выше, но в сущности остается фундаменталистской. Проиранская афганская шиитская оппозиция, стоящая особняком от суннитской оппозиции, имеет также фундаменталистский характер, но со своими шиитскими особенностями.

В рядах традиционалистов объединились представители правящей элиты времен монархии, высших эшелонов прежних госаппаратов, крупной феодальной буржуазии, бывшего генералитета, пуштунской родоплеменной знати, видные улемы, шейхи, пиры и хазраты. Традиционалисты активно используют исламскую риторику, декларируют необходимость создания исламского государства, но вкладывают в это понятие иной, нежели фундаменталисты смысл. В исламском государстве традиционалистские лидеры отводят исламу и мусульманским богословам ведущую роль в идейно-политическом обеспечении деятельности в принципе светского режима, который обязан руководствоваться положениями ислама при наставнической роли традиционной мусульманской элиты. Традиционалистская оппозиция в силу своей обращенности в прошлое, своих социальных корней не выдвинула и не может выдвинуть никаких сколько-нибудь новых или оригинальных, светских или религиозных концепций государства, отвечающих происшедшим в афганском обществе изменениям.

Буржуазно-теократическая и феодально-монархическая оппозиция

Многочисленные исламские политические течения всячески затуманивают свою сословно-классовую сущность, пытаются выдать себя за «надклассовые», объединяющие в своих рядах членов мусульманской общины — уммы отстаивающие интересы якобы всех членов этой общины. В условиях многоукладного общества, социальной, нацио-

нально-этнической, религиозной дифференциации для правильного определения типа той или иной оппозиции необходимо выделить классы или социальные группы, которые находятся во главе этой оппозиции, определить их политические и экономические цели. Такой подход целе-сообразен и в отношении двух основных отрядов афганской исламской оппозиции — фундаменталистского и традиционалистского.

В. И. Ленин писал: «Одна из вопиющих политических ошибок... состоит в смешении контрреволюции царистской и вообще монархической с контрреволюцией буржуазной... Во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?»¹ Руководствуясь этим важнейшим методологическим указанием, попытаемся коротко рассмотреть ситуацию с афганской исламской оппозицией.

Революция 1978 г. нанесла удар как по остаткам феодальных и дофеодальных отношений, так и по помещичьей буржуазии, ее представителям в госаппарате и армии. Будучи национально-демократической, эта революция отражает интересы прежде всего широких трудящихся масс, и в первую очередь рабочего класса и крестьянства. Новому режиму противостоят два основных отряда исламской оппозиции: фундаменталистская и традиционалистская. Фундаменталисты, как уже говорилось, выражают интересы части средних городских слоев афганского общества, вышедших на политическую арену в 60-х годах. Возросшая роль этих слоев, и особенно студенчества, в политических движениях стран Востока подвергнута в последнее время глубокому изучению в работах советских востоковедов*.

Эта часть афганского общества и составила костяк фундаменталистской оппозиции. Причины этого явления были вскрыты и объяснены классиками марксизма-ленинизма. Неготовность рабочего класса или его политического авангарда повести за собой средние слои приводит во время революции к переходу этих слоев в лагерь оппозиции, контрреволюции. Будучи по своему классовому составу мелкобуржуазной, фундаменталистская оппозиция после апрельской революции встала под религиозными лозунгами на защиту интересов буржуазии. Иначе и

* См., например: Зарубежный Восток и современность. М., 1980. Т. 1; Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975.

не могло быть. Мелкая буржуазия и средние городские слои не способны на самостоятельное политическое выступление. Они могут либо выступить на стороне рабочего класса, в защиту его интересов, либо встать на защиту интересов буржуазии. Прогрессивная часть средних городских слоев афганского общества, руководствуясь идеями научного социализма, совершила национально-демократическую революцию в интересах трудящихся масс, рабочего класса и крестьянства. Другая, реакционная часть этих слоев, исламские фундаменталисты, начав борьбу против национально-демократического режима, тем самым встала на защиту интересов буржуазии.

Идея создания теократического «исламского государства», что является политической целью афганской исламской оппозиции,— скорее похожа на утопию. Совершенно очевидно, что даже в случае прихода фундаменталистов к власти концепция «исламского государства» будет в конце концов либо отброшена и заменена чисто капиталистическими отношениями, либо сохранится лишь в качестве религиозной оболочки, прикрывающей эти отношения. Здесь уместно вспомнить мысль В. И. Ленина о роли российских мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров как проводников идей лидеров российской буржуазии. Находившаяся уже в эмиграции (1921 г.) верхушка российской буржуазии стремилась использовать мелкобуржуазные партии в своих контрреволюционных целях, справедливо полагая, что приход к власти этих мелкобуржуазных партий расчистит дорогу для буржуазии. После этого, считал В. И. Ленин, «этих мешанских Нарциссов — меньшевиков, эсеров» настоящая деловая буржуазия одурчит и прогонит «шлепками», как это делала во всех революциях десятки раз².

Основу традиционалистской оппозиции составляют представители высшего слоя реакционного мусульманского духовенства*, феодально-бюрократических слоев Додаудовского афганского общества и родоплеменной элиты, служивших опорой монархического строя. Традиционалисты не имеют каких-либо своих оригинальных

²* Во многих советских востоковедческих работах утверждается неправомерность использования термина «духовенство» по отношению к представителям мусульманского религиозного сословия. Вопрос все же остается открытым: доводы сторонников такой точки зрения выглядят несколько схоластичными. Не вступая в полемику и учитывая характер настоящей работы, для краткости автор иногда прибегает к этому термину.

концепций государства. По их представлениям, исламское государство — это восстановление прежних традиционных порядков, это, наконец, реставрация, если такое окажется возможным, монархии. Пользуясь определением В. И. Ленина, можно сказать, что традиционалистская оппозиция в политическом плане является контрреволюцией, оппозицией монархической. Применительно к Афганистану — феодально-монархической.

Пуштунская и непуштунская исламская оппозиция

Афганистан — многонациональное государство, где еще нерешены национальные проблемы. Основными национальными группами являются пуштуны (более 8 млн человек), таджики (приблизительно 3 млн), узбеки (около 1,5 млн), хазарейцы (более 1 млн), туркмены (около 500 тыс.), белуджи (приблизительно 200 тыс.). Имеются немногочисленные группы других национальностей: чараймаков, нуристанцев, киргизов и т. д. Военно-политической опорой афганского государства являлись пуштуны с их вооруженными племенными ополчениями. Правящие круги Афганистана целенаправленно проводили политику обеспечения доминирующей роли пуштунов во всех областях жизни страны.

Последние имели многочисленные официально и не-официально закрепленные привилегии: из них и частично из таджиков комплектовались госаппарат и офицерский корпус, пуштунские племена освобождались от налогов, от призыва в армию, им выделялись лучшие земли, в том числе в районах расселения нацменьшинств, наконец, правившие монархические династии были пуштунскими. Непуштунское население испытывало двойной гнет: как со стороны своих помещиков, ханов и беков, так и со стороны центральной власти, защищавшей интересы прежде всего пуштунов.

Такая политика привела закономерно к национальной розни между пуштунами и другими национальностями Афганистана. На этот пласт национальных противоречий наслаивались противоречия между самими национальностями меньшинствами. Такая гамма взаимоотношений между народностями привела к появлению националистических групп и организаций, выступавших с позиций защитников интересов нацменьшинств. Так, группа «Сетам-и мелли» («Национальный гнет») стремилась

объединить таджиков, узбеков и туркмен для борьбы против пуштунского засилья. Со своей стороны, пуштунская интеллигенция создала свою националистическую группу «Афган меллят» («Афганская нация»), стоявшую на панафганских позициях.

Судя по заявлениям зарубежных авторов, даже левые прогрессивные группы «Хальк» и «Парчам», объединившиеся впоследствии в НДПА, формировались вначале отчасти по национальному признаку². С этим мнением можно спорить, но известная доля истины в нем есть. Народно-демократическая партия, пришедшая к власти в апреле 1978 г., не имела разработанного плана решения в стране национального вопроса, хотя ее программа декларировала необходимость его политического решения. Провозглашенное ею равноправие всех народностей, населяющих Афганистан, не получило закрепления практическими шагами. Более того, по мере возвышения Х. Амина в руководстве партии, страны, в армии в госаппарате все отчетливее проявлялись элементы пуштунского великодержавного шовинизма. Второй этап апрельской революции, начавшийся в декабре 1979 г., во многом скорректировал линию партии в отношении национальных меньшинств, но какого-либо масштабного и комплексного решения этой жизненно важной для многонационального государства проблемы не было предложено. И это можно понять: для глубокого изучения и решения этого болезненного вопроса нужна спокойная политическая обстановка. Любое же решение в условиях гражданской войны было бы извращено оппозицией и международной реакцией и еще более могло осложнить ситуацию.

Какова роль национально-этнического фактора в исламском оппозиционном движении в Афганистане? Одной из основных теоретических установок фундаменталистов является провозглашение принципа «исламской солидарности». Этот принцип отрицает географические, национальные и языковые барьеры внутри мусульманской общины — уммы. Фундаменталисты считают, что национализм есть порождение «западной культуры». Они заменили понятие «нация» другим, сформулированным еще Хасаном аль-Банной понятием «мусульманская нация».

Используя принцип «исламской солидарности», основные фундаменталистские организации ИПА и ИОА стремятся собрать под своими знаменами как можно большее число представителей всех народностей страны,

что позволило бы им выступать от имени всех пародов Афганистана. Однако эта линия привела к тому, что в своей основе обе эти организации являются непуштунскими. Если в ИПА в городских организациях много городских пуштунов, то в вооруженных отрядах, действующих в сельских местностях, пуштуны не являются сколько-нибудь доминирующей силой. Сам Г. Хекматъяр северный пуштун — не пользуется серьезным авторитетом в районах основного расселения пуштунских племен. В ИОА преобладают таджики, затем узбеки и туркмены и лишь потом — пуштуны. Видимо, тот факт, что Б. Раб-бани является таджиком, обеспечил ему поддержку имен-но в северных и западных районах, населенных в основном нацменьшинствами.

Что касается фундаменталистских организаций - ИПА Ю. Халеса и ИСОА А. Сайяфа, то они являются пуштунскими. Это в какой-то степени компенсирует в рамках «четверки» в основном непуштунский характер ИОА и другой ИПА, позволяя тем самым фундаменталистам претендовать на представительство интересов всех народностей.

Традиционалистская оппозиция, в которую, как сказано, входят три организации НФСА, НИФА и ДИРА, целиком пуштунская. Все три сориентированы на основные районы расселения пуштунских племен, каждый из их лидеров имеет влияние на те или иные племена, вернее, на их лидеров: С. А. Гилани — на руководителей ахмадзаев и сулейманхелей, М. Наби Мухаммади имеет влияние среди пуштунов юга и юго-запада страны, С. Моджадди — в приграничной с Пакистаном юго-восточной зоне расселения племен. У традиционалистов нет какой-либо программы по национальному вопросу. Они выступают за привычный ислам в его афганской интерпретации, за сохранение традиционных исламских племенных «ценностей». Их национальный состав свидетельствует об их пуштунском национализме. Сила этого отряда оппозиции в том, что она опирается на поддержку части коренного населения страны — пуштунов, в этом как ни парадоксально и его слабость, поскольку отряд не охватывает представителей других национальностей, которые отнюдь не стремятся вернуться к временам, когда пуштуны были привилегированной частью населения.

Национально-этническое разделение оппозиции отразилось и на географических районах деятельности ее

вооруженных отрядов. Практически нет ни одной оппозиционной организации, которая могла бы претендовать на то, что она действует в масштабах всей страны. И все если сравнить в этом плане фундаменталистов и традиционалистов, то первые действуют на большей территории. Таким образом, национально-этническая принадлежность играет значительную роль в деятельности исламской оппозиции, отсюда большая ее часть раздроблена именно по национальным признакам, хотя некоторые ее отряды пытаются выйти за пределы этнических рамок и заявить о себе как о факторе общенациональном.

Организованная и неорганизованная исламская оппозиция

«Пешаварская семерка» как наиболее организованная оппозиция, куда входят семь основных организаций, образующих ИСМА, является наиболее опасным противником национально-демократического строя. Эта оппозиция практически создала на части территории Афганистана свою военно-политическую структуру: органы местной власти, называемые эмиратами или исламскими комитетами, и вооруженные формирования. Она пытается придать комитетам признаки власти. Последние располагают отдельными помещениями, печатями, бланками, налоговыми квитанциями. Деревенский комитет состоит обычно из председателя (амира), его заместителей, муллы и сборщика налогов. Председателем, как правило, является малик или староста деревни, мулла выполняет обязанности судьи. Комитет уезда, волости имеет более сложную структуру, в нем есть отделы культуры, финансов, юридический (он же судебный), информации. Если комитет выполняет и функции руководящего военного органа, то в нем имеется военный отдел.

Комитет провинции подчинен непосредственно штаб-квартире организации в Пакистане или Иране, отчитывается перед ней, передает собранные с населения налоги, получает и распределяет поступающее оружие и боеприпасы. Структура провинциального комитета еще более сложна, число отделов по сравнению с уездным комитетом больше, их функции более многоплановы.

Оппозиция учитывает особенности региона, степень влияния в нем правительственных органов РА, наличие вооруженных формирований оппозиции и их активность,

и потому в деятельности исламских комитетов может на первый план выступать либо гражданская, либо военная функции. В последнее время отмечается тенденция создания так называемых «зон влияния» во главе с главнокомандующими и главными амирами. Так, в 1985 г. главнокомандующим вооруженными силами ИОА в северо-западном регионе страны был старший капитан Алауддин, главным амиром этого региона — старший капитан Мухаммед Исмаил. Главнокомандующим отрядов ИОА в Панджшире и на севере страны — Ахмад Шах Масуд.

В более мелких административных единицах — уездах, волостях действуют «фронты», состоящие из нескольких боевых групп по 15—20 человек каждая. Практикуется создание укрепленных баз в труднодоступных районах, где расположены военные штабы, склады, госпитали.

Стоит обратить внимание на то, что в лице командиров боевых отрядов, фронтов, «зон влияния», «освобожденных районов» оппозиция обрела новое поколение, новую молодую плеяду военных и политических руководителей, которые, ведя вооруженные действия непосредственно на территории Афганистана, критически относятся к своим теоретическим наставникам в Пешаваре, между которыми ведется междоусобная борьба за власть и за получение помощи из-за рубежа. Эта неприязнь иногда приводит к переходу командиров со своими отрядами на сторону правительства или в состав другой оппозиционной организации.

Соперничество, борьба между лидерами оппозиции за власть в рамках ИСМА переносится и на вооруженные отряды соперничающих оппозиционных организаций, действующих в Афганистане, которые, в свою очередь, ведут друг против друга непрекращающуюся борьбу — за влияние в деревне, уезде, провинции, за контроль дорог. Вооруженные столкновения, убийства руководителей «чужих» комитетов и отрядов, захваты «караванов» с оружием и складов других организаций, взаимные обвинения в связях с правительством стали обычными нормами отношений между вооруженными формированиями различных отрядов исламской оппозиции на территории РА. «В окровавленные окопы революции пришла групповая и партийная разобщенность, которая настолько ослепила многих, что они были уже не в состоянии понять величие этой революции, и вместо того, чтобы острее

пропаганды направить против противника, они начали пропаганду друг против друга, причем довели дело до того, что ... сторонники одной группы считали своим долгом покончить с противостоящей группой. Поэтому началось размежевание, стволы оружия моджахедов стали нацеливаться в сердца своих товарищей, и сотни людей из-за борьбы за влияние ... были повергнуты в землю и кровь», — писал фундаменталистский журнал⁴. Со своей стороны «координатор государственного департамента США по вопросам Афганистана» (есть такая должность!) З. Халилзаде свидетельствует: «Отношения между партизанскими группами иногда характеризуются конфликтами, включая вооруженные столкновения, в которых сотни партизан уже потеряли свои жизни. Хотя здесь имеет место и идеологические разногласия, в основе конфликтов лежит соперничество и борьба за власть среди семи лидеров в Пакистане⁵.

Приведенные свидетельства лишь подтверждают достаточно известный факт: между военно-политическим руководством исламской оппозиции в Пакистане и вооруженной оппозицией на территории РА существуют взаимные неприязнь и недоверие. Выдвижение на первый план новых военных руководителей, продолжение конфликтов между политическими лидерами оппозиции способствуют росту самостоятельности командиров вооруженных отрядов на территории РА. Однако обе стороны одновременно нуждаются друг в друге. Лидеры оппозиции в Пешаваре сознают, что без связи с внутренней оппозицией и ее поддержки их ожидает политическая смерть. В то же время руководители внутренней оппозиции пока зависят от пешаварских лидеров во многих отношениях: они обеспечивают в Пакистане подготовку из числа беженцев все новых контингентов для ведения военных действий, осуществляют поставки и распределение оружия и снаряжения, содержат семьи оппозиционеров, воюющих в Афганистане, наконец, представляют оппозицию за рубежом.

Если говорить о неорганизованной (локальной) оппозиции, а такая тоже есть, то к ней можно отнести разрозненные отряды, выступающие с оружием в руках против правительства, но не связавшие себя членством или подчиненностью той или иной оппозиционной организации с центрами в Пакистане или Иране. Ее вооруженные отряды формируются из жителей одной, реже нескольких соседних деревень, возглавляются традиционно

помещиками, маликами, ханами. Эти отряды, с одной стороны, выполняют функции охраны и обороны деревни-с другой — «обеспечивают» себя и свою деревню «тро-фейными» продовольствием, горючим, промышленными товарами, всем, что может быть захвачено на дорогах. Такая «задача» отрядов локальной оппозиции зачастую превалирует над всеми иными мотивами антиправительственной вооруженной борьбы. «Традиция бандитизма давно пустила корни в Афганистане, бывает трудно провести линию между боевыми действиями и актами раз-боя»⁶, — писала английская газета.

Оппозиция организованная рассматривает местную оппозицию в качестве своего резерва, прилагает усилия к подчинению этой оппозиции своему влиянию. Локальная оппозиция представляет собой наиболее уязвимое звено среди остальных отрядов афганской исламской оппозиции.

Из сказанного можно сделать вывод, что афганская исламская оппозиция классифицируется по целому ряду признаков. По религиозным признакам она делится на суннитскую и шиитскую, по социально-теологическим — на фундаменталистскую и традиционалистскую, по социально-классовым — на буржуазную и феодально-монархическую, по национально-этническим — на пуштунскую и непуштунскую, по организационным — на организованную и неорганизованную. Между этими категориями оппозиции могут иметь место союзные, договорные и иные отношения, направленные на временное преодоление их разобщенности и противоречий, но в конечном итоге названные категории оппозиции носят устойчивый, объективный характер.

Характеризуя афганскую исламскую оппозицию и ее деятельность, нельзя не остановиться на тех преступлениях, актах жестокости, которые каждодневно совершает оппозиция по отношению к народу Афганистана. «Борцы за свободу», как величают их на Западе, попирают все нормы человеческого поведения. Изошренные казни и пытки, отсечение голов, рук у захваченных ими людей, в том числе мирных жителей, убийства стариков, детей, женщин, уничтожение всего и вся — и при этом невиданный цинизм и ссылки на бога и ислам. «Хорошо ли вы, руководители партий и организаций, — задает вопрос один из афганцев — противников правительства РА, — знаете, какие беззакония творят над народом в районах, находящихся под вашим влиянием, ваши представители

под видом исламских партизан' Вы не боитесь, что однажды этот же народ-борец восстанет против вас?»

На июнь 1985 г. свидетельствуют официальные афганские данные, оппозицией на территории Афганистана взорвано и сожжено 1864 школы, 33 больницы, 11 медпунктов, 14 тыс км линий связи, сотни мостов, плотин, ирригационных сооружений, опор ЛЭП, сбиты пассажирские самолеты авиакомпании «Ариана»⁸. По тем же данным, к июню 1988 г. число убитых военнослужащих и гражданских лиц — сторонников государства достигло 243 900 человек, из которых 208 200 — мужчины и 35 700 — женщины. Эта цифра включает также 20 700 детей в возрасте до 10 лет. За тот же период 77 000 человек получили ранения, в том числе 17 100 женщин и около 900 детей. За тот же период национальная экономика потерпела ущерб в несколько миллиардов американских долларов, что составляет три четверти всех вложений в развитие за 50 лет, предшествовавших революции⁹.

Террор, разбой, творимые оппозицией, подтверждают данные, приведенные в марте 1988 г. в докладе американских неправительственных Комитета по наблюдениям за выполнением Хельсинкских соглашений и Комитета «Эйша уотч», делегация которых собрала эти данные в Пакистане в сентябре-октябре 1987 г. В докладе, в частности, говорится: «Мы продолжаем осуждать казни военнопленных организациями сопротивления зачастую после суда, который во многих аспектах, по нашему мнению, не проходил должным образом». В докладе отмечается, что наибольшее нарушение прав человека допускается со стороны ИПА Г. Хекматьяра, которая еще более чем в прошлом году прибегает к политическим убийствам, захватам заложников, похищениям людей. Лидеры исламской оппозиции, вызвавшие к жизни все эти преступления, творимые оппозицией на афганской земле, пытаются уйти от личной ответственности за все содеянное, переложив ответственность на своих подчиненных. Так, Г. Хекматьяр, наиболее непримиримый и жестокий, даже по оценкам других фундаменталистов, лидер, в своем выступлении на «семинаре» командиров вооруженных отрядов ИПА заявлял: «Мы являемся очевидцами зла и насилия, когда моджахед, человек, который взял в руки оружие, чтобы бороться за веру в бога, обижает вдову, обижает сироту, творит зло, прибегает к разорительным поборам. занимается грабежом, обижает беззащитных

людей... Если мы перед лицом всех этих злодеяний останемся безразличными, то это означает, что мы поднял оружие не во имя бога, тогда мы воюем за что-то гое»¹⁰.

ИОА вынуждена была признать в одном из документов: «Примерами поведения, несорместимыми с джихадом могут служить многочисленные случаи грабежа имущества людей, насилия, унижения и оскорбления невинных... Это вызывает гнев у всего народа, негативное отношение к нам, доверие народа к нам уменьшается. В результате одни бегут от нас, другие отказываются сотрудничать с нами»¹¹. Если даже лидеры фундаменталистской оппозиции публично заговорили о преступлениях оппозиции на территории РА, то можно себе представить, что действительность еще страшнее. История и афганский народ предъявят афганской исламской оппозиции большой счет.

Исламская оппозиция и бывший король М. Захир Шах

Вокруг возможной роли в решении афганской проблемы и в будущем государственном устройстве страны бывшего короля Афганистана М. Захир Шаха в лагере исламской оппозиции кипят страсти.

Главарь традиционалистских оппозиционных организаций С. Моджаддиди, С. А. Гилани и М. Наби Мухаммади, особенно первые двое, исходя из той роли, которую они и их кланы играли в период монархии, связей с самим последним королем Афганистана, из той верности с которой служили афганской монархии, считают, что наиболее подходящей кандидатурой, которая бы олицетворяла единый Афганистан, может быть бывший король Во-первых, традиционалисты учитывают наличие у значительной части афганского крестьянства монархических настроений, тяги к «законному» правлению. В их глазах бывший король выглядит мучеником и «законным» правителем, насильно лишенным власти. Во-вторых, традиционалистские лидеры, поддерживающие связи с западными странами и стремящиеся выглядеть в глазах Запада respectable и умеренной политической силой, рассчитывают, что такой деятель, как М. Захир Шах более предпочтителен для Запада в качестве руководителя будущего Афганистана, чем исламские фундаменталисты с их политическим экстремизмом. Руководствуясь этими

Соображениями, традиционалистские деятели приступили к подготовке условий для выдвижения фигуры бывшего монарха на роль общенационального символа. Поначалу циркулировали сообщения о том, что М. Захир Шах отказывается принимать какое бы то ни было участие в афганских делах, считая апрельскую революцию необратимой. Затем сообщалось, что под влиянием своего ближайшего окружения, а также традиционалистских лидеров он стал колебаться и наконец дал согласие на то, чтобы его имя можно было бы использовать в качестве объединительного фактора, общенационального символа, без каких-либо обязательств политического и организационного характера, т. е. без включения его самого и его имени в какую-либо политическую или организационную структуру. Такие условия позволяли М. Захир Шаху оставаться как бы над всем оппозиционным движением с его разногласиями, межпартийной борьбой

и т. д.

Все организации фундаменталистов относятся к М. Захир Шаху и к его возможному участию в политической жизни Афганистана резко непримиримо. Едва появились сообщения о согласии бывшего короля стать при определенных условиях символом «чайный» афганского народа, как фундаменталисты, и в первую очередь Г. Хекматъяр, обрушились на короля и традиционалистов с бранью. Например, орган ИПА газета «Шахадат» писала: «Мы единодушно согласны с предложением о возвращении Захир Шаха в Афганистан, но не для правления, а в наручниках и для суда... Это он несет ответственность за все убийства и за несчастья, связанные с переворотом М. Дауда и с событиями в апреле 1978 г., за вторжение русских в Афганистан... Это он выпестовал банды „Хальк" и „Парчам", открыл ворота коррупции, порокам, тратил народные средства на себя и свой двор, призвал иностранную культуру на замену культуры исламской. Народ разыскивает его после бегства, чтобы в наручниках предать его исламскому революционному суду. Раз он сам предложил вернуться, то пусть сам, своими ногами идет на скамью подсудимых. Что касается тех, кто предложил ему вернуться, то афганский народ хорошо знает эти группы, связанные с Западом. Это они от имени моджахедов болтают в программах западных радиостанций. Но они не играют ни малейшей роли в исламском джихаде против русских. Они не за ислам, не за свободу, они за возврат своих утраченных постов, за воз-

врат к разврату и наслаждениям... и эта жажда толкает их на сделку с любой силой (Россией, Америкой, Израилем)... Любопытно, что Захир Шах, принимая в подарок руководство, ставит условием объединение групп. Но народ Афганистана уже не тот, каким был несколько лет назад, его не обмануть»¹².

Позднее король выступал с различными заявлениями подтверждающими его готовность взять на себя определенные полномочия «высшего порядка» и в то же время обходящими острые углы во взаимоотношениях с фундаменталистами. К примеру в ноябре 1984 г. в интервью «Голосу Америки» он заявил: «... Несогласие большинства руководителей „союза семи“ принять предложение о создании единого фронта, не должно расцениваться как несогласие с самой идеей фронта». И далее: «Что касается лично меня, то я не жалею и не пожалею усилий для создания атмосферы доверия. И я готов... без всяких условий, в качестве афганца предоставить себя в распоряжение дорогого мне благородного афганского народа»¹³.

Мысль о своем служении народу Афганистана бывший король повторяет снова и снова. В ходе интервью газете «Фигаро» от 16 июня 1987 г. перед М. Захир Шахом был поставлен уже достаточно прямой вопрос: «Многие афганцы полагают, что только вы один способны объединить вашу нацию и избежать расколов. Готовы ли вы вновь взять на себя ответственность с тем, чтобы восстановить вашу страну после стольких лет войны?». Ответ был не столь прям, но положительный: «Не предъявляя никаких притязаний личного характера, я полностью и без каких-либо условий готов служить афганской родине и ее героической борьбе за восстановление национальной независимости, свободы и права нашего народа на самоопределение».

После решения Советского правительства о выводе войск из Афганистана и подписания Женевских соглашений по Афганистану деятельность как сторонников, так и противников возвращения короля на политическую арену резко активизировалась. В марте 1988 г. он высказался за созыв на длительный срок джирги, «на которой были бы представлены все элементы, составляющие афганскую нацию, для создания единой организации, которая пользовалась бы поддержкой большинства нашего народа». В этом же своем высказывании М. Захир Шах подчеркнул, что будущий Афганистан должен быть исламским, свободным и демократическим обществом и что

ему следует поддерживать дружественные отношений со всеми странами и особенно с Советским Союзом и Паки-страном¹⁴.

Изобразив деятельность сторонников бывшего короля как «заговор» против Афганистана, фундаменталисты вновь повели атаку на монарха и традиционалистов. Г. Хекматъяр продолжает повторять, что «возможность возвращения шахского режима (т. е. монархии.— В. С.) уничтожена», что ныне в Афганистане обстановка «копленным образом изменилась». «Мы видим, кто является командирами в деревне, кто стоит во главе племен. Это командиры, преданные улемы, это профессора, доктора, инженеры. Тех, кто составлял вчера опору шахского режима, уже нет». Впервые здесь же Г. Хекматъяр высказывает интересную мысль об отношении Ирана и Пакистана к М. Захир Шаху. «Ни Иран, ни Пакистан,— утверждает Г. Хекматъяр,— не намерены терпеть в Афганистане шахский режим. Иран знает, что если в Афганистане будет восстановлен шахский режим, то это приведет к оживлению иранских шахских элементов... Пакистан же не может забыть горькие воспоминания о шахском периоде, когда Россия и Индия постоянно использовали Афганистан против Пакистана»¹⁶.

Кто же — фундаменталисты или традиционалисты точнее в оценке возможного политического влияния М. Захир Шаха среди различных слоев афганского общества? Однозначно ответить на этот вопрос пока трудно или даже невозможно, данных практически нет. Фундаменталисты утверждают, что классовая или сословная основа для реставрации монархии безвозвратно уничтожена. Думается, что эта оценка слишком категорична. Сторонники бывшего короля многочисленны, хотя и не столь организованы и решительны, как фундаменталисты. К ним относится значительная часть афганского крестьянства с его стремлением «к порядку», это большая часть пуштунских племен, многочисленная армия чиновников времен монархии, феодально-монархическая элита. Сбрасывать их влияние на возможное развитие событий было бы неправильным.

Подтверждением тому служат результаты опроса, проведенного «независимой» Партией свободы, руководимой афганскими эмигрантами в США. Политические установки этой немногочисленной партии близки к сторонникам М. Захир Шаха. Опрос проводился нелегально и анонимно в январе—июле 1987 г. в лагерях афганских беженцев

в Пакистане. Было опрошено 2287 мужчин из 23 провинций Афганистана, результаты опроса даны по ответам первых 2000 человек, чтобы было легче дать их процентное соотношение.

На вопрос о том, кого они хотели бы видеть в качестве руководителя Афганистана, ответы распределились следующим образом:

	за	%
Бывший король М. Захир Шах	1433 чел.	71,65
Чисто исламское государство	250 чел.	12,5
Кто-либо из мусульман-афганцев	206 чел.	10,3
Один из командиров сопротивления: Ахмад Шах Масуд, Фарид, Хакани	35 чел.	1,75
Лидеры политических организаций: С. А. Гилани, М. Наби Мухаммади, В. Раббани, Г. Хекматъяр — все вместе	9 чел.	0,45
Нет мнения	67	3,35

Подавляющее большинство опрошенных высказалось, как видим, за М. Захир Шаха. Поразительно низок процент высказавшихся за лидеров как традиционалистских, так и фундаменталистских организаций — всего 9 человек.

При всей возможной некорректности самого опроса, несмотря на политические симпатии проводившей его организации, его результаты могут представить интерес, тем более что это единственная попытка подобного рода¹⁶. Таковы, коротко, позиции фундаменталистских и традиционалистских оппозиционных организаций, а также самого М. Захир Шаха в вопросе о его возможной роли в будущем Афганистана.

Глава V ВМЕШАТЕЛЬСТВО МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАКЦИИ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА АФГАНИСТАНА

Масштабы, формы и направления вмешательства

Против только что образовавшейся Республики Афганистан мировая реакция развернула подрывную работу, стремясь ликвидировать национально-демократический строй. В ход были пущены все средства: военные, политические, экономические, идеологические. До 1980 г., т. е. до начала нового этапа апрельской революции, вмешательство носило скрытый, тайный характер, осуществлялось в основном через спецслужбы США, Китая, Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана. Военная помощь вооруженной афганской оппозиции с самого начала стала главной формой вмешательства. Она оказывалась как путем выделения финансовых средств для закупки оружия и снаряжения, так и прямыми поставками оружия. «Крупномасштабная и продолжительная партизанская деятельность,— писал один из индийских исследователей,— требует громадных ресурсов, и повстанцы никогда не смогли бы иметь ресурсы в таких масштабах, в каких они их имеют, без помощи извне»^{*}.

Сотрудник сената США Джон Б. Ритч, совершивший в январе—феврале 1984 г. поездку в Пакистан, откуда он нелегально проник на территорию Афганистана, в своем докладе Комитету сената США по международным отношениям писал: «Во время «первой фазы»... революции — в период с апреля 1978 по декабрь 1979 г.— американская вовлеченность ограничивалась поставкой моджахедам медицинского оборудования и лекарств»². Автор доклада, возможно, не осведомлен, что еще в 1973 г. после антимоноархического переворота М. Дауда, ЦРУ США создало на территории Пакистана, в районе Аттока, лагерь для военной подготовки афганских «потенциальных» партизан, руководил которым Г. Хекматъяр³. Самую разнообразную помощь по содержанию

этого лагеря (а он, возможно, был не один), по вооружению и обучению боевых групп афганских фундаменталистов оказывало через свои спецслужбы руководство Пакистана, фундаменталистская организация «Джамаат-и-ислами» Пакистана и арабская «Братья-мусульмане».

К моменту апрельской революции ИПА и ИОА, находившиеся на содержании мусульманской реакции, уже имели в своем распоряжении плацдарм на территории Пакистана и сеть подпольных ячеек в Афганистане, а две недели спустя после того, как произошла революция, началась заброска на территорию Афганистана отрядов вооруженной оппозиции, подготовленных и вооруженных с помощью и за счет международной реакции⁷. В октябре 1979 г. посол США в Саудовской Аравии сообщил госсекретарю США, что Саудовская Аравия оказывает афганской оппозиции финансовую помощь, чтобы «не дать слабейшему халькистскому режиму изменить баланс в свою пользу»⁵.

Враждебную по отношению к революции позицию заняла КНР. «Китай, видимо, играет эффективную роль в предоставлении безусловной помощи основным группам сопротивления,— писал в своей работе по Афганистану проживающий в США пакистанский исследователь Т. Амин.— Представляется, что Китай понял значение и потенциал движения сопротивления еще на начальном этапе»⁶. С начала 1980 г., используя в качестве предлога ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск, администрация США, а вслед за ней и руководство Саудовской Аравии, Египта, КНР, Ирана посчитали возможным открыто заявить о своей поддержке и практической помощи, оказываемой афганской исламской оппозиции. Одновременно в американской прессе появились сообщения, что ЦРУ США начало тайные операции по снабжению афганской оппозиции оружием. Операции были утверждены специальным координационным комитетом под председательством Бжежинского, а затем — президентом Картером. «Это была крупнейшая операция ЦРУ после операции в Анголе в 1975 г.,— писал в своей книге индийский исследователь Бхабани Сен Гупта.— Повстанцы сражались легким полевым оружием советской конструкции, полученным из Египта, Китая... Оружие доставлялось через Пакистан. По некоторым данным, Иран тоже предоставил повстанцам некоторое количество оружия. Египет объявил, что он обучает на своей территории афганских повстанцев и отправляет их обрат-

но с оружием... Китай направил некоторое количество оружия через Каракорумский проход»⁷.

В Вашингтоне стали открыто сообщать об ассигнованиях, выделяемых конгрессом США, администрацией, ЦРУ и предназначенных для закупки оружия, снаряжения, боеприпасов, для финансирования боевых операций на территории Афганистана, на содержание военных лагерей и баз по подготовке вооруженных отрядов оппозиции. Назовем некоторые из этих цифр. С начала 1980 г. и до сентября 1984 г. ЦРУ США израсходовало на помощь афганской оппозиции 325 млн долл.⁸ В 1987 г. эта помощь составила уже 630 млн долл. На 1988 г. было выделено 900 млн долл.⁹

Судя по сообщениям зарубежной прессы, Саудовская Аравия, другие арабские страны, КНР, Израиль выделили в 1983 г. 100 млн долл.¹⁰ Это только отдельные разрозненные цифры, относящиеся в основном к началу 80-х годов. Со временем военная помощь возрастала в количественном отношении и менялась качественно. С 1986 г. начались поставки современных средств ПВО — американских ракет «Стингер» и английских «Блоупайп», затем последовали новейшие виды вооружений, такие, как средства для поражения танков на большом расстоянии, реактивные орудия для обстрела городов с большой дистанции, тяжелые 120-миллиметровые многоствольные минометы.

Газета «Вашингтон пост» в мае 1987 г. со ссылкой на американские разведывательные круги раскрыла подоплеку американо-саудовского сотрудничества в области оказания помощи афганской оппозиции. По ее данным, между двумя странами существует секретная договоренность о механизме оказания финансовой помощи афганской оппозиции. Правящие круги Саудовской Аравии с самого начала выделяли и передавали американцам для оплаты поставок оружия точно такие же суммы, «с точностью до доллара», которые ассигновал конгресс США, а они составили 1,5 млрд долл. Единственным условием, выдвигавшимся саудитами, являлось направление оружия тем афганским оппозиционным организациям, с которыми они поддерживали тесные связи (например, ИСОА во главе с А. Сайяфом). Помимо этого, Саудовская Аравия передавала миллионы долларов непосредственно некоторым лидерам афганской исламской оппозиции. Так, в мае 1984 г. саудовский посол в Пакистане передал тому же А. Сайяфу 10 млн долл. от имени заместителя

премьер-министра своей страны принца Абдаллы. Зенит-^{*}ные ракеты «Стингер» были поставлены американцами прежде всего тем оппозиционным группам, которым оказывает покровительство Саудовская Аравия¹¹.

По приведенным, пусть и разрозненным данным можно представить масштабы предоставляемой афганской оппозиции помощи. На вопрос корреспондента газеты «Араб ньюс» в Джидде президенту Зия-уль-Хаку, насколько «полезной» он находит помощь Афганистану (читай — афганской оппозиции.— *В. С.*) со стороны исламских стран, Запада и КНР и нет ли у него каких-либо замечаний в адрес этих стран, генерал ответил: «Нет. Мы благодарим их всех в следующей последовательности: мусульманские страны, Китай, государства Запада»¹². Военная помощь не ограничивается ассигнованиями США и их союзников, некоторых арабских стран, выделяемыми по правительственной линии. В штаб-квартиры афганской оппозиции потоком идет помощь от различных фондов, партий, организаций, отдельных лиц.

Каким образом распределяется громадная иностранная помощь среди основных отрядов афганской оппозиции — фундаменталистского и традиционалистского? В начале 80-х годов официальная позиция фундаменталистов по отношению к американской и в целом западной помощи была сформулирована более или менее четко: фундаменталисты, руководствуясь своей стратегической линией «Ни Запад, ни Восток», не намерены принимать от США и стран Запада какую бы то ни было помощь. Лидер ИПА Г. Хекматьяр в своем выступлении в Тегеране перед западными журналистами в связи с этим заявил: «Мы боремся за свободный, независимый и мусульманский Афганистан и примем помощь только от тех, кто разделяет эти наши цели или согласен с ними... Что касается помощи США и зависимых от них государств, то дело обстоит таким образом, что они не только не помогают и не могут помочь чистому исламскому движению Афганистана, но их вмешательство в дела афганской революции служит только уничтожению чистоты исламского движения.»¹³

Фундаменталисты упорно твердили, что они отказываются от принятия помощи от США и других западных стран, а также от правительств арабских стран, которые они не считали истинно мусульманскими. О помощи со стороны КНР руководители-фундаменталисты не упоми-

цают ни в положительном, ни в отрицательном плане. Они утверждали, что получают помощь только из таких источников, как фундаменталистские круги и организации арабских стран, в первую очередь «Братья-мусульмане» и различных связанных с ними комитетов и фондов, таких, как «Джамаат-и-ислами» Пакистана и другие неправительственные фундаменталистские организации.

Однако даже в тот период (начало 80-х годов) было ясно, что за названными источниками, без сомнения, скрывались другие поставщики помощи, о которых фундаменталисты прекрасно осведомлены, но не признаются в этом, поскольку такое признание подмочило бы «репутацию» оппозиции как независимой исламской силы. В числе таких поставщиков, как уже говорилось, были США, Саудовская Аравия, Пакистан и др. Обе стороны — поставщики помощи и ее получатели, прекрасно понимая цели и намерения друг друга, делают вид, что их ничто не связывает.

Неискренность «непримиримой» позиции афганских фундаменталистов в отношении получения западной помощи разоблачило само время. Несмотря на заявления фундаменталистов о неприятии помощи, некоторые западные исследователи открыто писали, что если Г. Хекматьяр является категорическим противником получения этой помощи, то А. Сайяф и Ю. Халес признают возможность оказания помощи со стороны Запада, но без каких-либо условий¹⁴. К числу последних относили и Б. Раббани. Но уже к середине 80-х годов лживость заявлений фундаменталистов о том, будто они не получают от США и других западных стран военной и финансовой помощи, ставшая слишком очевидной, больше не повторялась. Продолжал отрицать получение помощи один Г. Хекматьяр. В этой связи между ним и Б. Раббани, который после поездки в июне 1986 г. в США открыто стал настаивать на получении западной, и в первую очередь американской, помощи, впервые разгорелась дискуссия о том, как афганский фундаментализм должен строить свои отношения с США. Выделим из этой дискуссии моменты, относящиеся к вопросу о том, как ярые приверженцы ислама оправдывали получение военной помощи от «неверных». Б. Раббани, обосновывая свое обращение к правительству США за помощью в виде поставок оружия, ссылался на упоминаемый в истории ислама факт, когда пророк Мухаммад обратился с прось-

бой о предоставлении его отрядам оружия к многобожнику Абу Суфинну*.

Парируя этот довод, Г. Хекматъяр заявлял: «В исламе нет оправдания тому, что мусульманин протягивает руку за помощью к неверному. Ислам всегда учит мусульманина, что он превосходит других и должен испытывать: чувство превосходства... Что касается того факта, что Пророк одолжил оружие у Абу Суфияна, то это не может служить оправданием, так как Абу Суфиян после захвата Мекки (Мухаммедом.— В. С.) являлся одним из многобожников, ставших зиммиями (т. е. признавшими власть мусульман.— В. С.), и нет никаких оснований сравнивать его, находившегося в подчинении у мусульман, с такими стремящимися к завоеванию всего мира державами, какими являются Россия и США»¹⁵.

Не осталось в стороне от полемики и руководство Ирана. Оно также осудило поездку Б. Раббани в США и его обращение к ним за помощью. Президент Ирана Хамеanei на встрече с представителями афганских оппозиционных групп в Иране 1 июля 1986 г. заявил: «Исламские борцы в Афганистане должны соблюдать принцип «ни Восток, ни Запад». Сделка с одной из этих сил так же позорна и неприемлема, как и с другой. Никакой разницы здесь нет. Революция только тогда остается революцией, когда она независима. Если она стала зависима и опирается на одну из этих сил, то это уже не революция и не борьба, а политическая игра... Нельзя просить помощи, тем более у сверхдержав. Революция, которая хочет вести борьбу, опираясь на США или Советский Союз,— это уже не революция»¹⁶.

Попытки афганских фундаменталистов представить дело таким образом, что они якобы не получают военную помощь от США и стран Запада, оказались полностью несостоятельными. Более того, как сообщает английский журнал «Нью стейтсмен», по свидетельству американских специалистов «с 1980 г. афганские фундаменталисты получили львиную долю американской и прочей военной помощи на сумму 2,1 млрд фунтов стерлингов»¹⁷.

Традиционалистские оппозиционные организации — НФСА, НИФА и ДИРА, будучи открыто прозападными, использовали и используют все возможности для получе-

* Один из противников Мухаммеда и его учения, глава секты Омейядов в Мекке до распространения там мусульманства.

ния помощи из любого источника. Лидеры первых двух организаций — С. Моджадди и С. Гилани, симпатизирующие консервативным кругам США и стран Западной Европы, хорошо там известны. Для них вопрос о приемлемости западной помощи, в том числе оружием, вообще не существует.

Фундаменталисты и традиционалисты ожесточенно соперничают в области распределения поступающей напрямую и через Пакистан финансовой и военной помощи, за приобретение новых и удержание прежних источников этой помощи. В этой борьбе лидеры и тех и других организаций пускают в ход все средства, начиная от взаимных обвинений в коррупции, присвоении чужих средств и кончая вооруженными нападениями на склады «противных» организаций и захватами друг у друга караванов, перевозящих оружие из Пакистана на афганскую территорию муджахедам.

Помощь афганской оппозиции превратилась в объект противоречий и соперничества не только между штаб-квартирами в Пешаваре, но и между этими штабами, с одной стороны, и их вооруженными отрядами на территории Афганистана — с другой. Полевые командиры обвиняют штаб-квартиры своих организаций в сокрытии и присвоении поставляемого оружия, боеприпасов, продовольствия, в неравномерном их распределении и даже в спекуляции. Критикуя штаб-квартиры своих партий, называют их руководителей «владельцами пешаварских дуканов». Один из таких командиров Анвар Амин, по словам американского автора, заявил: «... Они делают бизнес на нашей крови»¹⁸.

Страны и организации, оказывающие помощь оружием афганской оппозиции, и в первую очередь США и Саудовская Аравия, используют помощь как способ давления на нее с целью побудить оппозицию быть более послушной и следовать путем, определенным для нее донорами этой помощи.

Политическое вмешательство во внутренние дела Афганистана. Цель — подрыв политических основ РА, ослабление НДПА, ее изоляция внутри страны, разжигание классовых, сословных, этнических и религиозных противоречий и в конечном итоге — ликвидация существующего режима власти. Международная реакция, и прежде всего США, с самого начала всячески пытались извратить в глазах мировой общественности смысл происходящих в Афганистане событий,

представить их как составную часть советской глобальной стратегии, нацеленной на расширение политического и военного влияния в этом регионе, на выход СССР к Индийскому океану и Персидскому заливу.

Ответные военные действия, которые ведет армия РА против вооруженных отрядов оппозиции, поддерживаемой США, их союзниками и региональной реакцией, представляются Западом как война против своего народа, а связанная оппозицией война, зверские расправы, бесчинства в отношении мирного населения именуется борьбой «за свободу», «за веру». Антисоветская и антиафганская политическая кампания ведется реакционными кругами во многих буржуазных и авторитарных странах. В результате значительная часть мировой общественности на Западе все еще дезориентирована и находится под влиянием искаженных представлений о происходящих в Афганистане событиях, о роли Советского Союза в этих событиях. Ей годами внушалась мысль, будто вооруженная оппозиция возникла в качестве реакции на ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск, что афганская оппозиция воюет против иностранных войск, и как только они покинут Афганистан, то все-де встанет на свои места и проблема вокруг Афганистана будет решена. При этом замалчивался тот факт, что афганская оппозиция при тайной поддержке из-за рубежа подняла антиправительственный мятеж по всей стране и угрожала Кабулу еще до ввода советских войск, что эти войска были введены в Афганистан по просьбе афганского руководства именно из-за мятежа оппозиции.

Оружие было поднято не против советских воинских частей, — их в Афганистане в то время не было, — а против демократической власти. В дальнейшем сама жизнь разоблачила лживость этой антисоветской и антиафганской политической кампании: к 15 августа 1988 г. из Афганистана было выведено 50% советских воинских частей, остальные выведены к 15 февраля 1989 г., однако организованная оппозиция не только не складывает оружия, а усиливает вооруженную борьбу, не идет ни на какие переговоры с правительством, вызывая не соблюдает Женевские соглашения. Вмешиваясь в дела Афганистана, США следовали доктрине «интернационализации» этого вмешательства, подключая к участию в нем наибольшее количество стран и организаций. С этой целью была задействована разветвленная экономическая

и иная зависимость многих капиталистических и развивающихся стран от США и их основных союзников. В результате нажима большинство стран — членов ООН вынужденно голосовали за резолюции, осуждавшие Советский Союз.

США использовали свое влияние в ООН также и для того, чтобы подключить к политическому вмешательству некоторые специализированные учреждения ООН, где они имеют значительное влияние.

Ряд западных стран, исламская реакция всячески старались представить афганскую оппозицию как политическую силу, якобы представляющую афганский народ, поднять уровень ее отношений с руководящими кругами капиталистических государств и международных организаций, придать им официальный характер. В этом плане большую роль сыграла уже упоминавшаяся поездка в Вашингтон и встреча с президентом Рейганом в июне 1986 г. нескольких лидеров афганской оппозиции и вторая такая же встреча, состоявшаяся в ноябре 1987 г. К слову сказать, расходы по поездке, по крайней мере первой, были оплачены из фондов ЦРУ США, предназначенных для оказания помощи афганской оппозиции¹⁹. В 1986 г. Б. Раббани был принят в ФРГ председателем Христианско-демократического союза, тогдашним баварским премьер-министром Ф.-И. Штраусом, который не преминул заверить афганскую оппозицию в своей поддержке. В том же году С. Моджадди имел встречу с тогдашним председателем Национального собрания Франции Шабан-Дельмасом и бывшим премьер-министром Ж. Шираком. Состоялся ряд других встреч лидеров и представителей афганской оппозиции с министрами и депутатами парламентов стран Западной Европы.

Различных рангов деятели США, Западной Европы, КНР считали для себя как бы обязательным ритуалом посещение во время визитов в Пакистан лагерей афганских беженцев, где эти деятели выступают с подстрекательскими антисоветскими и антиафганскими заявлениями и с обещаниями поддержки и помощи. Программы встреч, которые происходят в одних и тех же «показательных» лагерях, тщательно подготовлены, встречи происходят по отработанным сценариям. Лагерь посетили тогдашние вице-президент США Дж. Буш, министр юстиции США Миз, госсекретарь США Шульц, премьер-министры Англии, Малайзии, Японии, Турции, председатель госсовета КНР, наследный принц Саудовской Аравии,

вице-президент Швейцарии Пьер Обер, английский министр иностранных дел Хау и другие политические деятели, причем наиболее воинственные из них выезжали в район перевала Хайбер и через бойницы пограничного форта обозревали афганскую территорию.

Вашингтон всячески поощрял Пакистан продолжать оказание помощи афганской оппозиции, о чем, в частности, свидетельствует совместное американо-пакистанское заявление об итогах визита премьер-министра Пакистана Джунеджо в США 15—22 июля 1986 г. (т. е. вслед за визитом в Вашингтон лидеров афганской оппозиции). В заявлении говорилось, что президент США выразил восхищение мужеством Пакистана, противостоящего советскому нажиму через Афганистан, и его бескорыстной гуманной помощью почти 3 млн афганцев, бежавших в Пакистан за последние 7 лет... Президент напомнил о своей недавней встрече с мужественными руководителями афганского альянса, оба участника встречи выразили надежду, что этот альянс будет играть все более активную роль в укреплении международной поддержки делу свободы Афганистана...

Еще одну форму вмешательства Вашингтона и других стран в дела Афганистана представляет идеологическое вмешательство. Эта форма вмешательства тесно переплетается с вмешательством политическим. США и их союзники, а также КНР и Иран осуществляют широкомасштабную программу идеологической обработки населения Афганистана, афганских беженцев. Основное место в этой программе отведено специальному радиовещанию на Афганистан на языках пушту и дари. Передачи ведутся радиостанциями «Голос Америки», Би-би-си, «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна», «Радио Пекина», «Радио Израиля», «Радио Карачи», «Радио Тегерана», «Радио Пешавара», «Радио Мешхеда», «Радио Заболя», «Радио свободного Кабула». Подсчитано, что за 5 лет (с 1980 по 1985 г.) объем враждебного РА радиовещания увеличился в 30 раз и составил 10 часов в сутки. К настоящему времени количество часов вещания на Афганистан еще более увеличилось.

Информация о деятельности афганской оппозиции на территории Афганистана среди западных журналистов и корреспондентов распространяется посольством США в Исламабаде и Дели. Эта информация, которая затем передается различными агентствами со ссылкой «на западные дипломатические круги», по оценке пакистан-

ской газеты «Муслим», не вызывает доверия, поскольку она искажена и преувеличена²⁰. В 1986 г. конгресс США одобрил выделение 500 тыс. долл. на создание в Пешаваре так называемого афганского информационного центра. По замыслу США, создание в Пакистане такого центра должно обеспечить западные и региональные средства массовой информации широким и скоординированным потоком целенаправленной и выгодной США информации по Афганистану. Само собой разумеется, что ЦРУ США не находится в стороне от участия в работе центра, если только его создание вообще не является затеей ЦРУ.

Экономическое вмешательство в дела Афганистана с целью подрыва экономики страны путем экономической блокады, изоляции страны от ее традиционных рынков сбыта и импорта, нарушения ее торговых связей, дезорганизации хозяйства с целью провоцирования недовольства населения играет важнейшую роль. Надо еще раз подчеркнуть, что и здесь границы между военным, политическим, идеологическим, а также экономическим вмешательством размыты и весьма условны, поскольку все эти формы вмешательства переплетаются одна с другой.

Западные и некоторые арабские страны создали искусственные препятствия на пути экспорта афганских товаров. США вывели РА из списка стран, пользующихся режимом наибольшего благоприятствования в торговле, хотя практически все развивающиеся страны пользуются условиями этого режима. Англия значительно повысила таможенные пошлины на афганский изюм — одну из главных статей афганского экспорта, сделав его малоконкурентным, что привело к сокращению валютных поступлений в экономику страны. Жесткий контроль над ввозом афганских товаров ввела Япония, в результате чего сократился экспорт в эту страну афганских товаров при увеличении импорта из Японии.

Как ни значительно экономическое вмешательство Запада, важная роль отведена Пакистану. В нарушение существующего афгано-пакистанского соглашения Исламабад под различными предлогами создает Афганистану препятствия для торговли морем как стране, не имеющей прямого выхода к морским путям торговли. Афганским купцам не предоставляются склады для товаров в порту Карачи, вместо полагающихся по соглашению ежедневно для афганских товаров 30 железнодорожных вагонов выделяются только 10—15 по расценкам, в 4 раза превы-

тающим зафиксированную в соглашении договоренность. В результате ущемляются интересы Афганистана.

Специализированные учреждения ООН, находящиеся под влиянием США и их союзников, имеющие своих представителей в Кабуле, фактически прекратили свою деятельность, но упорно сохраняют свои представительства. По имеющимся данным, абсолютное большинство чиновников этих представительств враждебно настроено по отношению к РА и противятся возобновлению практической деятельности учреждений ООН, которые они представляют в Афганистане.

В заключение можно сказать, что США и их союзники, а также исламская реакция на протяжении всего периода после апрельской революции ведут необъявленную войну против РА в форме военного, политического, идеологического и экономического вмешательства во внутренние дела страны с целью ликвидации национально-демократического строя. Без вмешательства, без иностранной помощи афганская исламская оппозиция не была бы в состоянии вести столь длительную борьбу против этого строя.

США и афганская исламская оппозиция

«Должны ли США вооружать мятежников?.. Афганцы в любом случае будут воевать, если нужно — то камнями, и мы не должны отказывать им в возможности быть более эффективными... Тем, кто не считает это нашим моральным долгом, приведем довод из области холодной логики: чем более дорогим мы сделаем для Советов сегодняшний день в Афганистане, тем менее шансов, что они предпримут аналогичные авантюры где-либо в будущем»²¹. Так заявил сотрудник (ныне, возможно, бывший) ЦРУ США, работавший до 1979 г. в резидентуре ЦРУ в Кабуле под дипломатическим прикрытием, Антони Арнольд. Своей формулировкой, высказанной в начале 80-х годов, он облегчил нашу задачу определить основу политики США по отношению к Афганистану в первый период после апрельской революции.

Она заключалась в следующем: сделать все, что может нанести ущерб Советскому Союзу. Здесь и организация бойкота Олимпийских игр в Москве, и свертывание торгово-экономических отношений, и отказ от ратификации договора ОСВ-2. Здесь же и всесторонняя помощь афганской оппозиции, ее вооружение, установление с нею по-

литических контактов, поощрение к расширению военных действий на территории Афганистана.

Стремление афганского руководства расширить социальную базу режима, медленное, но все же движение вперед не прямых афгано-пакистанских переговоров в Женеве, отход так называемого «афганского вопроса» на международную арену на задний план, неустойчивая обстановка в Пакистане — все это беспокоило США, подталкивало их к выработке новых решений по Афганистану. Анализ доступной информации по этому вопросу из американских открытых источников позволяет сделать некоторые обобщения, касающиеся этих новых «решений». Их авторы приходят к выводу, что обстановка в период 1984—1985 гг. диктует США необходимость постановки перед своей внешней политикой в афганском вопросе двух задач.

Первая — затянуть политическое урегулирование вокруг Афганистана на возможно более долгий срок, нанося этим Советскому Союзу максимальный политический, идеологический и экономический ущерб. Выполнению этой задачи была посвящена выработанная в апреле 1985 г. секретная директива по вопросам национальной безопасности № 166. Вторая задача — подготовить условия, которые в случае если все возможности первой задачи будут исчерпаны и дальнейшее затягивание с решением кризиса стало бы невозможным, позволили бы США играть прямую и активную роль в процессе урегулирования, направить этот процесс в выгодное для США русло и в конечном итоге добиться создания на территории Афганистана дружественного США и по возможности недружественного или, в крайнем случае, нейтрального по отношению к СССР афганского государства.

Зимой 1984 г. эксперт комитета сената США по иностранным делам Дж. Б. Ритч III по поручению председателя этого комитета сенатора-демократа Ч. Перси и влиятельного члена этого комитета сенатора К. Пелла совершил двухнедельную поездку в Пакистан (с нелегальным переходом на территорию Афганистана), после чего представил комитету сената доклад об обстановке в афганской оппозиции, о ее противоречиях, степени вооруженности и т. д.²² Доклад содержал, выводы и предложения по укреплению влияния США на афганскую исламскую оппозицию и о политике администрации в отношении афганской проблемы в целом. Тот же комитет вес-

ной того же¹ года опубликовал доклад Дж. Б. Ритча уже от своего имени и призвал администрацию США заявить о своей готовности признать афганское правительство оппозиции, если оно будет сформировано в эмиграции, что оказало бы, по мнению сенатского комитета, «давление на Советский Союз с целью побудить его вывести из Афганистана своих военнослужащих и согласиться на создание там некоммунистического правительства»²³. Однако авторы оговариваются, что признанию такого правительства со стороны США должно предшествовать объединение оппозиции, создание ею «единого и представительного органа».

Вот так предложенная сотрудником ЦРУ А. Арнольдом довольно примитивная схема «мести» Советскому Союзу за Афганистан получает качественно новое развитие, обрастает конкретными деловыми установками. И уже в предисловии к новому изданию книги А. Арнольда в 1985 г. координатор программы международных исследований американского института Гувера П. Дьюгнан пишет: «Цель политики США должна заключаться в интернационализации афганской борьбы, чтобы добиться поддержки моджахедов в ООН, Лондоне, Париже, Бонне, Каире и в других местах. Нужно усилить давление на Советский Союз. Администрация Рейгана выделила из бюджета 280 млн долл. для афганского сопротивления, и эта активная поддержка оружием и деньгами должна продолжаться, если мы хотим, чтобы Афганистан был освобожден... Афганцы должны объединиться, их следует лучше подготовить к применению противотанковых и зенитных ракет, чтобы поднять цену нахождения Советов в Кабуле»²⁴.

Как видно, уже тогда США не могли мириться с существованием двух враждебных друг другу отрядов афганской оппозиции — фундаменталистского, внешне враждебно настроенного к США, и традиционалистского, с которым США поддерживают прямые и устойчивые связи. Им нужна была одна, единая, как можно более сплоченная оппозиция, которой можно руководить, которую можно представить мировому общественному мнению в качестве представителя всего афганского народа, альтернативы кабульскому правительству. Начиная с 1984 г., американцы и их союзники стараются размыть основы фундаменталистского альянса ИСМА-7, изолировать наиболее радикальное его крыло — ИПА во главе с Г. Хекматیارом, не идущего на открытое сотрудничество с

США, привлечь к сотрудничеству более расположенного к нему лидера ИОД Б. Раббани.

Как мы уже знаем, фундаменталистский альянс ИСМА-7 в феврале 1985 г. окончательно распался. И кто этому помог? Основные четыре его организации — ИПА, ИОА, ИПА Ю. Халеса и ИСОА в мае 1985 г. воссоединились с тремя традиционалистскими — НФСА, НИФА и ДИРА в новый альянс под прежним названием: Исламский союз моджахедов Афганистана (ИСМА), существующий до сих пор. Альянс был новый, но противоречия между его участниками остались прежние. Корреспондент «Вашингтон пост» Д. Руперт сообщал из Пешавара: «Более чем через три месяца после создания официального альянса семь основных групп не добились прогресса в деле достижения подлинного политического и военного единства... Под нажимом Пакистана, Саудовской Аравии (и стоящих за ними США.— В. С.) они создали альянс ИСМА, но ожесточенные споры по-прежнему препятствуют сотрудничеству между ними...»²⁵. Представитель ИОА Масуд Халили откровенно заявлял: «Мы и не надеялись, что альянс будет успешным, поскольку в него входят многие соперничающие группы, в нем налицо столкновение интересов... Однако малая толика координации лучше, чем совсем ничего»²⁶.

Возрожденный альянс после долгих споров смог выработать единую политическую линию лишь по одному вопросу: это было закрепленное в коммюнике требование о том, чтобы афганская оппозиция «играла определенную роль в любых переговорах по Афганистану»²⁷.

Афганская оппозиция оставалась все еще разрозненной, и США продолжали настойчивую работу по обеспечению ее хотя бы относительного единства. Лидеров оппозиции, в том числе фундаменталистской, стали принимать в различных странах на правительственном уровне, участилось проведение международных коллоквиумов, симпозиумов, семинаров по афганскому вопросу. «Афганистан снова в потоке новостей,— писала американская „Телеграф“,— президент удвоил выделенные ЦРУ средства для вооружения афганских повстанцев, теперь они достигают четверти миллиарда долларов»²⁸. Как потом выяснилось, шла лихорадочная подготовка к визиту в США и к беспрецедентной, не какой-то частной, а официальной встрече президента США с лидерами афганской оппозиции, причем инициатива встречи исходила от американской стороны. С этой целью в марте 1986 г. в 17а-

кистан в качестве личного представителя и доверенного лица президента выезжал министр юстиции Э. Миз. Последний вез послание президента лидерам оппозиции.

В апреле того же года в Пакистане побывал заместитель госсекретаря США по политическим, вопросам М. Армакост, к июню 1986 г. встреча вчерне была подготовлена. Накануне встречи одна из американских газет писала: «По словам американского эксперта Селига Гаррисона, США склонны поддерживать мусульманских фундаменталистов, группировки которых располагают наилучшим военным командованием, предоставляя в их распоряжение деньги и агентов. Но эти группировки не пользуются поддержкой местных народностей и не в состоянии развить достигнутые успехи, доведя дело до создания мятежниками освобожденных зон... США должны сделать все, что в их силах, чтобы стимулировать появление сплоченного руководства в лагере сопротивления»²⁹.

В намеченный срок, в июне 1986 г. делегация, состоявшая из лидеров одной фундаменталистской (ИОА) и трех традиционалистских (НФСА, НИФА, ДИРА) организаций во главе с Б. Раббани — очередным временным председателем ИСМА, вылетела из Исламабада в Вашингтон. Три других фундаменталистских лидера — Г. Хекматъяр, Ю. Халес и А. Сайяф остались в Исламабаде, несмотря на старания Вашингтона. Участие в визите Б. Раббани, руководителя второй по значению после ИПА фундаменталистской организации, в какой-то степени можно было бы рассматривать как политический успех США, если бы не дальнейшие события, значительно омрачившие этот успех. Во время встречи с президентом делегация выдвинула на обсуждение три основных вопроса: увеличение помощи оппозиции, в том числе предоставление ей современных видов оружия, прежде всего средств ПВО, официальное признание Соединенными Штатами ИСМА, требование, чтобы переговоры о выводе советских войск из Афганистана велись между «воюющими сторонами», т. е. между афганской оппозицией и Советским Союзом.

Вопрос об оружии не дискутировался: к тому времени партия зенитных установок «Стингер», предназначенных для оппозиции, уже находилась в Пакистане, военные постановки и финансовая помощь были увеличены. Официальное признание Соединенными Штатами афганской оппозиции не состоялось: по словам представителя Белого дома Л. Спикса, президент в ходе переговоров за-

явил, что такое признание в данный момент «было бы преждевременным»³⁰. Однако организованная Белым домом «утечка» информации через прессу несколько приподняла завесу над этой «преждевременностью». Оказалось, что президент проинформировал лидеров афганской оппозиции, что возможность ее признания остается открытой и поставлена в зависимость от того, удастся ли лидерам оппозиции создать орган, обладающий отличительными признаками правительства³¹.

К числу таких «отличительных признаков» относятся укрепление сотрудничества между двумя отрядами оппозиции, распространение контроля над большей частью территории Афганистана, создание «освобожденных районов», полностью контролируемых афганской оппозицией и способных противостоять правительственным и советским войскам. Один из сотрудников администрации привел слова президента о том, что афганской оппозиции следует добиваться, чтобы ее действия стали заметнее для международного сообщества, что для США было бы легче пойти на дипломатическое признание оппозиции, если бы оппозиционная коалиция не выступала бы в роли сателлита США, а приобрела более широкую поддержку, в том числе в ООН, в ОИК и в Движении неприсоединившихся стран. Что касается требования оппозиции об участии в переговорах с Советским Союзом о выводе его войск из Афганистана, то президент поддержал это требование, тем более что это ни к чему его не обязывало.

Таким образом визит делегации лидеров афганской оппозиции не оправдал надежды ни одной из сторон. Более того, он привел к фактическому прекращению деятельности вновь созданного в мае 1985 г. альянса ИСМА. «Лидеры афганской контрреволюции не способны преодолеть разногласия, возникшие после визита этим летом в Вашингтон некоторых из них, что привело к открытому расколу», — меланхолично заметила по этому поводу влиятельная «Вашингтон пост»³².

В чем же суть упомянутых разногласий, спровоцированных поездкой оппозиционных лидеров, в первую очередь фундаменталиста Б. Раббани, в Вашингтон. Сначала о непосредственной реакции лидеров оппозиции на поездку. Все три традиционалиста — С. Моджадди, С. А. Гилани и М. Наби Мухаммади были в составе делегации, их позиция ясна и пояснений не требует. Ю. Халес не поехал в Вашингтон, сославшись на ранее принятое приглашение в другую страну. Возможно, что это и так. Из-

вестно, что Ю. Халес и его ИПА, а также известный военачальник этой группы Абдул Хак связаны с английской разведкой (МИ-6) еще с 1980 г.^{2*} Но это значит что визит Б. Раббани в Вашингтон не мог вызвать протеста у Ю. Халеса, тем более что в ноябре 1987 г. он сам в качестве председателя ИСМА собирался в Вашингтон во главе другой делегации афганской оппозиции и намеревался встретиться с президентом.

Лидер ИСОА А. Сайяф, называющий себя соратником Г. Хекматяра, осудил не столько поездку Б. Раббани, сколько неправильное, с его точки зрения, поведение в этом вопросе американцев. «Это приглашение моджахедов было для нас опаснее, чем взрыв бомбы,— заявил помощник А. Сайяфа.— Разве американцы не знали, что это опасно? Почему они не поступают так, как Китай или Пакистан? Пакистан сделал для нас больше всех, в тысячу раз больше, чем американская администрация. Однако мы никогда не слышали, чтобы Зия-уль-Хак хоть что-нибудь сказал об этом. США позируют перед русскими, и нам это совсем не помогает»³⁴. Самую непримиримую позицию по отношению к поездке в Вашингтон занял Г. Хекматяр. Его высказывания на этот счет весьма любопытны. По существу, они представляют в чистом виде фундаменталистское политическое кредо, фундаменталистскую основу построения отношений со «сверхдержавами» — США и Советским Союзом. Поэтому позволим себе задержаться на рассуждениях Г. Хекматяра.

Прежде всего он сразу же разгадал планы вашигтонских политических стратегов, истинную причину приглашения Б. Раббани в США. «В период, когда я был спикером (обычно здесь используются термины «спикер» или «председатель».— В. С.) ИСМА, меня приглашали (в США.— В. С.), но я, несмотря на давление, отказался. Затем, когда спикером стал Гилани, американцы намеренно его не приглашали, рассчитывая сделать пригла-

^{2*} Контакты с ними установил тогдашний резидент МИ-6 в Исламабаде. С 1982 по 1985 г. контакт с Абдул Хаком поддерживал английский разведчик Питер Прис, являвшийся сотрудником Объединенного комитета МИ-6 по разведке — центрального органа, занимающегося разработкой политики. Впоследствии П. Прис был направлен на работу в секретариат кабинета министров. Его назначение на эту должность связывают с поставками английских зенитных ракет «Блоупайп» преимущественно организации Ю. Халеса. Сам Ю. Халес посещал Лондон. Его военачальник Абдул Хак лечился в Лондоне, в марте 1986 г. он был принят г-жой Тэтчер на Даунинг-стрит³³.

шение в тот период, когда спикером станет В. Раббани. И они это сделали, пригласили Б. Раббани, чтобы таким путем подтвердить, что с ними не только националисты (традиционалисты.— В. С.), но и фундаменталисты, что все афганское сопротивление с ними, они с самого начала вели дело именно к этому»³⁵.

На утверждение Б. Раббани и его спутников о том, что поездка в Вашингтон и встреча с Рейганом находятся в соответствии с Кораном и не являются свидетельством дружеских отношений с США, что это обычный политический контакт из числа тех, которые во все исторические эпохи существовали между мусульманами и неверными, Г. Хекматяр «разъяснял»: аяты Корана, на которые ссылается Б. Раббани, не применимы к отношениям с США. Коран разрешает мусульманам иметь дружеские отношения только с теми людьми, которые не хотят воевать, не желают принимать чью-либо сторону в войне между исламом и неверными. В отношении таких людей, которые хотят остаться в стороне от войны, в безопасности, Аллах повелел соблюдать справедливость, покровительствовать им. «Посмотрим теперь,— говорит Г. Хекматяр,— в чьих руках находится Америка, кто оккупировал Палестину, кто изгнал палестинских мусульман, кто развязал войну против палестинцев, кто спровоцировал события в Ливане, кто угнетает мусульман Филиппин? Кто убивает мусульман в странах, которые зависимы от Америки? Я не знаю, как они (Б. Раббани и другие.— В. С.) осмеливаются выдавать Америку за того, кто якобы не воевал против мусульман, не изгонял их, и таким путем со ссылкой на аяты Корана пытаются доказать, что ислам разрешает иметь с ними дружественные отношения. Я спрашиваю этих друзей, вы, видимо, обыскали весь Коран, чтобы найти этот подходящий аят, но что вы скажете о тех аятах, которые повелевают: «Эй, уверовавшие, своих отцов, своих братьев, если они предпочитают неверие, не берите в качестве своих руководителей и друзей, а если кто-либо из вас сделает это, то он — угнетатель»; или: «Не склоняйтесь к тем, кто угнетатель, не опирайтесь на них, вас охватит огонь. Кроме Бога не ищите себе правителей... Эта поездка, — продолжал Г. Хекматяр,— была большой ошибкой, послужившей только на пользу американцам. Эта поездка нанесла вред исламскому характеру джихада, ставит под вопрос его исламский характер... В ходе этой поездки все победы и приобретения ислама перешли в актив Америки. Те

успехи сопротивления, которые в прошлом относили па счет ислама, теперь будут относить на счет Америки, будто американская помощь и какие-то неизвестные американцы подняли сопротивление до столь высокого уровня. С этой точки зрения эта поездка очень вредна и опасна».

Небезынтересна реакция на поездку в США в мусульманских странах, о которой говорит Г. Хекматъяр. Она, по его словам, «вызвала в исламских странах чувство подозрения по отношению к сопротивлению, и понадобится большая работа, чтобы эти подозрения рассеять и доказать, что наше сопротивление независимо... Поездка имела негативные последствия для отношений с исламскими странами. Было бы лучше, если бы они сослались на политический анализ и не прибегали к религии. Тогда они не оказались бы в столь трудном положении и не было никакой необходимости пытаться найти шариатские доводы в пользу своей поездки... Лучше бы они сказали — это было продиктовано политикой, и что они были вынуждены поехать, так как нуждаемся в оружии, или нечто в этом роде»³⁶.

Иран реагировал на поездку лидеров афганской оппозиции в США крайне отрицательно и болезненно. Руководство ИРИ выступило с резкими нападками прежде всего на Б. Раббани, прикрытые исламской фундаменталистской риторикой. Оно не скрывало своих опасений оказаться в стороне от афганских событий. Нападки были нацелены на срыв любых попыток политического решения афганской проблемы. ИРИ признавало только продолжение вооруженной борьбы. Нападки на Б. Раббани были поддержаны лидерами афганских оппозиционных групп с центрами в Иране. Помимо обвинений в отходе от принципа «ни Запад, ни Восток», в адрес Б. Раббани были высказаны и другие, зачастую весьма любопытные упреки. «Встреча моджахедов с Рейганом,— по заявлению иранского официоза,— имела одну уродливую и отвратительную сторону: на церемонии встречи присутствовали около 450 никарагуанских контрабандистов. Контрреволюционеры и враги сандинистского правительства, в своем большинстве гвардейцы бывшего диктатора Сомосы, ведут подрывную войну против законного правительства Никарагуа под покровительством ЦРУ, с его финансовой и военной помощью. Совместное присутствие с ними моджахедов — это, конечно, рубец, шрам на облике афганского джихада. Но самый явный удар — это обнародова-

ние того факта, что 80% всего бюджета ЦРУ на тайные операции тратятся внутри движения афганского сопротивления. Мусульманам всего мира, особенно афганским борцам, было неприятно видеть, как представители мусульман Афганистана пожимают руку Рейгану, этому заклятому врагу мусульманского мира, как они склоняли перед ним свои головы. Мусульманам было также обидно слышать, когда Рейган, обращаясь к афганцам, говорил: «Ваша цель — наша цель. Наша цель — свобода Афганистана, мы не позволим, чтобы вы оказались побежденными». На самое большое оскорбление, нанесенное этим визитом джихаду Афганистана,— это подтверждение заявлений Москвы, которая годами утверждала, будто афганское движение сопротивления является американским детищем... Если руководство моджахедов дорожилось до того, что само поехало в Белый дом, то это крупнейшая ошибка современности и удар по основам афганского мусульманского движения»³⁷.

Политические цели США в Афганистане и средства их достижений, пожалуй, четче обозначились после того, как в начале января 1987 г. руководство Афганистана объявило о программе национального примирения и об одностороннем прекращении огня правительственными войсками с 15 января 1987 г. Решение Кабула было превратно истолковано как слабость правительства. Позиция США еще более ужесточилась. Особенно агрессивны и бескомпромиссны стали позиции ультраправых сил США. Свообразной программой этих сил в отношении Афганистана явился доклад влиятельной ультраправой организации «Херитидж фаундейшн»³⁸. Последняя является неправительственной организацией, но, как показывает опыт последних лет, именно взгляды организаций такого толка, как «Херитидж фаундейшн» зачастую ложатся в основу внешнеполитического курса США. Один из основных пунктов доклада гласит, что США должны «повысить дипломатические и политические издержки Москвы в этой войне» (в Афганистане.— В. С.). Совсем уж вызывающе звучит рекомендация, согласно которой любая коалиция сил сопротивления должна быть достаточно могущественной, чтобы расправиться с афганскими коммунистами после того, как Советы уйдут.

низацией РААД; Партия Аллаха, создана в 1980 г. по образу и подобию иранской Партии Аллаха; Организация стражей исламского джихада Афганистана. Создана КСИРом в 1983 г.

Между поименованными организациями все еще существовали сильные противоречия. Особенно они проявлялись на территории Афганистана и прежде всего в его западных районах и в Хазараджате, где действуют вооруженные группы этих организаций. Соперничество из-за контроля над населенными пунктами и отдельными районами, из-за дележа захваченного и награбленного имущества приводило к вооруженным столкновениям между отрядами различных организаций, к сведению счетов между ними. В начале 1985 г. на встрече аятоллы Монтазери с руководителями основных афганских организаций перед ними было выдвинуто ультимативное требование: или объединяйтесь и подписывайте соглашение — клятву о «прекращении огня», или закрывайте свои «конторы» в Иране и прекращайте здесь свою деятельность⁸. Афганские оппозиционные организации были вынуждены пойти еще на одно объединение: в марте 1985 г. было подписано соглашение о «прекращении огня» и создан альянс Объединенные исламские организации Афганистана, в который вошли 8 организаций.

В мае 1985 г. альянс выступил с заявлением о своей решимости продолжать борьбу за «освобождение» Афганистана, объявив себя «частью мирового движения исламской революции». Заявление завершалось уже цитировавшимся выше лозунгом: «Да здравствует всемирная исламская революция под руководством имама Хомейни!»⁹. Афганский в кавычках журнал «Хабльулла», комментируя этот акт, писал: «Если на практике исламские группы будут действовать честно и в соответствии с наставлениями и указаниями аятоллы Монтазери, то вскоре в освобожденных районах Афганистана утвердятся атмосфера безопасности и спокойствия. Но если избранная этими организациями позиция объясняется только их стремлением остаться на территории Ирана (а это просматривается в некоторых из их заявлений), то они не достигнут своей цели»⁸.

Летом 1985 г. из Ирана в Афганистан тайно перешли границу 160 афганских теологов Кумского теологического центра во главе с афганским ходжат-аль-эсламом Гулам Хосейном Арефи. До конца года, точнее до начала декабря все они-нелегально находились в Афганистане в отря-

дах оппозиции, склоняя их к объединению. По возвращении в Тегеран Арефи заявил: «Наставления великого аятоллы Монтазери, которые привели к подписанию заявления о единстве между исламскими группами Афганистана, сыграли бесценную роль для сражающихся афганских групп»⁹. В следующем, 1986 г. нелегальный переход в Афганистан совершила еще одна группа — на этот раз представителей афганских оппозиционных групп: Организации НАСР, Стражей исламского джихада, Исламского движения Афганистана, Объединенного фронта исламской революции и Исламской силы. Цель была прежней — устранение противоречий и достижение единства действий вооруженных групп оппозиции на территории Афганистана. Когда «делегация» доложила результаты о своем пребывании в Афганистане аятолле Монтазери, он, отметив положительные результаты ее деятельности, рекомендовал улемам и богословам чаще, при каждом удобном случае переходить в Афганистан, чтобы поднимать народ на борьбу»¹⁰.

Если не вдаваться в подробности практической деятельности проиранской афганской оппозиции на территории Афганистана, которая по своему характеру во многом схожа с деятельностью суннитских оппозиционных организаций с центрами в Пакистане, то можно определить некоторые ее особенности. К их числу относятся:

1. Афганские исламские оппозиционные группы и организации с центрами в Иране по своему национальному составу — непугунские, их члены — в основном хазарейцы и туркмены, т. е. представители национальных меньшинств Афганистана.

2. С точки зрения принадлежности к тому или иному течению в исламе организации шиитские. Известна лишь одна небольшая группа афганцев-суннитов, отколовшаяся от пешаварского «альянса семи» и укrywшаяся в Иране (Общество улемов Афганистана под руководством моулави Мохиэддина Хаддама)¹¹.

3. Шиитская оппозиция не имеет собственных политических и идеологических взглядов, придерживается на вязанными ей иранским руководством политическими установками. По существу, этот отряд оппозиции служит военно-политическим орудием для воплощения в жизнь идеи о «всемирной исламской революции».

Отмеченные особенности афганской проиранской оппозиции ограничивают ее потенциальные возможности в борьбе за власть в Афганистане рамками национального

и религиозного меньшинства, которое не может претендовать на власть в масштабах всей страны. Поэтому иранское политическое руководство, сохраняя афганскую шиитскую оппозицию в качестве военно-политического резерва, постоянно держит в поле своего внимания основной, суннитский отряд афганской оппозиции — Исламский союз моджахедов Афганистана (ИСМА) с центрами в Пакистане.

Что можно сказать об отношениях между иранским политическим руководством и пешаварским «альянсом семи»? Как отмечалось ранее, иранское руководство не может игнорировать этот основной отряд афганской вооруженной оппозиции. Подмяв под себя послушные афганские шиитские группы, иранское руководство не может не установить союзные или, по крайней мере, «дипломатические» отношения с оппозицией, которая претендует на власть в Афганистане в масштабах всей страны. В свою очередь, оппозиция с центрами в Пакистане не могла игнорировать Иран — первое исламское фундаменталистское, пусть и шиитское, государство. В силу ряда причин она была заинтересована в установлении с Ираном союзнических отношений. Сразу оговоримся: иранское руководство, признавая фундаменталистский отряд суннитской оппозиции в качестве «истинной» исламской силы, начисто отказывает в своем признании афганским традиционалистам, феодально-монархической оппозиции. Иранское политическое руководство по этому поводу заявляет: «...Поскольку за 40 лет правления Захир Шаха афганские шииты были самым обездоленным и угнетенным слоем общества, поскольку именно они более других ощущали на себе гнет королевского режима, примирение шиитов Афганистана с режимом Захир Шаха абсолютно невозможно»^{*2}.

Если быть точным, то отношения существуют не между всем «альянсом семи» в Пешаваре и Ираном, а между ИРИ и фундаменталистской частью альянса. Отношения эти непростые, в их истории были периоды и тесного сотрудничества, и взаимных нападков, они иногда свертывались до минимума, а продолжают существовать, поскольку обе стороны хотят извлечь из них определенные политические дивиденды для себя.

Поддерживая связи и оказывая некоторую помощь афганским фундаменталистам-суннитам, в Тегеране рассчитывают, что в случае победы афганской суннитской оппозиции к власти в Афганистане придут именно фун-

даменталистские организации во главе с Г. Хекматьером и Б. Раббани. Считаясь с такой возможностью, по в то же время стремясь реализовать потенциал проиранской шиитской оппозиции, руководители Ирана возлагают надежды на то, что им удастся в будущем закрепить свое влияние в шиитских районах Афганистана, таких, как Хазарджат, Герат, в некоторой степени Балх. Высказывались мнения и в пользу создания в Афганистане в будущем так называемого Союза федеративных суннитской и шиитской исламских республик.

Лидеры афганских фундаменталистов также заинтересованы в поддержании отношений с руководством ИРИ. Причин здесь несколько. Во-первых, Иран — единственная мусульманская страна, в которой осуществлена, как они считают, исламская революция и которая провозгласила в качестве основы своего внешнеполитического курса лозунг «Ни Запад, ни Восток», а его руководство — единственное пришедшее к власти фундаменталистское руководство, хотя и принадлежащее к шиитскому течению в исламе. С точки зрения «чистоты» исламских принципов взгляды иранского руководства, хотя и с определенными оговорками, в какой-то степени близки афганским фундаменталистам. Во-вторых, в Иране сосредоточена вторая по численности афганская колония эмигрантов и беженцев и потому фундаменталисты не могут игнорировать эту, пусть шиитскую, но все же часть населения Афганистана. Используя возможность ведения в Иране пропагандистской деятельности, они пытаются оказать на афганских шиитов в Иране выгодное для себя влияние. В-третьих, в Тегеране, Мешхеде и других городах Ирана действуют официальные представительства ИПА и ИОА, печатается литература, пресса, листовки для последующего распространения в Афганистане.

Мы уже отмечали, что в отношениях между тегеранским руководством и афганской суннитской фундаменталистской оппозицией были взлеты и падения. Одно из резких обострений отношений между иранцами и Б. Раббани было вызвано визитом последнего в США в 1986 г., его встречей с американским президентом. Б. Раббани подвергли резкой критике, его обвинили в предательстве лозунга «Ни Запад, ни Восток». Со ссылкой на Коран, в котором сказано: «И не опирайтесь на тех, которые несправедливы, чтобы вас не коснулся огонь. И нет у вас, кроме Аллаха, помощников, и потом не будете вы защищены» (К., 11 : 115). Лидера ИОА обвиняли в том, что он «укрылся от гнета Востока в деснице Запада». Оправды-

вая свою позицию, Б. Раббани, сам признанный знаток Корана, сослался на другие положения Корана, которые разрешают исламскому государству и его правительству поддерживать связи с внешним миром. Когда же ему было язвительно замечено, что его организация — это еще не исламское правительство, он заявил, что афганские моджахеды, контролирующие 90% территории Афганистана, считают себя его правительством¹³.

Позиция Г. Хекматъяра по отношению к иранскому руководству также не отличается стабильностью. Он ведет себя достаточно независимо, сохраняя достоинство и самостоятельность, что вызывает болезненную реакцию у иранцев, полагающих, что иранская революция и тот государственный строй, который утвердился в Иране, должны быть образцом для всех мусульманских стран и уж, конечно, для Афганистана. Обращает на себя внимание тот факт, что Г. Хекматъяр ни в одном из своих выступлений, даже во время поездок в Тегеран, ни прямо, ни косвенно не ссылаясь на Хомейни, хотя и отдавал должное иранской революции.

В одном из выступлений в Пешаваре в 1983 г. Г. Хекматъяр заявляет: «Мы обращаем внимание на то, что когда мы защищаем исламскую революцию Ирана, многие не могут этого понять. Но мы считаем эту революцию исламской, мы считаем защиту этой революции делом каждого мусульманина... Эта поддержка ни в коей мере не связана с отношением Ирана к нашей революции... Если бы даже правоверный народ Ирана не оказывал нам никакой помощи, если бы даже он не принял у себя наших беженцев, то и тогда мы молились бы за исламскую революцию в Иране... При этом мы думаем прежде всего об исламе»¹⁴.

Годом позже в интервью газете своей же партии «Рах-и хак», издававшейся в Иране, он по прибытии в Тегеран, куда его пригласили для участия в праздновании 5-й годовщины иранской революции, заявил, что среди иранцев раздаются возмущенные голоса, будто некоторые из афганских беженцев — это бродяги и разбойники и что по отношению к ним нужен революционный подход (в современном Иране понятие «революционный подход» означает самые суровые наказания вплоть до смертной казни.— В. С.). «Мы попросили ответственных лиц, чтобы они обратили внимание на подобные высказывания»¹⁵.

Можно привести еще одно высказывание лидера ИПА

6 интервью западногерманской газете «Вельт» в 1987 г. Отвечая на вопрос об отношении к Ирану, он заявил, что когда иранская революция только начиналась, афганская оппозиция уже записала в свой архив первые успехи. «Это наша революция оказала влияние на иранскую, а не наоборот... С режимом Хомейни мы не имеем единения ни в области идеологии, ни в вопросе о форме правления. Правда, у нас с Ираном один общий символ — это ислам. Но в иранской государственной системе существует имам как религиозный лидер и есть политический руководитель — президент. Иран испытывает столь многочисленные трудности именно потому, что он имеет и имама, и главу государства. Мой же идеал таков: религиозный лидер должен быть одновременно политическим руководителем. Вся власть в государстве должна быть сконцентрирована в руках одного человека, тогда не будет конфликтов между различными лидерами»¹⁶. Процитированное заявление Г. Хекматъяра прямо говорит о том, что надежды иранского руководства на какое-то особое влияние в будущем Афганистане в случае прихода там к власти афганских суннитских фундаменталистов иллюзорны, что последние намерены следовать своим путем и не собираются делить власть с кем бы то ни было. Из анализа характера афганской оппозиции в Иране можно сделать следующие выводы. 1. Иранское руководство рассматривает Афганистан как объект распространения исламской революции. Опираясь на афганскую шиитскую оппозицию, оно хотело бы создать в Афганистане исламский режим, при котором афганские шииты имели автономию или федерацию, ориентированные на «культурные» связи с Ираном. 2. Тегеранские власти и лидеры афганских фундаменталистских организаций с центрами в Пакистане поддерживают между собой политические и иные связи, однако последние носят конъюнктурный характер и не отличаются стабильностью. 3. Афганские фундаменталисты из ИСМА стремятся не допустить установление контроля Ирана над афганским оппозиционным движением. Можно предположить, что фундаменталисты в случае прихода к власти проводили бы по отношению к Ирану сдержанную политику, не допуская усиления иранского влияния в стране. 4. Афганские оппозиционные традиционалистские организации не могут рассчитывать на поддержку Ирана. В свою очередь, они не рассматривают Иран как модель государственного устройства и не ищут в Иране союзника в борьбе за власть в Афганистане.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ
АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ И ЕГО
ПРОТИВНИКИ**

**Подход афганской исламской оппозиции к
проблеме политического урегулирования**

Непрямые переговоры между Афганистаном и Пакистаном при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса о политическом урегулировании вокруг Афганистана, начавшиеся в Женеве в 1982 г., заставили афганскую исламскую контрреволюцию выработать свой подход, свое отношение как к самим переговорам, так и к вопросу о возможности политического урегулирования в целом. Сформулированные в тот период двумя основными отрядами афганской исламской вооруженной оппозиции — фундаменталистами и традиционалистами позиции по отношению к политическому урегулированию отражали не только их взгляды на сам процесс урегулирования, но и конечные политические цели их борьбы против национально-демократической власти, а также стратегию этой борьбы.

Концепции фундаменталистов по вопросу о политическом урегулировании были изложены лидером Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматьером в его работе «Политическое решение проблемы Афганистана» и руководителем Исламского общества Афганистана Б. Раббани в его труде «Путь решения проблемы Афганистана», вышедших в свет почти одновременно в 1983 г., а также в их выступлениях на различных семинарах, митингах, в их статьях и интервью.

В упомянутой работе Г. Хекматьер полемизирует с теми, кто считает, что ислам как религия выступает в защиту мира и против войны, и с теми, кто приводит в подтверждение этого тезиса следующий аят из Корана: «И если они склонились к миру, ты тоже склонись к нему и уповай на Бога», а также ссылаются на факт заключения в Худейбия пророком Мухаммадом, мирного договора на условиях противника как на подтверждение того, что политические и военные компромиссы дозволены и поощря-

ются исламом. Лидер ИПА по этому поводу писал, что в священном Коране в двух различных сурах, одна из которых относится к первому периоду пребывания (пророка.— *В. С.*) в Медине, а вторая — к последнему периоду жизни пророка, имеются два аята о мире, которые по своему смыслу полностью противоречат один другому. Один из аятов категорически отвергает призыв к миру, а другой — повелевает, в случае если противник проявляет готовность к миру, идти на достижение и заключение мира. Эти два указания относятся к двум различным этапам движения (имеется в виду движение мусульман во главе с Мухаммадом в 610—632 гг.— *В. С.*), и те, кто рассматривает этот вопрос формально, а не в увязке с конкретной ситуацией, большей частью впадают в ошибку.

Далее он разъясняет, что первое указание, запрещающее идти на мир с противником, относилось к периоду слабости движения, когда противник превосходил движение в военном и политическом отношениях. Идти на мир с врагом в такой ситуации — это означало принять условия врага, пожертвовать движением. На этом этапе нельзя не только идти на мир, но и позволить, чтобы в ряды движения проникло чувство признания превосходства противника. В тот период слабости движения, писал Г. Хекматьер, оно находилось в одиночестве, но с ним был Аллах, который через своего посланца Мухаммада учил участников движения, что изоляция и одиночество не должны послужить причиной сделки с противником. Для большей убедительности он ссылаясь на священное писание мусульман. «Великий Коран повелевает,— писал далее Г. Хекматьер,— что на этапе, когда движение еще не упрочилось, когда оно еще не в состоянии противостоять врагу в политическом и военном отношениях, следует решительно противиться лести, сделкам, чувству униженности и бессилия. Коран повелевает: «Не будьте слабыми и подавленными, если вы уверовали, то вы превосходите их».

Соглашение с противником, делал вывод Г. Хекматьер, в период, когда движение слабее противника, приведет к вырождению движения, изменению его сущности, к утрате им независимости, к его поражению. Продолжая свои рассуждения, он напомнил, что вопрос о возможности мира с врагом стал рассматриваться только, когда все попытки врага уничтожить движение оказались безрезультатными, когда город Медина, жители которого приняли пророка и его сподвижников, а некоторые обратили-

лись в мусульманскую веру, превратился в независимую политическую силу, когда движение из оборонительного превратилось в наступательное и противник был вынужден сам искать мира. Вот к этому этапу и относится повеление Корана: «И если они склонились к миру, ты тоже склонись к нему и уповай на Бога».

Переходя к современной действительности, Г. Хекматъяр утверждал, что на том этапе борьбы, на котором сейчас находится движение, когда противник своими дивизиями наносит удары по исламскому движению, ислам не разрешает мир и сделку с врагом. На этом этапе правоверные моджахеды должны руководствоваться следующим указанием Корана: «Когда вы слабы, не зовите к миру... Бог на вашей стороне, и да не пропадут ваши усилия!». Нельзя думать о мире с врагом и надеяться на политическое решение. Оно будет в пользу русских... Это будет обман, нас отвлекут от джихада, используют переговоры для того, чтобы ослабить наши усилия, наши позиции»*.

Таково теоретическое обоснование отрицательного отношения этого непримиримого фундаменталиста к политическому урегулированию на этапе, когда исламская вооруженная оппозиция не набрала, по его мнению, еще достаточной силы и не способна перейти в наступление.

Об этом же он говорил и в 1984 г. Касаясь афгано-пакистанских переговоров в Женеве, Г. Хекматъяр тогда высказался следующим образом: «Мы не верим в такого рода решение проблемы. Мы ищем пути решения афганского кризиса в победе нашей революции в рамках джихада и при условии продолжения сопротивления. Мы также не верим, что русские войска уйдут из Афганистана в результате переговоров под эгидой ООН. Мы убеждены, что русские провозглашают возможность политического решения для обмана и успокоения мировой общественности... Если джихад будет продолжен в той форме, как он происходит сегодня, то победа революции очень близка, близок также уход русских из Афганистана... Чем дольше длится война, тем больший опыт приобретают моджахеды, их вера крепнет, растет их уверенность в победе, да и средства ведения войны совершенствуются. Продолжение войны — на пользу нашему джихаду и революции»¹.

Подход второго фундаменталистского лидера Б. Раббани к политическому урегулированию, изложенный в названной выше его работе, содержит ряд положений,

несколько отличающихся от позиции Г. Хекматъяра. (Ним относятся следующие (дается в близком к тексту изложении):

никакой ценой нельзя оплатить жертвы в борьбе за исламское государство. Никакой нажим, откуда бы он ни исходил, не свернет оппозицию с курса борьбы за это государство. Мусульманский народ будет вести борьбу за справедливый исламский строй до конца, поэтому политическое урегулирование не имеет никакого смысла и значения. Советские войска должны быть выведены из Афганистана полностью и безоговорочно. Вопрос о выводе советских войск — это единственный вопрос, по которому исламская оппозиция готова вести переговоры с русскими и то только в контексте графика их вывода; при любых условиях нынешнее руководство ДРА должно уйти. Нельзя допустить, чтобы под видом политического урегулирования Афганистану было навязано какое-либо правительство. Вопрос о будущем мусульманском правительстве, его составе и программе будет обсужден после ухода русских войск только между моджахедами и при возможных консультациях с нашими друзьями в мусульманском мире.

Джихад будет продолжаться до полного вывода советских войск с территории Афганистана. Нельзя допустить, чтобы исламская революция, подобно палестинской, была обманута послами политического урегулирования. Нужно до полной победы революции «держать окопы горячими», не дать им «остыть». Нельзя допустить, чтобы нашу проблему превратили в «неодушевленный» политический вопрос. Оружие не будет сложено до тех пор, пока не будет создано справедливое мусульманское государство. Нельзя допустить, чтобы политика заменила войну. Следует помнить, что как только ООП, поддавшись обману, ограничила свою борьбу постановкой политических целей, как только палестинцы покинули свои окопы, их революция стала терпеть поражение.

Нельзя допустить, чтобы после ухода русских из Афганистана между нами началась братоубийственная война. Следует готовить правительство, программу его деятельности. Надо сделать так, чтобы наши друзья в исламском мире не опасались, что после ухода русских в Афганистане начнется гражданская война между моджахедами, тем более что такая война дала бы повод русским к новому вмешательству под предлогом обеспечения безопасности своих южных границ¹.

Афганские традиционалисты в 1983 г. также сформулировали свою позицию по вопросу о политическом урегулировании, которая значительно отличается от позиции фундаменталистов. Основные ее положения нашли свое отражение в «декларации» Исламского союза моджахедов Афганистана «по поводу посещения региона г-ном Кордовесом»⁴.

«Мы,— говорится в декларации,— поддерживаем политическое урегулирование афганской проблемы в международном контексте на основе резолюций Организации Исламской конференции, Движения неприсоединения и ООН. Мы уже заявили о своей позиции в этом вопросе в июне 1982 г. Сейчас мы снова подтверждаем, что продолжающиеся усилия ООН не принесут какого-либо результата в решении афганской проблемы, если они не будут опираться на эти резолюции.

1. Мы твердо намерены продолжать наш джихад... до окончательной победы и до момента, когда будут полностью восстановлены нижеследующие права нации моджахедов: полный и безоговорочный вывод советских войск из Афганистана; полное восстановление исламского национального суверенитета и территориальной целостности Афганистана; восстановление исламского характера Афганистана; восстановление прав афганского народа определять свою собственную форму правления, свою экономическую, политическую и социальную систему, свободную от любого внешнего вмешательства.

2. Нынешний режим в Кабуле является марионеточным и навязанным извне, поэтому его участие в любых переговорах исключается.

3. Любое решение афганской проблемы без участия представителей нашего народа-моджахеда будет неприемлемым и бессмысленным».

Если отбросить антисоветскую и исламскую риторику, то можно увидеть, что подходы фундаменталистов и традиционалистов в вопросе о политическом урегулировании, как уже сказано, значительно отличаются друг от друга. Как видно из процитированных документов, фундаменталисты занимали более непримиримую позицию. Их установки настолько ультимативны, что создается впечатление об их нарочитой жесткости, призванной сделать эти установки вообще неприемлемыми. Но существу, это неприкрытое требование капитуляции со стороны РА и Советского Союза. Фундаменталисты не настолько наивны, чтобы не понимать нереальности и неприемлемости своих

ИЗ

требований. Напрашивается вывод — и это подтверждается всей политической практикой фундаменталистов,— что они вообще не хотят политического решения.

Действительность подтвердила этот вывод: после предложения со стороны правительства в Кабуле политики национального примирения и последовавшего вслед за этим предложения всем оппозиционным силам принять участие в руководстве страной именно фундаменталисты первыми отвергли эти предложения, заявив о своем намерении продолжать вооруженную борьбу. В своих заявлениях они еще раз подтвердили свою основную политическую цель — создание подлинного исламского государства. Но каким должно быть это государство — исламской республикой, халифатом или еще чем-либо,— ни в одном из программных документов не уточняется. Этот вопрос, видимо, фундаменталистами еще до конца не разработан, поэтому, как говорит Б. Раббани, они намерены обсудить его «между моджахедами», а также с «друзьями в исламском мире». Друзья фундаменталистов в исламском мире — это прежде всего арабские «Братья-мусульмане», «Джамаати-ислами» Пакистана, хомейнистское руководство Ирана. Каждый из этих «друзей» по-своему видит будущее Афганистана.

Что касается намерения обсудить вопрос о будущем исламском правительстве «между моджахедами», то это лишний раз свидетельствует, что между различными отрядами афганской исламской вооруженной оппозиции нет единого мнения о форме будущего исламского государства в Афганистане. Более того, вопрос о том, каким быть будущему афганскому государству, является предметом ожесточенных схваток в стане оппозиции. Именно с этим вопросом связаны опасения Б. Раббани, что после «ухода русских» между различными отрядами вооруженной оппозиции может начаться «братоубийственная война». Такая война страшит фундаменталистов не только из-за неясности ее исхода, но и потому, что они представили бы в ней перед своими соотечественниками, исламским миром и мировой общественностью в совершенно другом качестве. Сейчас они выдают себя за «борцов за веру», «борцов за свободу». В случае же возникновения между различными отрядами оппозиции широкомасштабной вооруженной борьбы за власть в стране они утратили бы этот искусственно созданный их пропагандой (как и западной) ореол и превратились бы в обычных претендентов на захват власти, в участников войны, которую уже

не назовешь джихадом. Ни фундаменталисты, ни их зарубежные покровители не хотели бы такого исхода и опасаются его.

В этой связи обращают на себя внимание и теоретические изыскания лидера ИПА о возможности мира только с позиции силы. Не исключено, что рассуждая о том, на каком этапе возможен мир с противником, а на каком — недопустим, Г. Хекматъяр имеет в виду в качестве противника не только существующий режим, но и своих соперников в рядах оппозиции. В этом случае, по его схеме, фундаменталисты должны добиваться превосходства над своими соперниками по борьбе за власть, чтобы впоследствии быть в состоянии диктовать им свои условия.

Что касается мнения В. Раббани о причинах последних поражений ООП, то это мнение очень походит на точку зрения иранцев и, возможно, заимствовано у них.

Позиция афганских традиционалистов по вопросу возможности политического урегулирования не столь категорична и непримирима и оставляет ее авторам место для политических маневров. Так, в заявлениях по политическому урегулированию исламское государство, как его понимают фундаменталисты, не фигурирует. Традиционалисты ведут речь только о процессе «восстановления»: о восстановлении исламского характера Афганистана, его суверенитета и т. д. Можно предположить, что традиционалисты даже где-то заинтересованы в политическом урегулировании при условии хотя бы частичной реставрации прежних додаудовских порядков. При этом в их интересах, чтобы такое политическое урегулирование состоялось как можно скорее, пока в стране не разрушены окончательно традиционные основы их влияния, а также пока фундаменталисты окончательно не превратились в ведущую оппозиционную силу, способную претендовать на всю полноту политической власти в стране.

Может возникнуть вопрос: почему же традиционалисты цепляются за членство в «альянсе семи», почему бы им не сделать самостоятельного шага и не включиться в процесс национального примирения, разделив политическую власть в Афганистане с нынешним режимом? Думается, что одна из причин этого заключается в существовании рядом с ними более целеустремленного, связанного жесткой дисциплиной, успешно использующего исламские лозунги фундаменталистского движения. Представим себе, что фундаменталистского движения не существует, что национально-демократическому строю проти-

востоят только традиционалисты. С большей степенью достоверности можно предположить, что в таком случае традиционалисты пошли бы на участие в процессе национального примирения, тем более что нынешнее руководство РА готово предоставить и предоставляет пуштунским племенам возможность сохранить свой традиционный образ жизни, а лидерам традиционалистов — места в правительстве республики.

Как уже говорилось, изложенные выше взгляды двух основных отрядов исламской оппозиции по отношению к политическому урегулированию были сформулированы в 1983 г., таковыми в своей основе они остались и по сей день.

Политика национального примирения. Борьба за заключение женеvских соглашений по Афганистану (1986—1988 гг.)

1986—1988 гг. можно по праву назвать поворотными для внешнего и внутреннего урегулирования афганской проблемы. В этот период Советский Союз выступил с новыми внешнеполитическими инициативами, которые значительно изменили общую атмосферу международной обстановки. В духе нового политического мышления в вопросах международной политики были высказаны реальные предложения о разблокировании региональных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Африке, Юго-Восточной Азии, Центральной Америке. Одним из таких региональных конфликтов являлся афганский.

Политическая линия КПСС в отношении афганской проблемы была сформулирована в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1986 г.: «СССР поддерживает усилия этой страны (Афганистана.— В- С.), направленные на защиту своего суверенитета. Мы хотели бы уже в самом близком будущем вернуть на родину советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства. Согласованы с афганской стороной и сроки поэтапного их вывода, как только будет достигнуто политическое урегулирование, которое обеспечит реальное прекращение и надежно гарантирует возобновление вооруженного вмешательства извне во внут-

Ирские дела
Демократической Республики Афганистан»⁵.

Со своей стороны афганское руководство проявило новый подход к ликвидации конфликта, провозгласив курс на национальное примирение, прекращение кровопролития и установление мира на территории всей страны. Афганская исламская оппозиция, в свою очередь, была вынуждена реагировать на мирные инициативы Советского Союза и ДРА и выработать свои политические установки применительно к новой ситуации.

Таким образом, с 1986 г. вокруг политического урегулирования афганской проблемы стала складываться качественно новая ситуация. Для того чтобы более отчетливо представить себе характерные особенности этой ситуации, остановимся на некоторых основных вехах ее развития.

В июле 1986 г. в своем выступлении во Владивостоке М. С. Горбачев объявил о решении советского руководства до конца 1986 г. вывести из Афганистана шесть полков советских войск. «Идя на столь серьезный шаг,— сказал М. С. Горбачев, ...Советский Союз стремится ускорить политическое урегулирование, дать ему еще один импульс. Он исходит также из того, что те, кто организует и осуществляет вооруженную интервенцию против ДРА, правильно поймут и должным образом оценят этот наш шаг. Ответом на него должно быть свертывание вмешательства извне в дела демократического Афганистана»⁶.

В обращении к соотечественникам 29 июля 1986 г. генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб, отметив, что согласованное с афганским правительством решение Советского Союза о возвращении на родину некоторых находящихся в ДРА советских воинских частей и подразделений является еще одним свидетельством искреннего стремления ДРА и СССР к скорейшему урегулированию ситуации, сложившейся вокруг Афганистана, заявил, что партия и государство будут еще настойчивее проводить линию на национальное примирение, на расширение социальной базы апрельской национально-демократической революции вплоть до создания правительства с участием в нем политических сил, которые оказались за пределами страны, но которые готовы искренне участвовать в общенациональном процессе строительства нового Афганистана⁷.

Противники демократического Афганистана не смогли ни правильно понять, ни должным образом оценить миролюбивые шаги и сходу отвергли их.

Г. Хекматъяр в Связи с Заявлением советского руководителя утверждал: «Это пропагандистское заявление. Выводимые полки составят 3,5% всех имеющихся в Афганистане советских войск, причем эти полки не являются эффективными при ведении боевых действий»⁸.

Пытаясь дискредитировать конструктивный шаг Советского Союза, министр обороны США без всяких на то оснований заявил, что вывод шести советских полков из ДРА «не имеет никакого значения», поскольку несколько недель тому назад Советский Союз якобы направил в Афганистан дополнительно несколько полков⁸.

Следующая важная веха на пути процесса разблокирования афганского регионального конфликта — это визит Наджиба в Советский Союз и его переговоры с М. С. Горбачевым 11—12 декабря 1986 г. В ходе переговоров «стороны пришли к убеждению, что в настоящее время имеются реальные пути быстрой и кардинальной нормализации обстановки вокруг Афганистана, что создало бы условия для возвращения на родину ограниченного контингента советских войск...»¹⁰.

В канун нового, 1987 г. в Кабуле состоялся чрезвычайный расширенный пленум ЦК НДПА, на котором Наджиб изложил принцип национального примирения: это прекращение огня; отказ от вооруженной борьбы и кровопролития при решении вопросов настоящего и будущего Афганистана; обеспечение справедливого представительства всего народа в политической структуре и экономической жизни; отказ от преследования за прежнюю политическую деятельность, всеобщая амнистия; сохранение и приумножение исторических и культурных традиций; уважение священной исламской религии.

Каковы же цели примирения? Главнейшая — мир и безопасность; дальнейшее развитие завоеваний революции; полное осуществление программы действий НДПА; обеспечение демократического и прогрессивного развития Афганистана; создание стабильной обстановки в Афганистане, укрепление народной власти, верной дружбе с Советским Союзом.

Далее в докладе указывалось на необходимость «смело и открыто идти на контакты с участниками банд и нейтральных сил», привлекать вождей и авторитетных деятелей в зоне проживания пуштунских племен, а также в Хазараджате и Нуристане к сотрудничеству с народной властью, разрешать сохраняющим нейтралитет группам создавать местные органы власти, привлекать вооружен-

име банды, находящиеся на пассивных и нейтральных позициях, к организационным мероприятиям вплоть до создания местных органов) управления с их участием при условии обеспечения связей с ними государства. В докладе говорилось, что следует решительно переходить к диалогу с теми политическими силами, находящимися в оппозиции, которые могут пойти на компромисс с народной властью, активизировать контакты с видными деятелями прошлых режимов, а также с «исламскими партиями», которые склонны следовать независимой линии. Наджиб подчеркнул, что на нынешнем этапе возможно создание коалиционного правительства с участием представителей названных группировок.

Тогда же было заявлено, что национальное примирение начинается с прекращения огня, которое будет провозглашено с 15 января 1987 г. в общенациональном масштабе.

3 января 1987 г. Наджиб от имени ЦК НДПА, Революционного совета и правительства страны обратился ко всем афганцам — на территории ДРА и за рубежом — с призывом начать переговоры о национальном примирении.

Комиссия одобрила оглашенную на заседании декларацию Революционного совета ДРА «О национальном примирении в Афганистане», в которой, в частности, говорилось, что 15 января 1987 г. соответствующим органам ДРА отдаются указания: прекратить огонь из всех видов оружия, приостановить проведение боевых операций; вернуть войска в пункты постоянной дислокации и на посты, прекратить артиллерийские и авиационные удары по противнику, если он не представляет опасности для мирного населения.

«Примирение с нашей стороны,— говорилось в декларации,— будет продолжаться в течение шести месяцев при условии, если к нему присоединится противоположная сторона. В случае примерного соблюдения перемирия обеими сторонами оно может быть продлено. В ответ на наши мирные шаги мы ожидаем следующих шагов:

прекращения обстрелов из любых видов оружия городов, деревень, предприятий, воинских частей и воздушного транспорта;

прекращения доставки и размещения на территории ДРА оружия и боеприпасов;

прекращения минирования дорог;

прекращения террористических актов и диверсий;

Прекращений нелегального пребывания иностранных Корреспондентов на территории Афганистана»¹¹.

Высшая чрезвычайная комиссия по примирению обратилась с посланиями к руководителям Ирана, Пакистана, КНР, Индии, к генеральному секретарю ООН и к народам стран — членов ООН, к председателю Движения неприсоединения Р. Мугабе и странам — участникам Организации Исламская конференция. В посланиях разъяснялись идеи и цели политики национального примирения в Афганистане.

На призыв о прекращении огня откликнулись немало антиправительственных вооруженных отрядов и групп. Уже к концу января 1987 г. велись переговоры о прекращении огня с группами в основном неорганизованной оппозиции общей численностью более 5 тыс. человек. Увеличилось число беженцев, возвращавшихся на родину.

Однако и эти конкретные реалистические предложения народной власти, свидетельствующие о готовности идти на компромиссы ради достижения мира на афганской земле, лидеры исламской вооруженной оппозиции с порога отвергли и заявили, "что будут продолжать вооруженную борьбу «за создание исламского государства»¹².

14 января 1987 г. Г. Хекматъяр, выступая в одной из военных частей ИПА — в расположении «полка хазрата Омара» в районе Пешавара, заявил, что прекращение огня в условиях пребывания в Афганистане русских войск означало бы позорную сделку и капитуляцию перед врагом. Исламская революция находится на ответственном и судьбоносном этапе, что диктует необходимость быть осторожными и бдительными, нельзя позволить, чтобы в результате обманных маневров врага в рядах народа-моджахеда возник раскол, чтобы после 104-месячной войны, перед самой победой «мы стали играть в эти игры... Учитывая горький исторический опыт, мы настаиваем на продолжении сопротивления до того момента, когда агрессор без всяких условий покинет нашу страну и над ней взвоется знамя ислама».

Лидер ИПА выдвинул требования: немедленный безоговорочный вывод всех русских войск; создание временного правительства, поддерживаемого народом-моджахедами, создание условий для проведения выборов; формирование в результате выборов исламского правительства. Одновременно было заявлено, что моджахеда обяжутся обеспечить следующие гарантии:

1. Общая амнистия тем, кто вернется в объятия своего народа, кто раскается в содеянном, приступит к ликвидации содеянного и докажет свою искренность; 2. Не нападение на части русских войск, которые покидают страну; 3. После вывода войск страна не представит другой державе военные базы; 4. Создание свободного исламского государства, нейтрального и неприсоединившегося; 5. Принятие мер по обеспечению мира и безопасности в стране.

Несколько иной позиции придерживались лидеры традиционалистских организаций и отчасти руководитель Исламского общества Афганистана (ИОА) Б. Раббани. Они пытались убедить Высший совет ИСМА не торопиться принимать окончательное решение об отказе от всех предложений афганского руководства и предлагали созвать Лойю джиргу, пригласить в Афганистан силы ООН по поддержанию мира для обеспечения проведения выборов. Однако жесткая линия Г. Хекма^бьяра, отвергнувшего все эти предложения, возобладавала. Продолжая свою линию, этот лидер пытался представить позицию Кабула как его слабость. Он утверждал: «Нам придала силы политика национального примирения. Объявление о прекращении огня и предложение о создании русскими коалиционного правительства в Афганистане придало нам новые силы. Моджахеды рассчитывали на длительную борьбу и не надеялись на столь быструю победу. Но после провозглашения политики национального примирения мы уверились, что противник устал от продолжения войны, что необходимо нанести последние удары, чтобы повергнуть врага. И мы видим, что действия моджахедов активизировались, как никогда в прошлом»¹⁴.

Наиболее экстремистская часть фундаменталистской вооруженной оппозиции приняла готовность афганского руководства пойти на компромиссы ради прекращения кровопролития в стране, как уже сказано, за признак неспособности продолжать борьбу и в то же время как доказательство правильности своей непримиримой позиции. Эта часть вооруженной контрреволюции сумела убедить своих партнеров по ИСМА, что победа теперь неизбежна, она уже близка, что время работает на вооруженную оппозицию и совершенно незачем соглашаться на переговоры, которые вместо полноты власти в стране дадут ей в лучшем случае несколько второстепенных министерских портфель в каком-то чуждом для них коалиционном правительстве, где ключевые посты займут представите-

ЛИ НДПА и прагматичные буржуазные деятели прежних режимов. Надо признать, что расчеты афганской исламской оппозиции имеют под собой определенные основания.

Вполне закономерно предположить, что позиция исламских экстремистов родилась не без подсказки со стороны западных, и в первую очередь заокеанских покровителей оппозиции. И разве реакция Вашингтона на мирные шаги афганского руководства не подтверждает это? Вот что заявлял представитель госдепартамента США Г. Хегерт в своем интервью, переданном по каналам телесети ЮСИА «Уорлднет» 18 января 1987 г.: «Мне думается, что большая часть мира, как и мы сами, озадачены этим. Одностороннее прекращение огня — это опять один из широких жестов на публику, который должен произвести впечатление гибкости, должен означать, что ответственность за продолжение войны несут другие, тогда как сами афганские власти стремятся к миру... Прекращение огня не решает проблемы... Проблема, повторяю, заключается в присутствии советских солдат. Если бы в Афганистане не было советских солдат, то там никто бы ни в кого не стрелял, и в этом главное». Г. Хегерт «забыл» или не знал, что стрелять в Афганистане начали задолго до появления там советских солдат, и с их уходом стрельба не прекратилась.

Примерно в том же духе выступила со своими рекомендациями афганским исламским экстремистам английская газета «Гардиан». Она писала: «Руководители семи группировок признают, что каковы бы то ни были их личные идеологические разногласия, им необходимо выступать единым фронтом, чтобы сохранить сочувствие других стран и поддержку беженцев перед лицом политического наступления Кабула и Москвы»¹⁵.

Высказали свою точку зрения и Исламабад и Тегеран. Так, например, высокопоставленный сотрудник администрации Пакистана назвал предложение Кабула о перемирии «шагом вперед», но не «захватывающим прогрессом»¹⁶. Представитель МИД Ирана в свою очередь заявил: «Основной причиной трудностей Афганистана является присутствие иностранных войск и наличие зависимо режима, который не принимается народом».

О том, что непримиримость афганской оппозиции, прежде всего пешаварской семерки, активно поддерживается из-за океана, свидетельствуют и другие источники. В частности, пакистанский автор Султан Ахмед в своей статье «Что же это за „скрытые руки“?», опубликованной

в пакистанском еженедельнике, писал: «Соединен Штаты, вполне понятно, хотят, чтобы афганская война продолжалась до тех пор, пока они сами не принимают в ней прямого участия. Следуя ясным сигналам из Вашингтона, семь лидеров моджахедов отвергли прекращение огня и мирные переговоры»¹⁸.

Политика национального примирения, провозглашенная правительством РА, нашла поддержку не только у прогрессивной общественности, но и у многих государств! К примеру на V конференции глав государств и правительств — членов Организации Исламская конференция (ОИК), состоявшейся в Кувейте в январе—феврале! 1987 г., при обсуждении «афганского вопроса» прозвучали призывы проявить объективный подход к развитию событий. Закулисные интриги лидеров афганской оппозиции, присутствовавших на конференции в качестве наблюдателей, их попытки добиться от ОИК признания в качестве «законных представителей афганского народа» оказались тщетными¹⁹.

В ответ на призыв к прекращению огня организованная афганская оппозиция с центрами в Пакистане и Иране активизировала действия своих вооруженных отрядов на территории Афганистана. 9 февраля 1987 г. в районе г. Хост ракетой был сбит транспортный самолет, погибло 30 человек, включая женщин, детей и стариков, а также шесть членов экипажа. 10 февраля силы оппозиции обстреляли 18 населенных пунктов и мест дислокации афганских войск. Оппозиция, а также пакистанские и иранские власти усилили заслоны на пути возвращения на родину беженцев. «Многие афганские беженцы,— признал в своем выступлении на специальном совещании в Пешаваре лидер ИПА Г. в Хекматъяр,— приветствуют политику национального примирения, объявленную Кабулом. Они распродают личное имущество и готовятся к возвращению на родину». Лидер ИПА пригрозил, что будет «препятствовать этой тенденции вплоть до применения смертной казни»²⁰. 8 марта 1987 г. отряды фундаменталистской ИПА обстреляли ракетными снарядами советский районный центр Пяндж, расположенный близ границы с Афганистаном. В ночь с 8 на 9 апреля 1987 г. отряд ИПА перешел реку Пяндж, т. е. нарушил государственную границу СССР, и совершил нападение на советский пограничный наряд²¹. Эти акции ИПА носили прежде всего политический характер, тем более что афганские фундаменталисты неоднократно заявляли о

•^непризнании различия между мусульманами Афганистана §- советских республик Средней Азии. р- 15 июля 1987 г. Наджиб выступил по афганскому радио и телевидению с обращением к соотечественникам. По своему содержанию обращение было адресовано прежде всего к афганцам, оказавшимся в стане оппозиции и ведущим вооруженную борьбу против национально-демократического строя. Он еще раз сформулировал принципы, на которых, по мнению руководства НДПА, должно основываться будущее развитие Афганистана. Афганистан будет нейтральным государством, что подразумевает отсутствие на его территории иностранных вооруженных сил и баз, будет неприсоединившимся, неучастующим в военно-политических блоках, выступающим за политику мирного сосуществования и поддерживающим национально-освободительные движения. Государственная власть в Афганистане будет основана на коалиционном принципе. Исходя из этого принципа, НДПА готова разделить власть. «Мы считаем,— заявил Наджиб,— стоящими на стороне примирения: сторонников бывшего короля Мухаммада Захир Шаха, союз трех политических партий и умеренных общественно-политических деятелей прежних режимов, руководителей вооруженных групп среднего звена, вождей племен, леводемократические организации, духовенство, частных предпринимателей и торговцев, командиров противостоящих вооруженных групп внутри страны, беженцев, другие партии, организации и отдельных лиц внутри страны и за рубежом, которые заинтересованы в осуществлении национального примирения». Наджиб перечислил посты, предлагаемые сторонникам примирения. Были названы такие посты, как заместителя председателя Революционного совета (а после утверждения конституции — вице-президента), заместителя председателя совета министров, председателя Верховного суда, ряд министерских и других постов. Как объект для возможных переговоров был назван и пост председателя совета министров²².

Особый интерес представляет заявление Наджиба о признании бывшего короля М. Захир Шаха и трех политических партий в качестве возможных сторонников примирения. Этими партиями являются входящие в «альянс семи» традиционалистские организации НФСА под руководством С. Моджадиди, НИФА, возглавляемый С. А. Гилани, и ДИРА во главе с М. Наби Мухаммади. Со стороны руководства НДПА это было первое открытие

официальное и конкретное приглашение традиционалистской оппозиции к диалогу и сотрудничеству. Мож! предположить, — и реакция на это обращение со стороны лидеров традиционалистских организаций позволяет едe лать это, — что официальному заявлению предшествовали предварительные контакты на неофициальных уровнях! Можно также предположить, что это прямое обращение к бывшему королю и традиционалистским лидерам имело в качестве одной из целей внесение разлада в ряды! ИСМА. Но в любом случае это было смелое предложение, принятие которого дало бы возможность превратить Афганистан в мирное, нейтральное, неприсоединившееся государство.

Реакция Захир Шаха * на сделанные ему предложения была, как и ранее, осторожной. Она говорит о том, что, с одной стороны, бывший король рассчитывает на свое возвращение в Афганистан, опираясь прежде всего на возможности традиционалистской оппозиции, с другой — о том, что он опасается заявить об этом прямо из-за жесткой негативной позиции по отношению к нему афганских фундаменталистов, отвергающих возможность какого бы то ни было его участия в делах Афганистана, выступающих против его возвращения в страну в любом качестве.

Как же отреагировали лидеры традиционалистской оппозиции на обращение руководителя НДПА, какова была их реакция на приглашение разделить власть с НДПА в рамках коалиционного правительства и повести Афганистан по пути независимой суверенной неприсоединившейся страны? С. А. Гилани отверг предложение руководства ДРА, заявив, что это маневр «марионеток Москвы», рассчитанный на то, чтобы посеять раздор между группами сопротивления. С. Моджадиди и М. Наби Мухаммади также отклонили сделанные им предложения, утверждая, что Наджиб «неправомочен» предлагать им министерские посты. Все три традиционалистских лидера выдвинули проект создания временного правительства Афганистана, которое должно оставаться у власти в течение шести месяцев для проведения выборов в стране.

* Бывший король Афганистана проживает в Италии, под Римом. 24 декабря 1988 г. в Риме состоялась встреча первого заместителя министра иностранных дел СССР, посла СССР в РА Ю. М. Воронцова с Захир Шахом. На встрече обсуждались пути урегулирования афганской проблемы.

руководители фундаменталистской оппозиции в лице председателя ИСМА А. Сайяфа в очередной раз категорически отвергли политику национального примирения, а заодно и предложение традиционалистских лидеров о создании временного правительства, куда вошел бы Захир Шах и его сторонники. По заявлению А. Сайяфа афганские моджахеда будут продолжать свой джихад до полного ухода оккупационных сил и создания народного правительства.

Политика национального примирения, являвшаяся внутренней частью решения афганской проблемы, разворачивалась одновременно с некоторым прогрессом в афгано-пакистанских переговорах в Женеве. Конструктивные Предложения афганской стороны определенно сблизили позиции двух сторон. Основным нерешенным вопросом оставались сроки вывода советских войск, которые находились тогда в прямой зависимости от прекращения вмешательства в дела Афганистана извне. Афганская исламская оппозиция использовала все свои возможности, чтобы сорвать или, по крайней мере, завести в тупик женевские переговоры. Она оказывала давление на пакистанское руководство, на консервативные круги Вашингтона, заинтересованные в приходе к власти в Афганистане деятелей оппозиции. Избранный на очередной срок председателем ИСМА лидер фундаменталистской ИПА (отколовшаяся, как ранее сказано, от ИПА Г. Хекматяра фракция, сохранившая название ИПА) Ю. Халес, прибывший в ноябре 1987 г. с «делегацией» исламской оппозиции в Нью-Йорк на сессию ГА ООН, заявил на пресс-конференции в ее штаб-квартире, что политическое урегулирование путем переговоров будет возможно только тогда, «когда за стол сядут русские и представители моджахедов... Мы требуем, чтобы господин Кордовес прекратил играть в эту игру и вместо этого содействовал бы выполнению резолюций ГА ООН».

В конце 1987 — начале 1988 г. произошли важнейшие события, придавшие мощный импульс процессу разблокирования афганского регионального конфликта. Советский Союз и Республика Афганистан^{2*} выступили с но-

^{2*} 30 ноября 1987 г. была утверждена новая Конституция Афганистана, в соответствии с которой страна стала называться Республикой Афганистан. Ее президентом был избран генеральный секретарь НДПА Наджибулла. 30 сентября 1987 г. сессия Революционного совета высказалась за то, чтобы Наджиба называли его полным именем Наджибулла. Прежнее имя Наджиб,

выми кардинальными инициативами, призванными рить завершение женевских; переговоров. Во время визи- та в США в декабре 1987 г. Генеральный секретарь: ЦК КПСС М. С. Горбачев в своем интервью в Вашингтоне заявил: «Мы поставили вопрос по Афганистану так: ; политическое решение о выводе советских войск приня- то, срок назван — 12 месяцев, он может быть и меньшим. Это четвертый пункт, который ждет своего согласования с комиссией Кордовеса. Мы так понимаем вопрос: срок начала вывода войск должен быть одновременно и нача- лом прекращения помощи оружием и финансирования душманов... Думаю, что если будут увязаны два вопроса — остальные уже увязаны — вопрос вывода войск и прекращения помощи оружием и финансированием, то мы можем выйти на позитивный итог уже в ближай- ший месяц»²³.

Но американская сторона, все еще пытающаяся из-влечь из сложившейся ситуации максимум политических дивидендов, хотя и в ущерб будущему американо-советских отношений, продолжала использовать «афганскую карту» в своих корыстных интересах. В Вашингтоне не торопились с ответом. В беседе с видным американским промышленником и общественным деятелем А. Хаммером, который со своей стороны своими путями и методами пытался помочь политическому урегулированию вокруг Афганистана, М. С. Горбачев был вынужден отметить: «Адекватного ответа со стороны администрации (на пред-ложения, сделанные в Вашингтоне.— В. С.) мы не полу-чили. А жаль»²⁴.

4—6 января 1988 г. министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе во время переговоров с президентом Наджибуллой в Кабуле еще более конкретизировал со-ветскую позицию. Он заявил, что женевские переговоры вступают в свою решающую стадию и изложил схему урегулирования внешних аспектов афганской проблемы: завершение женевских переговоров на очередном раунде в феврале 1988 г., подписание женевских соглашений, вступление в действие обязательства о прекращении вмешательства извне, выступление СССР и США в каче-стве гарантов этих обязательств, причем США согласны выступить в этом качестве и соответственно прекратить помощь вооруженной афганской оппозиции, именно со-

сокращенное от Наджибулла, появилось в период его учебы в университете и подпольной деятельности в рядах НДПА.

бс^уплением в силу этого обязательства через 60 дней после подписания женевских договоренностей начнется вывод из Афганистана советских войск, который может продолжаться 12 месяцев. Что касается внутренних аспектов урегулирования, то политика национального примирения призвана к тому, чтобы все слои расколотого ныне афганского общества, противоборствующие стороны начали конструктивный диалог, в котором никто не буд-дет претендовать на монопольное обладание властью, чтобы в качестве первого шага на пути выработки обще-афганского согласия о будущем Афганистана было бы сформировано коалиционное правительство на самой ши-рокой базе²⁵.

Ситуация в мире была такова, мировое общественное мнение с такой заинтересованностью ждало урегулирова-ния афганского конфликта, что отвергнуть советские и афганские предложения, уклониться от дальнейшей под-готовки женевских соглашений ни США, ни Пакистан уже не могли без риска подвергнуться общему осужде-нию на международном уровне.

Однако было бы наивным полагать, что американская и пакистанская реакция проявят добрую волю и своими конкретными действиями будут способствовать урегули-рованию афганской проблемы.

Начался сложный период противоборства двух линий. Одна направлена на скорейшее справедливое политиче-ское урегулирование в интересах всего афганского народа, мира и безопасности в регионе, другая на осложнение процесса урегулирования, на получение политических и «геостратегических» дивидендов. Политическим козырем на стороне второй линии, проводившейся администра-цией США и пакистанским руководством, являлась аф-ганская исламская вооруженная оппозиция в лице ИСМА. В начале января 1988 г. Р. Рейган направил лидерам ИСМА послание, в котором содержалось заверение, что США будут продолжать и даже увеличат свою и без того широкомасштабную военную помощь и политиче-скую поддержку афган&кой оппозиции «до тех пор, пока Советский Союз будет продолжать военные действия в Афганистане»²⁶. В Пакистан в эти же дни срочно при-были заместитель госсекретаря США Майкл Армакост и старший директор отдела по делам Ближнего Востока Совета национальной безопасности США Роберт Оукли, которые провели переговоры с пакистанским руководст-вом, а также с лидерами афганской оппозиции. Послед-

ним снова пообещали американскую помощь и поддержку «до тех пор, пока они не достигнут своих целей»²⁸! Именно в эти дни появились первые признаки того, что администрация США и руководство Пакистана намерены выдвинуть в увязку с предстоящим завершением женевских переговоров новые требования и условия. Об этом в частности, свидетельствовал столь авторитетный политический деятель, как заместитель генерального секретаря ООН (в тот период), «архитектор» женевских соглашений Диего Кордовес в интервью газете «Вашингтон пост»¹⁸. По его словам, график вывода менее чем за 12 месяцев, который Советский Союз обещал представить в Женеве в феврале 1988 г., предусматривает достаточно короткие сроки, чтобы удовлетворить США и Пакистан! Однако он встревожен недавними заявлениями американских и пакистанских представителей, из которых следует, что можно ожидать выдвижения новых требований, помимо сроков вывода. Тревога Д. Кордовеса была вполне обоснованной: новые требования и условия, которые шли вразрез с уже отработанными (даже текстуально!) положениями, составлявшими основу женевских соглашений, были вскоре выдвинуты как с американской, так и с пакистанской сторон.

Но вернемся к афганской исламской вооруженной оппозиции, к «альянсу семи», к тому что происходило внутри оппозиции. Несмотря на стремление сохранить хотя бы внешне единство в условиях ответственных событий, какими являлись предстоящее подписание женевских соглашений и политика национального примирения, противоречия между входящими в ИСМА исламскими организациями снова вылезли наружу. В связи с предстоящим в январе 1988 г. очередным приездом в Пакистан посредника ООН в афгано-пакистанских переговорах Д. Кордовеса для подготовки последнего, как предполагалось, раунда переговоров, между лидерами ИСМА вспыхнули ожесточенные споры о целесообразности встречи с представителем ООН.

Тогдашний председатель ИСМА Ю. Халес вначале полностью отверг возможность встречи с Д. Кордовесом. Однако его позиция вызвала недовольство традиционалистов С. Гилани и С. Моджадиди, которые заявили, что Ю. Халес действовал без консультаций с ними и потому его заявление отражает только его личную позицию, С. Моджадиди добавил, что он сам готов встретиться и побеседовать с Д. Кордовесом, если предоставится такая

возможность. В свою очередь, С. Гилани заявил, что он «не участвовал в выработке решения, на которое ссылается Ю. Халес, и хотел бы знать, на каком основании такое решение было принято до того, как он сам решит, встречаться ему с Д. Кордовесом или нет. Однако уже через несколько дней, видимо, под давлением фундаменталистского большинства на совещании лидеров ИСМА было принято решение, в соответствии с которым диалог с представителем ООН считался возможным лишь при соблюдении двух условий: если Д. Кордовес объявит, что моджахеды являются стороной в афганской проблеме и если любое соглашение, не приемлемое для моджахедов и не отражающее их волю, будет считаться недействительным и не будет претворяться в жизнь. Ясно, что принятие этих условий было невозможно, поскольку их принятие означало бы не только полный пересмотр всех договоренностей, достигнутых за годы женевских переговоров, но и ликвидацию этих переговоров вообще.

Решению ИСМА предшествовали заявления тогдашнего президента Пакистана Зия-уль-Хака, сделанные им сразу после встречи и переговоров с Д. Кордовесом в Исламабаде. Эти встречи подтвердили прежние опасения представителя ООН о том, что США и Пакистан могут «повысить ставки» в переговорах по Афганистану. Так оно и произошло. Зия-уль-Хак заявил: «Мы не можем подписать соглашение с Наджибуллой. Как может правительство Пакистана подписать женевские соглашения с человеком, назначенным на его пост Советским Союзом и несущим ответственность за убийство многих людей?»²⁹ Зия-уль-Хак дал понять, что Пакистан не подпишет соглашения ни с каким афганским правительством, в котором НДПА будет играть доминирующую роль. Он выразил надежду, что афганские моджахеды, контролируемые, по его словам, 80% территории Афганистана, будут соответственно играть доминирующую роль во временном правительстве, в которое должны войти моджахеды, представители афганской эмиграции и, «возможно, какие-то элементы из НДПА», но не сам Наджибулла. Именно это правительство, заявил Зия-уль-Хак подпишет мирные соглашения с Пакистаном. «Моджахеды выиграли эту войну, Советский Союз ее проиграл», — сказал в заключение Зия-уль-Хак.

Все это было похоже на шантаж, политически авантюрный шаг, ничем не подкрепленный ни с точки зрения Элементарной логики, ни с точки зрения международного

права. Начиная с 1982 г. правительство Исламабада вел под эгидой ООН двусторонние переговоры в Женеве с правительством Кабула. Переговоры были добровольными, правительство Пакистана сознательно шло на участие в них. Оно участвовало в них и при Б. Кармале, и после того как президентом РА был избран Наджибулла и все; эти годы эта сторона вопроса, казалось, не смущала пакистанское руководство, да оно и не имело никаких, ни правовых, ни политических оснований претендовать на ведение переговоров с каким-то удобным ему руководством или лицом. Переговоры шли между сторонами, афганской и пакистанской, независимо от того, кто в данный момент возглавляет данную страну. Ведь не требовали и не могли требовать афганцы, чтобы женевские соглашения были бы подписаны, например, лидером пакистанской оппозиции Беназир Бхутто.

И вот в момент, когда все женевские договоренности были отработаны и готовы к подписанию, когда советская сторона согласилась на компромиссный временный график вывода войск (а именно этот вопрос всегда ставился американцами и пакистанцами во главу угла любой договоренности), выдвигается абсурдное требование, чтобы правительство, с которым велись переговоры и достигнуты конкретные договоренности, было заменено на другое, чтобы договоренности были подписаны совершенно иными политическими силами. Условие явно неприемлемое и рассчитанное на срыв переговоров. Даже председатель ИСМА Ю. Халес и лидер ИПА Г. Хекматъяр, видимо, не разобравшись в целях, которые преследует Зия-уль-Хак, сходу заявили, что они категорически отвергают предлагаемую им правительственную коалицию³⁰.

Г. Хекматъяр выступил 28 января 1988 г. в газете своей партии «Шахадат» со статьей «Ответственный момент в джихаде и долг моджахедов», в которой изложил позицию и задачи афганских исламских фундаменталистов в связи с ситуацией вокруг Афганистана. В статье говорится, что афганский вопрос достиг самого ответственного момента... Малейшая ошибка на этом этапе может привести к тому, что все принесенные жертвы окажутся напрасными, пойдут насмарку. Длительная борьба вызвала усталость у слабых духом и у тех, кто случайно оказался в рядах сопротивления... Логика борьбы приводит к тому, что те, кто спешит, на последнем этапе борьбы готовы удовлетвориться ничтожными результатами,

в то время как если бы они имели чуть больше терпения, не торопились, то они получили бы гораздо больше... Если проблема (Афганистана.— В. С.) будет решаться на полях сражений, то она, несомненно, будет решена на условиях моджахедов, но если путем политических переговоров, то их итог никогда не завершится созданием исламского государства руками моджахедов.

Развивая свою мысль о том, что время работает на исламскую оппозицию и что только продолжение вооруженной борьбы приведет оппозицию к полной победе, Г. Хекматъяр продолжает: «Русских вынуждает вывести войска из Афганистана не добрая воля Москвы и не международное политическое давление. Их заставляют сделать это непрерывные поражения на полях войны, сокрушительные удары моджахедов. Неспособность противника уничтожить сопротивление привело к тому, что его военное присутствие в Афганистане становится безнадежным. Конечно, международный политический нажим тоже сыграл свою роль, но ясно, что этот нажим явился следствием сопротивления, был им обусловлен. Если бы в Афганистане не было сопротивления, то никто в мире не вспомнил бы о проблеме Афганистана и не оказал бы нажима на русских... Теперь, когда русские заговорили о выводе войск, о создании коалиционного правительства, включающего представителей всех сторон, когда они заявляют, что наступает окончательный раунд переговоров,— это еще раз ставит моджахедов перед необходимостью еще одного великого испытания... Правление моджахедов для русских неприемлемо. Но и правление коммунистов под прикрытием коалиционного правительства, под руководством нейтрального «третьего» человека, который в этой схватке не участвовал (намек на Захир Шаха.— В. С.), тоже неприемлемо».

Статья свидетельствует прежде всего о том, что в рядах исламской оппозиции по-прежнему нет единства, что часть ее при определенных обстоятельствах готова участвовать в процессе национального примирения и политического урегулирования. Разногласия остаются довольно основательными, у оппозиции нет пока общего плана действий на случай прихода к власти, и после вывода советских войск существует реальная возможность столкновений в борьбе за власть между различными отрядами оппозиции. Отсюда напрашивается вывод: Г. Хекматъяр и его союзники по ИСМА заинтересованы⁶ в продолжении вооруженной борьбы до тех пор, пока они

окончательно не упрочат своих позиций и не будут в состоянии диктовать свои условия партнерам по союзу. И наконец, в статье еще раз подтверждена негативная позиция наиболее непримиримой фундаменталистской части оппозиции по отношению к женеvским переговорам и политическому урегулированию вокруг Афганистана.

Автор взял бы на себя смелость сказать в связи с приведенной статьей, что Г. Хекматъяр не так прост, как его иногда изображают в прессе. Это не просто непримиримый «душман», а политический противник, заслуживающий того, чтобы, по крайней мере, его политические взгляды были изучены, а не отброшены, только как фанатичные средневековые.

В этой сложной обстановке, когда реакционные силы США, Пакистана и Ирана, афганская исламская контрреволюция стремились не допустить подписания женеvских соглашений, руководствуясь каждая своими политическими целями, 8 февраля 1988 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и президент Республики Афганистан Наджибулла изложили четкую реалистическую программу политического урегулирования афганской проблемы³¹. В заявлении М. С. Горбачева было сказано, что разработка документов, охватывающих все стороны урегулирования, почти завершена, что осталось установить приемлемые для всех сроки вывода советских войск из Афганистана. Советское и афганское руководство договорились установить конкретную дату начала вывода советских войск — 15 мая 1988 г. — и завершить вывод в течение 10 месяцев. Эта дата установлена исходя из того, что подписание Женеvских соглашений состоится не позднее 15 марта 1988 г. и что они вступят в силу через два месяца. Вывод советских войск не должен увязываться с завершением усилий по созданию в Афганистане нового, коалиционного правительства.

Заявление М. С. Горбачева получило широкую поддержку в странах Западной Европы и особенно в странах Ближнего и Среднего Востока и Азии. Что касается США, то там, как всегда, попросили время «для внимательного изучения» заявления. Правда, 10 февраля 1988 г. бывший помощник президента по связям с прессой Марлин Фицджеральд заявил, что в Белом доме рассматривают заявление как «позитивный шаг в правильном направлении», а представитель госдепартамента Чарльз Редман охарактеризовал заявление как «позитивный сигнал о серьезном намерении Советского Союза вывести свои

войска». Однако при этом первый обошел стороной заданный ей вопрос, когда прекратится военная помощь США афганской оппозиции, а второй выразил американское «пожелание», чтобы СССР «ускорил» график вывода своих войск³².

Но это была только первая, предварительная реакция на Заявление М. С. Горбачева. Начало очередного раунда женеvских переговоров было намечено на 2 марта 1988 г., т. е. через три недели. И вот тут вдруг происходит неожиданное: в позиции США и Пакистана происходят невероятные метаморфозы. Ультраправые политические силы США развернули кампанию за ужесточение американской позиции в афганском вопросе, за продолжение оказания военной помощи афганской оппозиции независимо от итогов женеvских переговоров, за усиление давления на Советский Союз с целью добиться от него новых уступок. В результате 29 февраля 1988 г. сенат конгресса США большинством голосов одобрил резолюцию № 386, которая полностью ушла ... позицию американских консерваторов. Грубая по форме, ультимативная по существу, эта резолюция продемонстрировала, что американские законодатели не желают считаться с реальностью, не намерены по-новому подойти к решению международных проблем и региональных конфликтов, в том числе афганского.

В своей резолюции сенат конгресса призывает, в частности, президента США «активно поддерживать политическое решение ситуации в Кабуле, приемлемое для сопротивления», другими словами — добиваться замены правительства РА на правительство афганской исламской оппозиции. Одновременно сенат «выражал надежду», что администрация не прекратит, не приостановит и не уменьшит помощь афганской вооруженной оппозиции, что эта оппозиция будет достаточно хорошо оснащена для того, чтобы «обеспечивать свою целостность во время сложного периода пребывания у власти временного правительства, который должен привести к новым выборам. Резолюция не имеет для президента обязательной силы, но игнорировать ее он не может. Практически в этой резолюции содержалось требование добиваться политической капитуляции Советского Союза и Республики Афганистан и прихода к власти в Афганистане исламской вооруженной оппозиции.

Приведенный документ свидетельствует не только о его великодержавной сущности, но и о том, что его авто-

ры в своем экстремизме превосходили даже такого ястреба американской внешней политики, как З. Бзежинский, который активно поддерживал афганскую вооруженную оппозицию в ее борьбе с законной властью в Кабуле.

2 марта 1988 г. в Женевском Дворце наций начался новый раунд афгано-пакистанских переговоров под эгидой ООН. Уже на следующий день, стремясь ускорить процесс достижения окончательных договоренностей, афганская делегация после предварительных консультаций с Советским Союзом^{3*} сообщила о том, что вывод советских войск из Афганистана может быть осуществлен в течение девяти месяцев. 4 марта 1988 г. глава пакистанской делегации на переговорах З. Нурани, вероятно, не имея инструкций, как в данном случае поступить, срочно вылетел для консультаций в Исламабад, что было расценено афганской стороной как нежелательная задержка переговоров.

Все это говорит не только о трудностях, с которыми идут переговоры, сложности проблемы, но и о нежелании решить ее в интересах всего афганского народа. И потому нетрудно понять недовольство делегации РА позицией пакистанской стороны в Женеве. Вот что, например, говорилось в послании президента Республики Афганистан генеральному секретарю ООН 5 марта 1988 г.: «Сейчас после почти шестилетних переговоров по документам Женевского соглашения, работа над которыми с афганской стороны практически полностью завершена, через представителя генерального секретаря ООН Пакистан в высшей степени безответственно заявляет, что он не готов подписать указанное соглашение с правительством Республики Афганистан... Пакистан упорно стремится подорвать правительство Республики Афганистан и настаивает на создании так называемого переходного правительства»³³.

Через три дня З. Нурани возвратился из Исламабада, и афгано-пакистанские переговоры возобновились, однако пакистанская сторона по-прежнему блокировала их продвижение, требуя создания «переходного» правительства. Группа американских представителей при афгано-пакистанских переговорах в Женеве во главе с заместителем

^{3*} В ходе Женевских переговоров, начиная с 1982 г. советниками афганской стороны являлись поочередно опытные советские дипломаты В. Сафрончук, С. Гаврилов, а после его смерти — Н. Кольрев. Пакистанская сторона имела своих американских советников.

госсекретаря США Р. Пеком, не поддерживая открыто этого требования, тем не менее выражало «сочувствие этой идее».

Сами же американцы потребовали немедленного прекращения военной помощи СССР правительству РА после ухода советских войск и после прекращения помощи со стороны США афганской исламской оппозиции. Таким образом, резолюция сената конгресса США № 386, о которой говорилось выше, нашла отражение в американской позиции на переговорах.

15 марта 1988 г. Женевские соглашения, как намечалось, подписаны не были. Стремясь придать переговорам новый импульс, а также разъяснить мировой общественности смысл происходящего в Женеве, правительства СССР и РА выступили 15 марта с заявлениями. В заявлении Советского правительства подчеркивалось, что «Пакистан и США, подписи которых также должны стоять под некоторыми документами урегулирования, уклоняясь от подписания соглашений, берут на себя ответственность за судьбу переговоров, успешного исхода которых ожидают и афганский народ и другие народы мира»³⁴.

Что же происходило в тот период в лагере афганской исламской оппозиции в Пакистане? Если даже судить по скудной информации, лидеры ИСМА развили бурную деятельность, пытались помешать подписанию Женевских соглашений. Особенно старался Г. Хекматъяр, сменивший к этому времени в порядке очередности Ю. Халеса на посту председателя ИСМА. По мере продвижения вперед Женевских переговоров лидеры афганской вооруженной оппозиции, в первую очередь фундаменталисты, оказывали на пакистанское руководство все большее давление с целью срыва переговоров. В лагерях афганских беженцев непрерывно происходили организованные ИСМА митинги, призывающие Пакистан занять на переговорах жесткую позицию и добиваться замены Кабульского правительства. Руководитель традиционалистского ИФСА С. Моджаддиди пригрозил выходом его фронта из ИСМА из-за чрезмерного, по его мнению, покровительства, которое Пакистан оказывает афганским фундаменталистам в ущерб интересам традиционалистов. Руководитель ИОА Б. Раббани, встретившийся в Тегеране с министром иностранных дел ПРИ А. Велаяти, обвинил США «в сговоре с СССР с целью не допустить к власти моджахедов». Г. Хекматъяр в одном из своих многочисленных выступ-

лений заявил, что подписание Женевских соглашений будет означать «колоссальную и историческую измену джихаду в Афганистане»³⁵.

В эти дни ситуация на Женевских переговорах вновь осложнилась. Пакистанская сторона выдвинула новые требования. Поняв, очевидно, несуразницу своего прежнего требования о том, что подпишет Женевские соглашения только с новым «переходным» правительством, Исламабад снял его, и, казалось, открылся путь к соглашению. Но теперь пакистанская сторона сделала камнем преткновения содержащуюся в одном из документов формулировку о пакистано-афганской границе. Речь шла о «линии Дюранда», как уже было сказано, произвольно проведенной английскими колонизаторами в конце прошлого века в качестве границы между двумя странами и которую ни одно из афганских правительств никогда официально не признавало. Согласие правительства РА с предлагавшейся формулировкой означало бы признание им «линии Дюранда», что выходило за рамки предмета переговоров. Надо иметь в виду, что даже ближайшие «друзья» Пакистана — афганская исламская оппозиция с центрами в Пешаваре не признают «линию Дюранда». Это требование Пакистана было просто-напросто неумной провокацией. В результате усилий афганской стороны и этот вопрос был в конце концов снят с обсуждения.

21—22 марта 1988 г. в Вашингтоне состоялись встречи и беседы министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе с президентом США Р. Рейганом и госсекретарем Дж. Шульцем. Хотя они были посвящены в основном подготовке договора о пятидесятипроцентном сокращении стратегических наступательных вооружений, но затрагивался и вопрос об Афганистане, и тут проявился фактический отход американской стороны от выраженной ею ранее готовности принять участие в политическом урегулировании вокруг Афганистана на основе Женевских соглашений. Администрация США пересмотрела свою позицию, предусматривавшую прекращение военной помощи афганской вооруженной оппозиции одновременно с выводом советских войск из Афганистана и поставила этот вопрос в зависимость от прекращения Советским Союзом военной помощи Афганистану. Дж. Шульц предложил два варианта решения этой искусственно созданной самими же американцами проблемы: вариант с «положительной симметрией» в вопросах поставок оружия, предусматривающий взаимозависимость военных поста-

142

вок обеих сторон, и вариант с «мораторием», т. е. прекращение сторонами военных поставок в течение года.

Ни один из этих вариантов не мог быть принят советской стороной. Для афганской оппозиции США — пусть главный, но не единственный поставщик оружия. Правительство же РА может получать необходимое для самообороны оружие от значительно меньшего круга стран, а точнее, почти только от СССР. «Мораторий» означал бы вмешательство в отношения Советского Союза с суверенным государством, ставил бы на одну доску правительство этого государства и лидеров оппозиции, т. е. легализовал бы их статус как нечто большее, чем просто оппозицию, ведущую вооруженную борьбу против законного правительства.

В этой обстановке, когда американская сторона уязвляла свое участие в гарантиях Женевских соглашений с принятием Советским Союзом вариантов «симметрии» и «моратория», советская сторона была вынуждена заявить, что, если Женевские соглашения не будут подписаны, Советский Союз все-таки не откажется от своего политического решения о выводе войск из Афганистана, но тогда он будет действовать уже не на основе многосторонних Женевских соглашений, а на основе отдельного соглашения с Афганистаном, причем таким образом, как это будет удобно правительству Афганистана и Советскому Союзу³⁶.

Американская сторона действовала не только за столом переговоров. Именно в эти дни появились сообщения о срочной переброске в Афганистан крупных партий новейших видов американского оружия для исламской оппозиции на сумму до 300 млн долл., в том числе ракет «Стингер» (с середины 1986 г. через Пакистан исламской оппозиции было передано свыше тысячи «Стингеров»), тяжелых 120-мм минометов испанского производства, средств для разминирования и пр. В этой связи западные наблюдатели подчеркивали, что американские поставки могут создать угрозу для исхода Женевских переговоров³⁷. Тревогу в связи с занятой американцами и Пакистаном позицией выражали многие международные организации, государственные и политические деятели. 22 марта 1988 г. в Пакистан с официальным визитом вылетел король Иордании Хусейн. Министр иностранных дел Иордании Тахер аль-Масри в связи с этим сообщил, что Иордания пытается устранить препятствия, с которыми столкнулись участники переговоров в Женеве.

143

Несмотря на настойчивые просьбы «пеШаварской семерки», члены ОИК на своих заседаниях, которые происходили как раз в эти дни в Аммане, отклонили их домогательства признать «переходное» правительство во главе с Ахмад Шахом, созданное в Пакистане афганской исламской оппозицией, и о переводе ИСМА из числа наблюдателей в члены ОИК. Тот же Тахер аль-Масри заявил, что ОИК считает, что афганские моджахеды не представляют всю страну.

Подписание женеvских соглашений по Афганистану 14 апреля 1988 г.

В итоге встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом Республики Афганистан Наджибуллой 7-го апреля 1988 г. удалось вывести женеvские переговоры из тупика. В совместном советско-афганском заявлении говорится, что, как они считают, «в результате взаимодействия всех, кто был причастен к урегулированию, в настоящее время сняты последние препятствия к заключению соглашений, и выступают за безотлагательное их подписание». Советский Союз и Афганистан подтвердили, что в случае подписания в кратчайший срок женеvских соглашений останется в силе договоренность, что советские войска будут выведены из Афганистана в установленный этими соглашениями срок, начиная с 15 мая 1988 г.³⁸

14 апреля в Женеве состоялось подписание соглашений о политическом урегулировании афганской проблемы. Подписанные документы, составляющие так называемый «женеvский пакет» и представляющие собой составные части политического урегулирования обстановки вокруг Афганистана, включают в себя "Двустороннее соглашение между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и отказе от интервенции, Двустороннее соглашение между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о добровольном возвращении беженцев, Соглашение о взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану, и Декларация о международных гарантиях, подписанная министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и государственным секретарем США Дж. Шульцем за правительства СССР и США.

В соответствии со ст. 2 первого документа, Республи-

ка Афганистан и Исламская Республика Пакистан обязуются воздерживаться от содействия, поощрения или поддержки прямым или косвенным образом повстанческой или сепаратистской деятельности против другой стороны под каким бы то ни было предлогом; не допускать на своей территории обучения, снаряжения, финансирования и рекрутирования наемников какого бы то ни было происхождения в целях ведения враждебных действий против другой стороны или засылки таких наемников на территорию другой стороны и соответственно отказывать в содействии, включая финансирование обучения, снаряжения и транзит таких наемников; не допускать какой-либо помощи, или использования, или терпимости в отношении террористических групп, саботажников или диверсантов, действующих против другой стороны; не допускать на своей территории присутствия, укрытия в лагерях и базах либо другим каким-либо образом, организации, обучения, снаряжения и вооружения лиц и политических, этнических и любых других групп в целях ведения подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений на территории другой договаривающейся стороны и соответственно также не допускать использования средств массовой информации и перевозки оружия, боеприпасов и снаряжения такими лицами и группами³⁹.

Таким образом, женеvские соглашения полностью перекрыли для афганской исламской оппозиции возможность ее деятельности против РА на территории Пакистана и с этой территории, в том числе исключили возможность иметь на этой территории военно-учебные базы, склады с оружием, осуществлять переброску оружия, создавать вооруженные отряды из беженцев, использовать афгано-пакистанскую границу для проникновения на территорию Афганистана, вести пропагандистскую деятельность, враждебную РА, и т. д.

Подписание женеvских соглашений явилось, несомненно, прорывом длительной политической и иной блокады, которую пытались осуществить против СССР США и их союзники после ввода в Афганистан в декабре 1979 г. советских войск. В задачу данной работы не входит рассмотрение всех аспектов этой блокады и ее последствий, которые были достаточно тяжелыми в экономическом, политическом и иных отношениях. Подписание женеvских соглашений означало также победу реализма при подходе к решению международных проблем, отраженного в решениях партийных форумов после апреля 1985 г.

Вместе с тем нельзя не отметить, что женевские соглашения явились результатом определенных компромиссов, на которые сознательно или под давлением обстоятельств пошли как участники переговоров — Афганистан и Пакистан, так и гаранты соглашений — СССР и США. Это обусловило наличие в женевских соглашениях по Афганистану определенного внутреннего противоречия, которое, как показало дальнейшее развитие событий, стало играть негативную роль в вопросе прекращения кровопролития в Афганистане.

Дело в том, что из проекта документа о международных гарантиях, подписанного представителями Советского Союза и США, видимо, по настоянию американской стороны было изъято важнейшее, ключевое положение о том, что одновременно с началом вывода советских войск из Афганистана США прекращают оказывать военную помощь афганской вооруженной оппозиции. Таким образом, на переговорах возобладала американская позиция о необходимости сохранения так называемой «позитивной симметрии», смысл которой заключается в том, что если Советский Союз будет продолжать оказывать Республике Афганистан помощь оружием и снаряжением, то и Соединенные Штаты продолжают оказание военной помощи афганской вооруженной оппозиции, если же Советский Союз воздержится от оказания такой помощи, то США ответят «симметрично». Но положение США и СССР и сравнивать нельзя. В то время как Советский Союз оказывает помощь законному правительству РА на основе имеющегося договора, США снабжают оружием оппозиционные силы, ведущие военные действия против этого законного правительства. Ясно, что СССР, связанный с Республикой Афганистан как с независимым государством целым рядом договоров и соглашений, не мог их нарушить, не мог прекратить оказание этой соседней нами дружественной стране помощи, предусмотренной этими актами. В результате американцы оставили за собой право продолжать оказание военной и иной помощи афганской вооруженной оппозиции. К сожалению, эта сторона женевских соглашений не получила достаточного освещения в потоке сообщений об успешном исходе женевских переговоров.

Успокаивая разбушевавшихся после подписания женевских соглашений американских ястребов, президент Р. Рейган заявил, что „в этом соглашении нет ничего, что помешало бы нам продолжать поставки моджа-

хедам до тех пор, пока они в них будут нуждаться, и до тех пор, пока Советский Союз будет продолжать снабжать афганские силы... Так что никаких ограничений для нас нет”⁴⁰.

Если быть точным, то такие ограничения существуют: это обязательство Пакистана «обеспечивать, чтобы своя территория не использовалась каким-либо образом для нарушения суверенитета, политической независимости, территориальной целостности.. другой Высокой Договаривающейся Стороны (параграф 4 статьи 2 Двустороннего соглашения). И если бы Пакистан выполнял этот пункт женевских соглашений, то американская помощь, по крайней мере до тех пор, пока американцы не имеют возможности доставлять ее непосредственно в Афганистан, минуя пакистанскую территорию, не могла бы поступать в распоряжение афганской вооруженной оппозиции.

В действительности Пакистан с самого начала игнорировал этот пункт соглашений, и афганская вооруженная оппозиция, как и раньше, продолжает получать и даже во все более увеличивающихся размерах и лучшей по качеству американскую военную помощь. Единственно, что изменилось,— это порядок передачи в распоряжение оппозиции самой помощи. Если раньше оружие и снаряжение, предназначенные для афганской оппозиции, передавались пакистанским военным властям, а они уже затем распределяли поставки среди афганских оппозиционных организаций (причем явное предпочтение при этом оказывалось фундаменталистам, и в первую очередь Г. Хекматяру), то начиная с мая 1988 г., т. е. с начала вывода из Афганистана советских войск, американцы стали направлять военные грузы непосредственно афганской вооруженной оппозиции на территории Пакистана. Видимо, этот своеобразный трюк и лег в основу утверждений пакистанского руководства о том, что оно полностью соблюдает женевские соглашения.

Как писала несколько позже американская газета «Уолл-стрит джорнэл», Зия-уль-Хак «настолько своеобразно толковал женевские договоренности, что это позволяло ему продолжать поставки оружия моджахедам и одновременно клясться в невмешательстве во внутренние Дела Афганистана».

Афганская проблема после Женевы

Большинство стран мира приветствовало женевские соглашения. Афганистан и Советский Союз приступили к их выполнению: 15 мая 1988 г. в соответствии с разработанным графиком начался вывод из Афганистана советских войск. Согласно этому графику, к 15 августа 1988 г. было выведено 50% советских войск, остальные 50% подлежали выводу с 15 ноября 1988 г. до 15 февраля 1989 г. Сегодня можно сказать, что СССР выполнил свое обязательство. Выше было отмечено, что женевские соглашения были одобрены большинством стран. Но не всеми. Одной из стран, выступивших против соглашений, был Иран. Немедленно после подписания соглашений МИД Ирана направило в ООН официальное заявление, в котором соглашения расценивались как недействительные на том основании, что они подписаны «незаконным» кабульским режимом и игнорируют афганских моджахедов.

Правящие круги некоторых стран, не отвергая соглашений, в то же время рассматривали их только как документ, фиксирующий обязательство Советского Союза вывести в обозначенные сроки свои войска.

Что касается афганской вооруженной оппозиции, то она сразу же и категорически отвергла женевские соглашения. Еще до их подписания, даже до начала нового раунда переговоров 2 марта 1988 г., которые завершились их подписанием, ИСМА объявил о создании в Пешаваре «временного правительства» Афганистана во главе с Ахмад Шахом, одним из деятелей Исламской партии Афганистана Ю. Халеса. Можно предположить, что подоплека создания этого «правительства», которое с неодобрением было встречено даже американскими правящими кругами, о чем будет сказано ниже, заключалась в следующем: афганская вооруженная оппозиция понимала, что афгано-пакистанские переговоры в Женеве приближаются к своему завершению, что эти соглашения будут подписаны без их участия. Поэтому она оказывала на пакистанское руководство давление с тем, чтобы последнее выдвинуло на женевских переговорах в качестве условия подписания документов требование о создании альтернативного кабульскому правительству, которое и подписало бы соглашения вместо правительства Республики Афганистан, что и было выполнено пакистанской стороной. Вот *P* расчете на успех подобного ма-

невра и было срочно создано «временное» или «переходное» правительство Ахмад Шаха.

Были и иные причины спешного создания этого «правительства». К их числу можно отнести растущую самостоятельность «полевых» командиров оппозиции, действующих в самом Афганистане, а также активизацию сторонников Захир Шаха как в самом ИСМА, так и вне рамок этого союза. «Временное правительство» обратилось к руководству Пакистана, США, Саудовской Аравии, Ирана и других стран, а также в Организацию Исламская конференция (ОИК) с просьбой об официальном признании. Ни одно из названных государств и ОИК не дали положительного ответа на это обращение. В марте 1988 г. в Амман, где состоялась очередная конференция ОИК, прибыла делегация ИСМА из 14 человек — по два представителя от каждой партии «альянса семи». Представитель делегации Мир Хамза (один из руководителей ИОА) обратился к конференции с просьбой признать «переходное правительство» во главе с Ахмад Шахом. Однако конференция не удовлетворила эту просьбу. Министр иностранных дел Иордании Тахер аль-Масри заявил, что ОИК не может изменить статус представителей ИСМА и перевести их из числа наблюдателей при ОИК в члены организации, поскольку они не представляют всю страну.

Руководство Пакистана словами государственного министра иностранных дел З. Нурани в ответ на просьбу ИСМА о признании «временного» или «переходного» правительства заявило, что Пакистан «с пониманием и позитивно» рассмотрит просьбу ИСМА о признании временного правительства, которое должно отвечать положениям международного права и следующим трем условиям: оно должно контролировать значительную часть территории страны, осуществлять управление этой частью территории и пользоваться поддержкой населения этой территории². Как видим, эти наставления афганской контрреволюции со стороны ее ближайшего союзника весьма напоминают советы, которые представители афганской оппозиции получили в Вашингтоне в июне 1986 г. Признание пакистанского руководства не последовало, но пути для достижения этого признания были очерчены довольно четко.

В июне 1988 г. альянс шиитских афганских оппозиционных организаций с центрами в Иране заявил, что «временное правительство», созданное в Пакистане, об-

речено. В заявлении говорилось, что единственно возможное и практическое решение вопроса о будущем Афганистана заключается в формировании «революционного совета» с участием всех шиитских и суннитских группировок, базирующихся как в Иране, так и в Пакистане. Заявление шиитских оппозиционных организаций, переданное по тегеранскому радио, отражало отношение к «переходному» правительству Ахмад Шаха, не только шиитских оппозиционных организаций, но и руководства Ирана.

Не откликнулась на обращение ИСМА о признании «переходного» правительства и администрация США. Причин тому несколько. Если вернуться назад, в июнь 1986 г., когда в Вашингтоне состоялась первая встреча президента с делегацией афганской вооруженной оппозиции во главе с Б. Раббани, то надо вспомнить, какие положения выдвинуло руководство США в качестве условий для официального признания правительства, которое тогда только собирался создать ИСМА.

Основным условием было наличие общих признаков правительства: контролируемая и управляемая им территория (в условиях Афганистана «освобожденные районы»), способность обороны этой территории, в том числе средствами ПВО, создание правительства не в эмиграции, а на территории самого Афганистана. Кроме того, настоятельно рекомендовалось достижение единства в рядах оппозиции, широкий выход на международную арену, завоевание авторитета в Движении неприсоединения, в ОИК. Подразумевалось, что признание со стороны США последует после признания со стороны исламских стран и организаций. Несмотря на оптимистические заверения Б. Раббани, ни одно из этих условий к моменту создания правительства во главе с Ахмад Шахом полностью выполнено не было. В то же время обстановка в Афганистане по сравнению с тем периодом значительно изменилась, и прежде всего в том смысле, что было принято политическое решение о выводе советских войск.

Казалось бы теперь, в этих новых условиях американцы могли бы пойти на официальное признание своих подопечных. Но этого не произошло. Более того, еще накануне создания правительства Ахмад Шаха американцы рекомендовали руководству Пакистана и ИСМА воздержаться от этого шага, рассматривая его как «преждевременный и неуместный». Известно, что в американских правящих кругах отсутствовало единство взглядов по

вопросу. Такие ястребы и покровители афганской вооруженной оппозиции, как сенатор Гордон Хамфри, побуждали администрацию открыто приветствовать создание «кабинета» Ахмад Шаха. Государственный департамент занимал сдержанную позицию. На слушаниях в сенате Гордону Хамфри отвечал заместитель госсекретаря США по политическим делам Майкл Армакост, который ограничился тем, что зачитал заранее заготовленный текст, в котором была выражена надежда, что афганцы смогут сами «разработать процесс избрания правительства, которое будет представлять афганское общество» и что «они (пешаварские моджахеды) не начали действовать как правительство».

Осторожность США продиктована несколькими соображениями. Во-первых, вопреки американским рекомендациям правительство создано не на афганской территории. Во-вторых, существовали опасения, что пешаварская группировка по мере развития событий может оказаться «не у дел», что президент Наджибулла «может остаться у власти дольше, чем думают», как выразился один из американских официальных чиновников, что численное большинство и преимущественное влияние в «кабинете» Ахмад Шаха исламских фундаменталистов усилит раскол среди моджахедов, что в состав «правительства» не вошел ни один из военных руководителей оппозиции, действующих на территории Афганистана.

Приведенное высказывание М. Армакоста показывает, что американскую администрацию в определенной степени смущает тот факт, что «кабинет» Ахмад Шаха не имеет выборного начала и что афганская вооруженная оппозиция «не начала действовать как правительство». Последняя часть формулировки скрывает правду о кровавой деятельности вооруженных отрядов оппозиции. В марте 1988 г. американский Комитет по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений и Комитет «Эйша уотч» подготовили и опубликовали доклад своей совместной делегации, посетившей Пакистан, в котором показана «деятельность» афганской вооруженной оппозиции в области прав человека. Оба комитета пришли к единодушному выводу, что «организации сопротивления» широко практикуют казни пленных зачастую после суда, который «во многих аспектах не проходил должным образом». В докладе особо отмечается хекматъяровская ИПА, действия вооруженных отрядов которой в 1987 г. «стали еще более жестокими и включали политические

убийства, захват заложников, похищения людей... Это вызывает особое беспокойство, поскольку правительство Пакистана отдает предпочтение именно ИПА, которая получает непропорционально большую долю оружия и техники».

Признать американцам «правительство», которое не просто «не начало действовать как правительство», а занимается уничтожением своего же народа не так-то легко. И все же не только эти внешне гуманные соображения послужили причиной задержки признания «правительства» Ахмад Шаха. Американская администрация, помимо прочего, видимо, опасалась, что подобный шаг мог бы затруднить для Советского Союза вывод войск из Афганистана.

Создание «переходного» правительства было болезненно встречено и в самом ИСМА, вызвало в союзе вспышку новых противоречий. Хотя о создании правительства было сообщено, состав его не объявлялся. Можно предположить, что организации, входящие в ИСМА, еще не смогли договориться о представительстве в этом правительстве и о распределении портфелей. И только через месяц, в марте 1988 г., стало известно, что правительство сформировано из 28 человек: 14 представителей моджахедов, 7 представителей беженцев и 7 «независимых» из числа афганцев, находящихся в оппозиции к руководству РА. Лидеры ИСМА в состав правительства не вошли, они должны были образовать Высший совет — государственный орган, в задачу которого входило бы обеспечение коллективного руководства в «переходный период» т. е. в период после вывода советских войск и захвата власти оппозицией и до проведения выборов по всей стране. При избрании главы правительства, который официально именуется его председателем, возникли разногласия. Их участники те же, их позиции прежние. Традиционалисты предлагали избрать на этот пост бывшего короля Захир Шаха, фундаменталисты категорически возражали. Но их большинство, и оно провело кандидатуру Ахмад Шаха, мало известного за рамками ИСМА, имевшего репутацию проамерикански настроенного деятеля.

О том как относилась афганская исламская оппозиция к женевским соглашениям в период борьбы за их подписание и непосредственно после подписания, т. е. в наиболее напряженный момент развития событий вокруг проблемы Афганистана, к чему она стремится, чего добивается, пожалуй, нагляднее и убедительнее всего говорит

официальный дневник ИСМА, в котором зафиксирована деятельность альянса в период трехмесячного пребывания Г. Хекматъяра на посту председателя ИСМА (с 15 марта по 14 июня 1988 г.). Дневник опубликован в органе Исламской партии Афганистана газете «Шахадат» 14 июня 1988 г. Приведем без комментариев хотя бы выдержки из него, поскольку дневник очень пространный.

15—20 марта 1988 г. во время пресс-конференции, отвечая на вопрос одного из журналистов, Г. Хекматъяр заявил: «Для поиска пути решения проблемы Афганистана необходимы прямые переговоры между русскими и моджахедами, а не между Пакистаном и правительством Наджиба. Поскольку правительство Наджиба является основным фактором возникновения афганской проблемы, отыскать путь ее решения без свержения самого правительства невозможно».

В открытом письме генеральному секретарю ОИК, генеральному секретарю ООН и госсекретарю Дж. Шульцу лидер ИПА, в частности, утверждал: „Никто не должен присваивать себе право принимать решение о будущем правительстве Афганистана, что противоречит праву народа определять свою судьбу, а также представлять в международном сообществе нашу страну как маломощную и нейтральную“.

На заседании Высшего совета ИСМА 22 марта 1988 г. было решено, в частности, еще раз изучить следующую формулировку, относящуюся к будущему статусу Афганистана: «Афганистан является свободным, независимым, неделимым, исламским, неприсоединившимся государством, он выражает свое свободное и активное мнение по международным проблемам и ни в коем случае не превращается в нейтральную страну». 27 марта 1988 г. Секретариат ИСМА направил генеральному секретарю ООН и его заместителю Д. Кордовесу, государственному секретарю США Дж. Шульцу и генеральному секретарю ОИК срочную телеграмму. «На международном уровне ведутся переговоры о выводе русских солдат из Афганистана и о будущем правительстве Афганистана. Однако мы всегда осуждали и осуждаем нынешнюю направленность женевских переговоров и еще раз подтверждаем, что будем продолжать свой вооруженный джихад до тех пор, пока русские без всяких условий и полностью не покинут Афганистан. Афганистан является свободной, независимой, неделимой, исламской и неприсоединившейся страной, выражает свободное и активное мнение в

цМашдуародных вопросах и ни в коем случае не может быть принято только и только моджахедами...».

28 марта 1988 г., находясь в Лахоре, Г. Хекматъяр выступил на встрече с судьями и адвокатами высшего суда Лахора с резким осуждением позиции Индии в отношении афганской проблемы. Он заявил, что Раджив Ганди должен прекратить враждебные нападки на намерение установить в Афганистане исламское правление. Установление исламского режима в Афганистане будет не только в интересах Пакистана, но и в интересах Индии, поскольку исламские моджахеда перекрывают путь русским экспансионистам на юг и задерживают их в горах Гиндукуша. В своем выступлении он уверял присутствующих, что русские в Афганистане потерпели поражение, кремлевские руководители сами признали свою ошибку в вопросе вмешательства в Афганистане, и теперь, когда им не удалось подавить сопротивление, они вынуждены покинуть Афганистан.

ИСМА опубликовало 28 марта 1988 г. в Исламабаде следующее заявление: «Русские вынуждены покинуть Афганистан... Их наемники с ужасом думают о своей судьбе после ухода советских войск, они страшатся за свое будущее и под различными предлогами пытаются отодвинуть сроки вывода русских сил. С другой стороны, они ведут себя как утопающие, которые, пытаясь спастись, беспорядочно машут руками: они стараются втянуть других в свои преступные действия и тем самым сделать других своими сообщниками. С этой целью они установили контакты с некоторыми нашими командирами и предлагают им министерские посты и другие ответственные должности. Однако наши моджахеда дали ясный ответ, что пока русские не уйдут из Афганистана, пока не будет свергнуто правительство Наджиба, пока в свободном и неделимом Афганистане не будет создано исламское правительство, они не сложат оружие». Двумя днями позже Хекматъяр заявил, что русские подняли вопрос о линии Дюранда * для того, чтобы оказать давление на Пакистан на переговорах в Женеве. Они пытаются не разрешить, а запутать проблему.

На следующий день, 1 апреля 1988 г., Г. Хекматъяр

* Вопрос о линии Дюранда был поднят на женевских переговорах не советской, а пакистанской стороной с целью затяжки или срыва переговоров. Приведенное заявление Г. Хекматъяра не соответствует действительности.

чоропится в очередной раз заявить о позиции ИСМА: «Без согласия моджахедов никакое взаимопонимание и никакое решение афганского кризиса невозможно. Мы выиграли эту войну благодаря: своим мощным возможностям и принесенным жертвам. Секрет нашего успеха в том, что мы принесли в жертву 1,3 млн жизней, в том, что 5 млн беженцев переносят лишения и страдания».

15 апреля 1988 г. В Чамкани (Пешавар) состоялся митинг, в котором участвовали представители всех фронтов и групп ИСМА. По инициативе руководства альянса в принятой резолюции названы следующие причины отказа признать женевские соглашения:

в женевских переговорах не принимали участия представители народа; в них не соблюдены положения Устава ООН, подтверждающие право народов самим определять свою судьбу без угроз и давления извне; на переговорах в Женеве было нарушено положение Устава ООН, которое предусматривает, что генеральный секретарь ООН обязан добиться быстрого и справедливого решения проблемы в результате участия всех сторон, имеющих отношение к проблеме. Моджахеда Афганистана являются одной из сторон конфликта, но контакты с их представителями никто не устанавливал и решение принималось в их отсутствие; женевские соглашения вместо того, чтобы обязать русских не вмешиваться в будущем в афганские дела и одновременно с выводом своих войск покончить с продажным правительством, которое они с помощью своих солдат навязали афганскому народу, предусматривают продолжение существования марионеточного режима Наджиба и подписание соглашения о невмешательстве между правительством Пакистана и этим режимом.

В связи с изложенным, пока не будет свергнуто продажное правительство в Кабуле, пока не прекратится прямое вооруженное вмешательство русских, эти позорные и несправедливые женевские соглашения будут неприемлемы для афганского народа. 17 апреля 1988 г. временное правительство моджахедов Афганистана решило создать три группы для отправки в три региона Афганистана для выбора места дислокации временного правительства. Группа во главе с Мухаммадом Ясиром направится в район Азара, группа Хаджи Мотиуллы — в район Ургуна, группа Мухаммеда Исмаила Садики — в район Абадани (все районы, приграничные с Пакистаном.— В. С.). Группы отправляются 23 апреля 1988 г.

При выборе района возможной дислокации правительства они должны учитывать следующие обстоятельства: географические характеристики местности, степень влияния в районе моджахедов, отношение населения к моджахедам, расстояние от намеченного района до Пакистана, маршруты передвижения, необходимые меры безопасности и возможность обороны района, расстояние до центров дислокации противника.

24 апреля 1988 г. Специальная комиссия выработала перечень положений, которые должны быть включены в тексты резолюций ближайших митингов беженцев и моджахедов. Вот эти положения: осуждение саурского переворота (апрельская революция 1978 г.) и злодейских действий Хальк и Парчам; подтверждение необходимости продолжать джихад; осуждение преступных действий русских; неприятие так называемого национального примирения; несогласие с коалиционным правительством при участии коммунистов; несогласие с позорными женеvскими соглашениями; призыв исламских правительств к признанию временного правительства моджахедов.

Председатель ИСМА дал в апреле указание судейской коллегии ИСМА о суде над центральным комитетом коммунистов, в том числе над Наджибом. В письменном указании говорится: «Сейчас, когда русские поняли, что ввод войск в Афганистан был большой ошибкой и подписали соглашение о выводе войск, нет сомнения в том, что после ухода русских войск продажный режим Наджиба рухнет... Необходимо уже сейчас принять в соответствии с шариатом решение в отношении тех лиц, которые в течение прошедших 10 лет бок о бок с иностранными войсками воевали против народа и несут ответственность за гибель 1,3 млн погибших, а также за разрушение страны и страшные преступления 10-летнего периода. Несмотря на то что мы объявили всеобщую амнистию для тех, кто раскаялся и возвращается в объятия народа, у некоторых лиц руки настолько обгажены кровью наших соотечественников, они настолько погрязли в преступлениях, что все двери для возвращения в объятия народа для них закрыты. И я в качестве председателя ИСМА хочу, чтобы в отношении такого рода преступников было вынесено строгое решение согласно нормам шариата. По моему мнению, состав ЦК НДПА, включая Наджиба, уже сейчас должен быть заочно осужден и приговор, вынесенный в соответствии с законами шариата, должен быть объявлен народу, с тем чтобы после ухода русских

он был приведен в исполнение... Считаю также мощад подходящим, чтобы объявить всему народу, что с настоящего времени отменяется обмен русских пленных, их следует держать в наших руках до тех пор, пока русские не уйдут из Афганистана, пока не рухнет правительство Кабула и не будет установлено исламское правление. Вот тогда мы обменяем пленных русских на тех афганцев, которые подлежат нашему суду и скроются в России».

27 апреля 1988 г. Г. Хекматьяр беседовал с группой дипломатов, в числе которых находились посол ФРГ, посол Греции, советник-посланник Дании, председатель комиссии Европейского сообщества. Дипломатические представители заверили лидера ИПА, что постараются сделать все для официального признания временного правительства и прекращения сотрудничества с незаконным правительством Наджиба. В тот же день Г. Хекматьяр встретился с послом Швеции в Пакистане и с послом Финляндии в Иране. Разговор шел о выполнении женеvских соглашений и о миссии наблюдателей ООН. Г. Хекматьяр разъяснил, что поскольку моджахеды не участвовали в переговорах, то они не имеют никаких обязательств в отношении миссии ООН. Во время встречи с членом парламента ФРГ Бенбеком последний информировал Г. Хекматьяра о своем решении поставить вопрос о признании временного правительства моджахедов на заседании парламента ФРГ. На встрече Г. Хекматьяр заявил, что русские должны компенсировать расходы по восстановлению страны и убрать 5,5 млн противопехотных мин, установленных ими в различных районах страны.

В тот же день, 27 апреля 1988 г., Высший совет ИСМА принял решение о создании на уровне уездов и волостей на территории Афганистана местных советов (пгура), которые выполняли бы управленческие функции и одновременно являлись бы комиссиями по проведению выборов. Было решено создать министерства временного правительства, которые в надлежащее время смогли бы приступить к работе. Среди них: министерство иностранных дел, внутренних дел, просвещения, наставления и ориентации, финансов, юстиции, расселения и восстановления, научных исследований, здравоохранения, сельского хозяйства, планирования. 29 апреля Высший совет принял следующие решения: с уходом русских войск районы страны будут переходить под контроль моджахедов. Для ускорен-

НИИ этого процесса моджахеды Должны координировать между собой боевые действия; всем членам Высшего совета следует в будущем выехать на территорию Афганистана в заранее назначенные районы для поднятия морального духа моджахедов; надлежит назначить комиссию по выборам на уровне каждого уезда и волости, избрать на этих же уровнях местные советы (шура). Каждый уезд будет иметь своего правителя-хакима и губернато-рвали.

8 мая 1988 г. состоялась встреча руководителей ИСМА с руководителями и представителями исламских партий Пакистана. Обсуждался вопрос об укреплении взаимопонимания между афганскими партиями, ведущими джихад, и Пакистаном. Г. Хекматъяр в своем выступлении сказал: «Теперь нет сомнений в том, что народы Пакистана и Афганистана являются пассажирами одного корабля и имеют одинаковую судьбу. У них один и тот же враг и они не могут жить отдельно друг от друга».

21 мая 1988 г. «правительство» моджахетов приняло решения, в соответствии с которыми председатель правительства направляет в различные страны делегации для представления правительства, а также о том, что отныне все комитеты и комиссии, в том числе имеющие отношения к джихаду, работают под руководством временного правительства.

22 мая 1988 г., выступая в клубе печати в Равалшшиди, Г. Хекматъяр заявил, что он отверг предложение Д- Кордовеса о проведении в масштабе страны Лойя джирги, поскольку в настоящее время временное правительство осуществляет подготовку к выборам и, следовательно, проведение джирги не является необходимостью. 28 мая 1988 г. Высший совет ИСМА отверг большинством голосов предложение Д. Кордовеса о встрече и переговорах с целью создания коалиционного правительства Афганистана.

«Дневник» деятельности Г. Хекматъяра и Высшего совета ИСМА за трехмесячный период с 15 марта по 15 июня 1988 г. позволяет сделать некоторые выводы, хотя документ был предназначен прежде всего для руководящих кругов Исламской партии Афганистана и, несомненно, прошел через партийные цензурные рогатки. Обращает на себя внимание боязнь Высшего совета утратить контроль над «правительством», полная подчиненность и зависимость «правительства» от Высшего со-

вета. Заклинания о единстве в рамках ИСМА не могут скрыть внутренних противоречий внутри альянса, четко просматривается авторитарный стиль руководства Г. Хекматъяра. Но главное — создается впечатление, подкрепляемое другими данными, о которых говорилось выше, об определенном разрыве между «политиканами» в Пешаваре и командирами, руководящими боевыми действиями непосредственно в Афганистане, о попытках «политиканов» сохранить контроль над действиями вооруженной оппозиции на территории страны. При этом следует иметь в виду, что период руководства ИСМА со стороны Г. Хекматъяра пришелся на самый активный момент переговоров о заключении женеvских соглашений, и тем не менее в приведенном документе отсутствует сколько-нибудь глубокий анализ обстановки вокруг Афганистана и внутри его, если не считать трафаретных и избитых фраз о русских * и о «продажном режиме Кабула».

В мае 1988 г., после начала вывода из Афганистана советских войск, руководство ИСМА созвало в Пешаваре совещание с участием военных руководителей ИСМА и «полевых» командиров афганской вооруженной оппозиции, действующих на территории Афганистана. Участники наметили единую тактику на период вывода советских войск, а также общую военно-стратегическую линию с целью свержения правительства РА после ухода советских войск. «Пешаварская семерка» и «полевые» командиры решали пути, методы, интенсивность переброски на территорию Афганистана с помощью пакистанских властей накопленного на базах и складах оружия и военного имущества и отработывали новую систему передачи и распределения поступающего из-за рубежа оружия и снаряжения вооруженным отрядам, действующим в Аф-

* Афганская исламская оппозиция не употребляет таких терминов, как «Советский Союз», «советские войска». Тому есть несколько причин. Одна из них: наше слово «советы» в переводе совпадает с арабским словом «шура» (выборный исламский совет). Поэтому, как считает исламская оппозиция, не следует использовать чисто мусульманский термин «шура» применительно к Советскому Союзу. Вторая причина: афганская исламская оппозиция не признает вхождения среднеазиатских республик в состав Советского Союза, поэтому в своих печатных изданиях, выступлениях, документах афганская исламская оппозиция предпочитает использовать термины «Россия»^ «русские» обычно с добавлением оскорбительных эпитетов «дикие», «варвары», «кровожадные» и т. д.

ганистане напрямую, минуя пакистанских военных штабы партий, входящих в ИСМА. Таким образом, каш отмечали западные обозреватели, основные «полевые» командиры ИСМА, получив прямой доступ к оружию, становились менее зависимыми от гражданских лидеров ИСМА, от «тыловиков» и «политиканов», что могло «за-» крепить существенный сдвиг в распределении власти, которая переходит из рук погрязших в конфликтах гражданских политиков к более прагматичным лидерам, действующим на территории Афганистана⁴⁵. По мнению этих же обозревателей, запасов оружия и снаряжения, перебрасываемых на новые склады на территории Афганистана, должно хватить для ведения боевых действий на год, т. е. и на некоторое время после 15 февраля 1989 г. — срока окончания вывода советских войск.

Наибольшие разногласия в руководстве ИСМА и среди «полевых» командиров вызвал вопрос о целесообразности проведения военных операций против советских войск в период их вывода из Афганистана. По некоторым данным, ЦРУ США «неофициально» рекомендовало вооруженной оппозиции воздержаться от проведения операций против советских воинских частей, постов и колонн после 15 мая 1988 г. и до конца вывода войск, чтобы сохранить свои силы для единоборства против регулярной афганской армии после ухода русских. Мнения в руководстве ИСМА разделились. За продолжение военных операций высказались прежде всего фундаменталисты: Г. Хекматъяр, А. Сайяф и Ю. Халес. Б. Рабани занял осторожную позицию, поскольку его основной военачальник Ахмад Шах Масуд, не очень-то считающийся со своим партийным лидером, выступил за то, чтобы «дать русским спокойно уйти». Три традиционалистских лидера — С. Моджадди, С. А. Гилани и М. Наби Мухаммади в целом прислушались к рекомендациям американской разведслужбы и заняли позицию, близкую к позиции Ахмад Шаха Масуда.

Единого решения принято не было. Каждый лидер ИСМА действовал по своему усмотрению. Мало того, даже в рамках одной организации различные командиры действовали так, как считали нужным. Так, Ахмад Шах Масуд дал своим подразделениям команду беспрепятственно пропускать советские колонны и грузы по дороге Кабул-Саланг, в то же время «выбивать» афганские военные колонны.

Абдул Хак — известный в центральных районах стра-

ны военачальник организации Ю. Халеса «. (30 лет) бывший учитель, уже побывавший в __ представителя афганской вооруженной оппозиции в доне, где был принят в самых высоких политических кругах, в том числе премьер-министром Тэтчер, и в США, где лечил раненую ногу, в интервью с иностранным корреспондентом заявил, что созданное переходное правительство не является представительным и не отражает чаяния афганцев. «Если этим политикам,— предупреждающее заявил он в адрес руководителей „альянса семи“,— не удастся обеспечить решение проблем, у народа будет единственный выбор — либо согласиться на Наджиба, либо выйти из этих организаций и самому искать какой-то путь».

В то время как Ахмад Шах Масуд приступил к созданию воинских частей афганской оппозиции, входящей в ИОА, батальонов, полков, т. е. военных формирований, построенных на принципах регулярной армии, поскольку он убежден, что взять Кабул штурмом партизанских отрядов невозможно, Абдул Хак высказался против операции по захвату Кабула, ссылаясь на то, что такая операция привела бы не только к гибели людей, но и к разрушению афганской столицы. «Нас никто не торопит,— заявлял он,— нужно действовать в психологическом плане с целью деморализации армии и усиления нажима на население. Тогда правительство падет само собой». Абдул Хак подверг критике поспешные попытки овладеть Джелалабадом и Кандагаром после ухода отсюда советских войск, считая, что следует сосредоточить свои усилия на Кабуле. Он высказался также против формирования переходного правительства на территории Пакистана или на афганской территории в районе афгано-пакистанской границы, обосновывая свое мнение тем, что это привело бы страну к разделу и породило бы гражданскую войну.

Ахмад Шах Масуд после вывода советских и афганских войск из знаменитой Панджширской долины, которая была объектом кровопролитных сражений, установил свой полный контроль над ней, обеспечил для своих подразделений выход из долины в центральные и северные районы Афганистана и создал и возглавил в северных провинциях страны коалиционный «Совет Севера», в который вошли военные руководители вооруженных отрядов ИОА и ИПА при преимущественном влиянии ИОА ».

Таким образом, роль «полевых» командиров афган-1ской вооруженной оппозиции велика, и она все более! возрастает, чего не могут не понимать все стороны — j участники противоборства. Руководство РА неоднократно через головы пешаварских лидеров обращалось ко «второму эшелону» вооруженной оппозиции, т. е. к «полевым» командирам, с призывом пересмотреть свои позиции и принять участие в коалиционном правительстве, органах государственной власти. В то же время политические лидеры ИСМА прилагают усилия к сохранению своего контроля над «полевыми» командирами. Внимательно следят за взаимоотношениями между энергичными, авторитетными, располагающими реальной военной силой «полевыми» командирами и политические лидеры ИСМА в Пешаваре, и американцы. Так, директор Института дипломатии Джорджтаунского университета, бывший заместитель государственного секретаря США по политическим делам Дэвид Ньюсом не исключает, что в такой ситуации может возникнуть и другое осложнение, которое, по его мнению, является характерной чертой любой революционной ситуации, как, например, той, что сложилась в Алжире: когда наступает прекращение огня, те, кто сражался внутри страны, будучи менее известными окружающему миру, бросают вызов руководству, действующему в изгнании. Имея репутацию героев и опираясь на решительную поддержку своих войск, они ведут переговоры с позиции силы⁴⁷. Создается такое впечатление, что Г. Хекматъяр в своих рассуждениях о неудаче фундаменталистской «революции» в Алжире (см. выше) и Дэвид Ньюс, тоже приводящий в пример Алжир, словно обменивались мнениями о таком возможном повторении алжирского варианта, каждый со своими оттенками в этих мнениях.

Время показало, что «правительство» Ахмад Шаха пока не сыграло сколько-нибудь значительной роли как в деле стабилизации обстановки в самом ИСМА — «альянсе семи», так и в вопросе привлечения поддержки международных сил, на что явно рассчитывали инициаторы его создания. Более того, его создание еще более обострило отношения между лидерами ИСМА, между пешаварским руководством и «полевыми командирами», действующими в Афганистане, между ИСМА и руководством хомейнистского Ирана, а также окопавшейся в Иране афганской оппозицией. «Правительство» не было поддержано ни ОИК, ни основными мусульманскими

странами, ни США и их союзниками. Оно было создано искусственно и не имеет под собой никакой основы.

Мировая общественность отдала должное ООН, под эгидой которой проходили и завершились женеvские переговоры, а также лично заместителю генерального секретаря ООН Д. Кордовесу, приложившему много усилий, чтобы довести, несмотря на трудности, переговоры до их логического завершения — подписания соглашений. Сам Д. Кордовес понимал, что подписание соглашений еще не означает, что политическое урегулирование стало реальностью, он считал своей задачей подготовку варианта внутреннего урегулирования, который в максимальной степени отвечал бы интересам различных политических сил — как непосредственных участников конфликта, так и государств, в той или иной степени причастных к конфликту. По мнению автора, в ходе выполнения своей миссии Д. Кордовес соблюдал или старался соблюсти объективность по отношению ко всем участникам конфликта. Это неоднократно вызывало недовольство со стороны США и враждебное к нему отношение со стороны фундаменталистской исламской оппозиции.

В июле 1988 г. Д. Кордовес предложил план решения внутренних аспектов афганской проблемы, согласно которому будущее Афганистана должны решать прежде всего сами афганцы, что будет способствовать развитию внутриафганского диалога. Конкретно план Кордовеса предусматривал предложение о прекращении огня всеми враждующими сторонами с 1 сентября 1988 г., создание после консультаций со всеми сторонами нейтрального «национального правительства мира и восстановления», «включающего в себя авторитетных афганских деятелей. Он» должно было бы подготовить и до 1 марта 1989 г. провести обязательно на территории Афганистана Лоя джиргу, которая, в свою очередь, к 15 марта 1989 г. дзбрала бы новое постоянное правительство Афганистана⁴⁸.

План Д. Кордовеса предусматривал также привлечение к участию во внутреннем урегулировании командиров вооруженных отрядов оппозиции и вождей племен, не входящих в экстремистские фундаменталистские организации, лидеров трех традиционалистских организаций ИСМА, выступающих за возвращение в Афганистан бывшего короля М. Захир Шаха, а также части афганских беженцев. Достаточная роль при этом отводилась существующей в Афганистане государственной структуре и ее

деятелям. Как известно, оппозиция отвергла план мирного урегулирования. Мы не хотим такое правительство, которое предлагает Кордовес, заявляли *её* лидеры. Высказавшись за правительство «без коммунистов и без оппортунистов», Ахмад Шах пояснил, что под оппортунистами он имеет в виду афганских эмигрантов в США и других странах западного мира. «Пусть те, кто стоял в стороне (от вооруженной борьбы.— *В. С.*), примут участие в восстановлении Афганистана, но в качестве руководителей они неприемлемы. Это относится и к Захир Шаху». На вопрос, не приведут ли разногласия по вопросу о бывшем короле к распаду «альянса семи», Ахмад Шах ответил: «Нет, не приведут. С тех пор, как были подписаны женевские соглашения, моджахеды единодушны по всем пунктам... Правительство будет избираться не вождями племен, не духовенством и представителями культурной элиты, не руководителями вооруженных сил или другими кругами, входящими в ИСМА, а путем всеобщих выборов. В этом вопросе нет более никаких разногласий»... «Мы уже контролируем 85 процентов территории Афганистана,— продолжал Ахмад Шах,— на севере, западе, юге и в центре страны мы уже определили города, откуда можно будет руководить проведением выборов... При этом мы не допустим, чтобы хоть один коммунист смог играть важную роль»²⁷.

Заявление Ахмад Шаха о том, будто моджахеды «единодушны по всем пунктам», рассчитано на внешнее потребление и не соответствовало действительности. На практике дело обстояло не так. Подчинившись фундаменталистскому большинству в ИСМА, а точнее, принципу единогласного принятия решений, традиционалисты в общем составе ИСМА отказались от встречи с Д. Кордовесом. Но свои мнения о плане Д. Кордовеса, отличные от фундаменталистских, в рамках своих организаций они все же высказали.

С. А. Гилани не как председатель ИСМА, которым он в тот период являлся, а как лидер традиционалистского НИФА приветствовал инициативу Д. Кордовеса и призвал другие партии «оставить двери открытыми» для дальнейших переговоров³⁰. Представляет интерес позиция С. А. Гилани в вопросе о судьбе советских военнослужащих, оказавшихся в руках афганской вооруженной оппозиции. Он заявил, что «моджахеды готовы на переговоры с Москвой о судьбе 311 пленных» и «если Москва направит свою делегацию для обсуждения вопроса об

освобождении пленных, мы также назовем состав своей делегации»^{*}.

Со своей стороны руководитель НФСА С. Моджадди опубликовал 18 июля 1988 г. коммюнике, в котором подчеркнул, что фронт «благожелательно отнесется к усилиям Кордовеса по мирному урегулированию афганской проблемы при условии, что эти усилия нацелены на установление нейтрального правительства, в которое входили бы приверженцы ислама, патриоты, придерживающиеся нейтральных позиций». При этом, однако, подчеркивалась необходимость «полного устранения нынешнего кабульского режима».

План Д. Кордовеса не поддержали ни США ни Пакистан, которые, по мнению западных обозревателей, «полагают, что будущее Афганистана будет зависеть от исхода вооруженной борьбы и пока не намерены содействовать какому-либо компромиссу с просоветским кабульским режимом».

А что же думают в Вашингтоне о послежневском периоде решения афганского кризиса? Позиция США наиболее подробно изложена в статье бывшего заместителя госсекретаря США по политическим делам, директора Института дипломатии Джорджтаунского университета Д. Ньюсома³¹. По его мнению, США сосредоточивают сейчас (т. е. после Женева) и в связи с выводом советских войск, а также в связи с активизацией действий в Афганистане вооруженной оппозиции.— *В. С.*) внимание на вопрос, как Соединенным Штатам действовать далее в случае успеха.

По мнению Д. Ньюсома, Вашингтон рассчитывает, что режим, который возникнет в Кабуле, будет демократическим по характеру, уважительно относящимся к правам человека, не представляющим угрозы своим соседям, а также дружественным по отношению к США и их глобальной политике. Подразумевается, что США будут иметь «постоянное влияние на любое руководство, которое придет к власти с помощью оружия, поставляемого США. Осуществление этих надежд США зависит, по меньшей мере, пишет Д. Ньюсом, от четырех факторов: характера будущего режима, обязательств этого режима

^{*} 27 ноября 1988 г. в Исламабаде состоялась первая встреча сотрудников Посольства СССР с представителями афганской оппозиции, где обсуждалась тема освобождения советских военнослужащих, захваченных в Афганистане.

перед США, роли региональных держав и использования оружия, поставляемого США, в будущем. Д. Ньюсом подробно рассматривает эти четыре фактора.

Первый фактор — характер будущего режима. Эксперты в администрации США предполагают, что моджахеды в конечном счете захватят Кабул и свергнут коммунистический режим, оставшийся после ухода Советов; вопрос о том, как скоро это произойдет, относится к области догадок. По мнению Д. Ньюсома, надежды на то, что исламский режим в Кабуле, в случае его создания, будет соблюдать права человека и демократические принципы, вряд ли обоснованы, «в этих вопросах такая модель режима будет далека от западной демократии».

Второй фактор — обязательства будущего режима перед США. Вашингтон исходит из того, что руководство сопротивления признает, что оно в долгу перед США, поставляющими ему оружие. Но иногда в ходе революционных ситуаций появлялось политическое руководство, убежденное в том, что оно должно отмежеваться от других держав. Возможно, так оно и будет, если новое афганское руководство станет решительно ориентироваться на ислам. Если такое руководство сочтет, что оно обязано проводить политику неприсоединения, то его поддержка глобальной политики США может оказаться ограниченной.

Третий фактор — роль региональных держав. Помимо США, силам сопротивления поставляли оружие и снаряжение такие страны, как Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, Иран. Новый кабульский режим будет испытывать нажим с различных сторон — со стороны соседей и других исламских стран, что может еще больше ослабить его поддержку политики Соединенных Штатов.

Четвертый фактор — использование американского оружия в будущем. США поставили силам сопротивления оружие и военного снаряжения на миллионы долларов.

Большая часть этих запасов сохранится после ухода советских войск из Афганистана. Эти запасы пополнятся за счет снаряжения, захваченного у афганской армии. Было бы нереалистичным предполагать, считает Д. Ньюсом, что группировки, соперничающие за власть в Кабуле, не поддадутся искушению и не повернут это оружие друг против друга.

Таким образом, — заключает свой анализ Д. Ньюсом, — способность США создавать политические режимы

по своему вкусу ограничена, даже если Вашингтон поставит оружие.

Вернемся к событиям, происходившим в Афганистане. В развитие программы национального примирения, предусматривающей расширение социальной базы режима, в Кабуле в июне 1988 г. приступил к работе только что созданный Национальный совет (парламент) РА. Перед этим, в конце мая 1988 г., было сформировано новое правительство во главе с Мухаммадом Хасаном Шарком. Из 30 министров нового правительства лишь 11 были члены НДПА. 16 постов было предоставлено беспартийным. В правительство вошел представитель Партии крестьянской справедливости Афганистана (ПКСА) и представитель Народной исламской партии Афганистана (НИПА). Таким образом, в новом правительстве были представлены члены четырех партий и беспартийные. Среди последних — лица монархических убеждений, чиновники королевского и даудовского режимов, авторитетные общественные деятели.

С началом вывода советских войск из Афганистана 15 мая 1988 г. афганская исламская оппозиция значительно активизировала свою вооруженную деятельность на территории страны. Воспользовавшись выводом советских войск из южных и юго-восточных районов страны, а также оттягиванием к северу частей афганской армии с целью создания свободных от войск районов для возможного перемещения в них афганских беженцев, возвращающихся из Пакистана, вооруженная оппозиция расширила районы своих действий, накапливая силы вокруг населенных пунктов юга и юго-востока страны и прежде всего вокруг Кандагара и Джалалабада. Начались регулярные обстрелы Кабула ракетами, что, по мнению руководителей вооруженной оппозиции, должно было оказать психологическое воздействие на население столицы и продемонстрировать ее растущую военную мощь. Подвергались ракетному обстрелу также Кандагар, Джалалабад, Газни, Калат.

Из Пакистана в Афганистан усилились поставки оружия и военного снаряжения. В срочном порядке в приграничных с Пакистаном районах создавались укрепленные районы, военные базы, склады. Резко увеличились поставки моджахедам оружия из-за рубежа. Американцы увеличили поставки ракет «земля-земля» с дальностью действия до 30 км, современные средства ПВО (прежде всего ракеты «Стингеры») и средства разминирования. В ре-

зультате насыщения отрядов вооруженной оппозиции средствами ПВО значительно сократилась деятельность 1 афганской боевой и транспортной авиации. С 15 мая 1988 г. и по 14 октября 1988 г. вооруженные отряды оппозиции сбили 14 самолетов и 36 вертолетов афганских ВВС. Была предпринята попытка овладеть некоторыми провинциальными центрами, откуда были выведены советские войска. 24 июня 1988 г. ее отрядам удалось на некоторое время захватить центр провинции Вардак — город Майданшахр. Со стороны оппозиции в боях за город участвовали более 2 тыс. человек. В июле 1988 г. подвергся длительной осаде и штурму центр провинции Заболъ город Калат. Осаждавшие были разгромлены подтянутыми из других районов войсками, но Калат — небольшой населенный пункт с примерно 7 тыс. жителей был разрушен.

В ночь на 10 августа 1988 г. вооруженные отряды военого лидера ИОА Ахмад Шаха Масуда и присоединившиеся к ним отряды других исламских организаций овладели центром провинции Кундуз — городом Кундузом. Предательство, халатность и трусость местных руководителей, оставивших без руководства военный гарнизон численностью около 4 тыс. человек, привели к тому, что исламская оппозиция в течение нескольких дней хозяйничала в городе, уничтожая членов НДПА, местных активистов — сторонников власти, а затем — торговцев и простых жителей, грабя их имущество. Кундуз в эти дни был поделен оппозицией на секторы, в каждом из которых орудовали отряды различных исламских партий. Жители города воочию убедились, что означает на практике «справедливое исламское правление», которое обещает афганцам исламская вооруженная оппозиция. Решительные действия частей афганской армии, перебросенных из других районов страны, при поддержке артиллерии и авиации освободили Кундуз.

Это был предметный урок, преподнесенный афганской вооруженной оппозицией беспечному, погрязшему во внутривластных склоках местному руководству провинции и города. Практически сопротивление оказал только командующий режимной зоной Кундуза полковник Х. Мухаммед. Остальные руководители просто разбежались⁵².

К 15 августа 1988 г. закончился первый этап вывода советских войск из Афганистана. Как известно, было выведено 50% всей численности. За три месяца советские

соединения и части оставили гарнизоны в 12 провинциях страны. В 26 из 32 провинций Афганистана не осталось ни одного советского солдата. В ходе вывода войск афганской стороне было передано 2289 объектов различного назначения, в том числе военные городки, мастерские, госпитали, склады⁵³.

В это же время правительство РА активизировало свою деятельность по практическому осуществлению политики национального примирения. Оно создало коалиционные органы власти в провинциях, где в ряде случаев губернаторами назначены деятели из числа оппозиции, которые, не так давно выступали с оружием в руках против существующей власти или занимали важные посты при прошлых режимах. Провозглашение политического плюрализма, отказ НДПА от монополии на власть, готовность к реальным компромиссам со всеми противоборствующими силами, могли бы, при проявлении взаимности с противоположной стороны, привести к образованию в Афганистане коалиционного правительства на самой широкой основе и положить тем самым конец затяжному кровопролитию на афганской земле⁵⁴.

Однако вмешательство в афганские дела не только не прекратилось, но даже возросло. Продолжается, как уже говорилось, переброска оружия из Пакистана в Афганистан, засылка вооруженных формирований, систематический обстрел Кабула ракетами. Нарушение Пакистаном своих обязательств по Женевским соглашениям выражается в прямом поощрении афганской оппозиции к свержению законного правительства Кабульского режима. Эти акции пакистанской стороны, идущие вразрез с Женевскими соглашениями, дополняются действиями, направленными на воспрепятствование возвращению афганских беженцев на свою родину, на создание помех в работе контрольного механизма ООН.

17 августа 1988 г. произошло событие, которое при всей его трагичности не могло не оказать влияния на обстановку вокруг афганской проблемы: в авиационной катастрофе погиб президент Пакистана Зия-уль-Хак. Гибель Зия-уль-Хака и сопровождавших его членов военной пакистанской верхушки, несомненно, явилась для США и их союзников, сторонников жесткой линии по отношению к РА, а также для афганской вооруженной оппозиции, в первую очередь фундаменталистской, своеобразным шоком. Этот случай мог привести в действие совершенно непредвиденные политические факторы и по-

ставить под угрозу уже отработанную систему ведения необъявленной войны против Республики Афганистан. Не случайно бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бзежинский с сожалением писал, что гибель Зия-уль-Хака — это не только личная трагедия, но и событие, имеющее колоссальное геостратегическое значение. По его мнению, этот архитектор величайшего политического и военного поражения Советского Союза — поражения в восьмилетней войне против афганских моджахедов — сейчас устранен со сцены. В то же время почти полностью погибло командование пакистанскими вооруженными силами, а это значит, что устранены ведущие фигуры, организовавшие скрытую, но непрерывную поддержку афганского движения сопротивления.

По сообщениям американских корреспондентов, присутствовавших на похоронах Зия-уль-Хака, государственный секретарь США Дж. Шульц у могилы Зия-уль-Хака встретился с семью лидерами альянса афганских оппозиционеров и сказал одному из них: «Вам известно, как высоко мы ценим то, что вы делаете, и мы будем продолжать оказывать вам поддержку». «Нам нужно больше оружия», — заявил в ответ Г. Хекматъяр... Шульц заверил его: «Мы сделаем все возможное, чтобы мы с вами добились успеха»⁵⁵. В одном из выступлений лидер ИПА подчеркнул, что политика Исламабада в афганском вопросе не изменится, кто бы ни стоял во главе Пакистана, так как проблема Афганистана стала национальной проблемой Пакистана. Смерть Зия-уль-Хака «не повлияет на дух борьбы моджахедов за освобождение Афганистана от господства режима Наджибуллы»⁵⁶. На заседании кабинета министров, состоявшемся после похорон Зия-уль-Хака, «была подтверждена решимость правительства продолжать нынешнюю афганскую политику». После гибели Зия-уль-Хака афганская вооруженная оппозиция продолжала наращивать свои военные усилия в противоборстве с вооруженными силами РА.

В приграничных с Афганистаном районах Пакистана была сосредоточена крупная группировка ИПА Ю. Халеса и ИСОА А. Сайяфа для наступления на административные центры и блокирования стратегической дороги Джалалабад—Кабул, а также дороги Джалалабад—Асадабад (центр провинции Кунар). В ряде провинций усилились военные действия, в окрестностях Кабула создавалась напряженная обстановка. В связи с непрекращающимися ракетными обстрелами Кабула и других городов

Афганистана вооруженные силы РА нанесли ответные ракетные удары по базам и складам вооруженной оппозиции. К 17 ноября 1988 г. было произведено более 30 пусков ракет по базам и складам вооружений, расположенным в труднодоступных горных массивах близ афгано-пакистанской границы в ущельях Марульгад, Мелова, Малавала, Мехмандара⁵⁷.

Одновременно с расширением военных действий оппозиция активизировала свою политическую и пропагандистскую деятельность на всех уровнях. В октябре 1988 г. Г. Хекматъяр в интервью пакистанской газете «Пакистан тайме» изложил свои взгляды на обстановку в стране и высказался по поводу инициатив Советского Союза и РА, направленных на обеспечение безопасности и мира в Афганистане. Он заявил, что, насколько ему известно, Советский Союз хотел бы начать прямые переговоры с ИСМА. Высший совет ИСМА изучает советское предложение, но пока не принял окончательного решения. Было сказано также, что «пока Москва не откажется от поддержки кабульского режима, диалог бесполезен»^{*}. Комментируя сообщения об усилиях Советского Союза по созданию коалиции во главе с бывшим королем Захир Шахом и с участием представителей НДПА, традиционалистских лидеров ИСМА и «полевых командиров» некоторых вооруженных формирований в Афганистане, Г. Хекматъяр подчеркнул, что у Советского Союза нет иного выхода, кроме как «осознать реальную ситуацию» и прийти к взаимопониманию «с основными политическими силами». По его мнению, Советский Союз не задержит вывод войск. Он также одобрил решение Пакистана отклонить предложение Советского Союза о проведении встречи министров иностранных дел четырех стран — участниц Женевских соглашений для обсуждения хода их выполнения и в то же время высказался против предложения советского руководства о проведении встречи пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН с участием Пакистана и кабульского режима.

В начале октября в Вашингтон прибыли представитель НИФА, С. Гилани, руководитель разведывательного отдела фронта Р. Сафи и помощник Ахмад Шаха Масуда (ИОА) М. Эсхак просить увеличить поставки «Стинге-

^{*} При оценке того или иного заявления оппозиции следует иметь в виду, что они рассчитаны помимо прочего и на пропагандистский эффект. Как известно, позднее прямые переговоры состоялись.

ров», тяжелых минометов и средств разминирования, что «позволило бы оппозиции развернуть широкие наступательные действия». Они информировали своих сторонников в конгрессе США и должностных лиц о том, что для свержения правительства в Кабуле необходимо увеличить американскую военную помощь. С. Гилани и М. Эсхак открыто заявили, что прибыли в США, чтобы рассказать, что война еще не кончена. «Оптимизм о быстрой победе совершенно необоснован,— заявил М. Эсхак.— Нам нужно оружие точного попадания, чтобы вести обстрел советских и афганских военных объектов, а также вести прицельный огонь по жилым кварталам в Кабуле, где проживают русские». Может быть, американцы возмутились такой разбойничьей просьбой? Отнюдь нет.

К 15 ноября 1988 г., т. е. к сроку планировавшегося начала второго и последнего этапа вывода советских войск из Афганистана, нарушения женеvских соглашений со стороны Пакистана и одного из гарантов этих соглашений — США достигли своего апогея. Военная обстановка в стране после заключения женеvских соглашений еще более обострилась. В этих условиях советская сторона была вынуждена заявить о приостановке дальнейшего вывода из Афганистана войск. Выступая на брифинге в пресс-центре МИД СССР, первый заместитель министра иностранных дел А. А. Бессмертных подчеркнул, что советские войска уходят из Афганистана по доброй воле Советского правительства, они будут выводиться оттуда в условиях нормальной обстановки. Условия, которые сейчас пытаются навязать бандформирования оппозиции, не соответствуют задаче нормального вывода советских войск⁵⁸.

В ноябре 1988 г. руководство РА выступило, с единственной целью приблизить политическое решение афганской проблемы, с инициативой проведения международной конференции под эгидой ООН с целью создания гарантий нейтрального статуса Афганистана и программы демилитаризации страны под международным контролем, а также предложило Совету Безопасности ООН рассмотреть с участием всех вовлеченных в афганскую проблему сторон практические и эффективные пути строгого осуществления женеvских соглашений с тем, чтобы иностранное вмешательство было прекращено и афганские беженцы вернулись на родину. Идея созыва международной конференции была поддержана Советским Союзом, что нашло свое отражение в заявлении МИД СССР⁵⁹. Председатель

ИСМА Б. Раббани, что называется с порога, решительно отверг идею демилитаризации Афганистана. Одновременно он сообщил, что на встрече с вновь избранным президентом США Дж. Бушем он получил заверения, что новая администрация продолжит политику предыдущей администрации в отношении Афганистана⁶⁰.

В связи с нарушением женеvских соглашений Вашингтоном и Исламабадом, М. С. Горбачев, выступая 20 ноября 1988 г. в Дели во время церемонии вручения премии им. Индиры Ганди высказал, в частности, такую мысль: «...как видно, Пакистану и США трудно даются новые подходы к международным делам. Их действия создают впечатление, что нас хотели бы вынудить отказаться от соглашений (женеvских.— В. С.), хотя тяжелые последствия этого очевидны»⁶¹.

В сложной и противоречивой обстановке, сложившейся вокруг афганской проблемы, наша страна пошла на чрезвычайной важный в афганском конфликте шаг. Были начаты в ноябре 1988 г. прямые переговоры представителей Советского Союза и афганской вооруженной оппозиции с центрами в Пакистане — «альянса семи». Контакты были и ранее. Так, в 1982 г. советские военные вступили в контакт с Ахмад Шахом Масудом, контролировавшим долину Панджшир, и договорились о временном прекращении огня в районе этой долины. Это была несанкционированная свыше договоренность, носившая локальный характер и позволившая Ахмад Шаху Масуду укрепить свое положение в долине. В дальнейшем эта договоренность привела к обострению вооруженной борьбы в этом районе. Были и другие случаи таких контактов, связанные с переговорами о сдаче отдельных отрядов афганской вооруженной оппозиции или об обмене захваченных сторонами людей. На этот раз переговоры носили официальный характер. Первая встреча состоялась в Исламабаде 27 ноября 1988 г. Она проходила в МИД Пакистана. С советской стороны в ней участвовали четыре дипломата, аккредитованные в Исламабаде, со стороны ИСМА — доктор Г. Бахир и инженер А. Рахим. В центре встречи был вопрос об освобождении советских военнослужащих, захваченных в Афганистане. Естественно, переговоры вышли за эти рамки. Стороны условились о продолжении контактов*.

* Иностраные источники сообщали, что первый контакт между советскими представителями и представителями афганской исламской оппозиции был установлен в 1988 г. в ФРГ, когда

Следующая официальная, но уже более представительная встреча (или встречи) состоялась в Саудовской Аравии в городе Эт-Таифе в первых числах декабря 1988 г. С советской стороны в переговорах участвовал первый заместитель министра иностранных дел СССР, посол СССР в РА Ю. М. Воронцов, со стороны афганской вооруженной оппозиции лидер ИОА, председатель ИСМА Б. Раббани. В состав делегации вооруженной оппозиции входили также лидер традиционалистского НФСА С. Моджадиди и один из ближайших помощников Г. Хекматъяра — доктор Абдул Кадыр⁸³. Советская сторона стремилась использовать эти встречи и беседы для придания дальнейшего импульса афганскому урегулированию, в первую очередь — в деле прекращения войны, восстановления мира в Афганистане, создания в этой стране правительства на широкой основе. Стороны условились продолжить переговоры в Исламабаде. Переговоры между представителями Советского Союза и афганской вооруженной оппозиции проводились по согласованию с правительством Афганистана и руководством НДПА, которые одобрили их итоги⁸⁴.

Чрезвычайно важное значение для решения афганской проблемы, имело выступление М. С. Горбачева на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 г., в котором Генеральный секретарь ЦК КПСС сформулировал ряд предложений, дополняющих ноябрьскую резолюцию ГА ООН по Афганистану. Для безотлагательного достижения всеобъемлющего решения самими афганцами вопроса о правительстве на широкой основе предлагалось предпринять следующее:

«с 1 января 1989 г. полностью и повсеместно прекратить огонь и все наступательные операции и обстрелы, сохраняя во время переговоров все занимаемые противостоящими афганскими группировками территории под их контролем;

в увязке с этим с того же дня прекращаются поставки оружия всем враждующим сторонам;

на период становления правительства на широкой основе, предусматриваемого в резолюции Генассамблеи, направить в Кабул и другие стратегические центры страны контингент сил ООН под поддержанию мира;

мы также обращаемся к генеральному секретарю ООН

там находился лидер ИПА Г. Хекматъяр, затем в начале ноября того же года опять-таки в ФРГ, и снова во время пребывания там Г. Хекматъяра состоялась второй негласный контакт⁸⁵,

с просьбой способствовать скорейшей реализации идеи о проведении международной конференции по нейтралитету и демилитаризации Афганистана.

Мы будем и впредь самым активным образом помогать залечивать раны войны, готовы сотрудничать в этом деле и с ООН, и на двусторонней основе.

Поддерживаем предложение о создании под эгидой ООН добровольного международного корпуса мира для содействия возрождению Афганистана»⁸⁵.

Таковы были основные этапы борьбы за заключение женеvских соглашений, за выполнение этих соглашений после их достижения со стороны Советского Союза и Республики Афганистан, а также реально мыслящих политических сил. Таковы были и сопротивление достижению этих соглашений и попытки воспрепятствовать их осуществлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Аснад-е лане-е джасуси= Документы шпионского гнезда. № 29 // Афганистан. Тегеран, Б. г. Т. 1. С. 47-48. На перс, и англ. яз.
² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 12. С. 171.
³ Там же. Т. 10. С. 220.

Глава I

- ¹ Хакиенас Ш. Н. Дасайес ва дженаят-и рус дар Афганистан аз амир Дост Мухаммед та Бабрак-Русские интриги и преступления в Афганистане от эмира Дост Мухаммеда до Бабрака. Тегеран. 1984. С. 161. На дари.
² Там же. С. 164.
³ Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 432-433.
⁴ Шафак. 1987. № 9. С. 15.
⁵ Там же. С. И.
⁶ Шафак. 1987. № 9. С. 12.
⁷ Yonsefzai B. Kabul university students: A potential political force? // Afghanistan in the 1970's. N. Y. etc., 1974. P. 192.
⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 31.
⁹ Шафак. 1980. № 5. С. 14-15.
¹⁰ Хакиенас Ш. Н. Указ. соч. С. 334.
¹¹ Шафак. 1987. № 9. С. 17.
¹² Хакиенас Ш. Н. Указ. соч. С. 334.
- ¹³ Хакиенас Ш. Н. Указ. соч. С. 331.
¹⁴ Amin T. Afghan resistance: Past, present and future // Asian Surv. 1984. Vol. 24, N 4. P. 375-379.
¹⁵ Хакиенас Ш. Н. Указ. соч. С. 127.
¹⁶ Мисак-и хун. 1987. № 1, прил. С. 10-11.
¹⁷ Шафак. 1980. № 5. С. 36.
¹⁸ Там же. 1987. № 9. С. 13.
¹⁹ Мисак-и хун. 1986. № 8. С. 98.
²⁰ Киям-и хак. 1983. № 9. С. 16.
²¹ Шафак. 1980. № 5. С. 26.
²² Там же. 1987. № 9. С. 17.
²³ Сима-и шахид. 1981. № 6/8. С. 5-6, 76.
²⁴ Там же. № 12/14. С. 5-8, И.
²⁵ Там же. № 9. С. 5-8, 12.
²⁶ Омар М. Бе шома, эй фарзандан-и мизан! = Вам, эй сыны родины! Б. м., 1980. С. 1-2. На дари.
²⁷ Сима и шахид. 1981. № 3. С. 14-15.
²⁸ Там же.
²⁹ Lifschultz L. Afghanistan: The not-so-new rebellion // Far East Econ. Rev. 1981. N 6. P. 32.
³⁰ Ibid. P. 33.
³¹ Ibid.
³² Ульяновский Р. А. Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985. С. 200.

- ³³ Amin T. Op. cit. P. 375-379.
³⁴ Ibid. P. 375-379.
³⁵ Хекматъяр Г. Дарс-и аз ашур-и Хосейн=Урок ашур-и Хосейна: Выступление Г. Хекматъяра по случаю дня ашур-и в лагере беженцев Варсака. Б. м., Б. г. С. 20-21.
³⁶ Шафак. 1987. № 9. С. 19.

Глава II

- ¹ Ульяновский Р. А. Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985. С. 198.
² Male B. Revolutionary Afghanistan: A reappraisal. L., 1982. P. 81-82.
³ Доклад генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба на XX пленуме ЦК НДПА «О ходе выполнения решений XIV пленума ЦК НДПА и некоторых задач партии» // Хаккат-и инкилаб-и саур. 1986. 21 нояб.
⁴ Хаккат-и инкилаб-и саур. 1984. 1 марта.
⁵ Аснад-е лане-е джасуси=Документы шпионского гнезда. № 29//Афганистан. Тегеран, Б. г. Т. 1. С. 72. На перс, и англ. яз.
⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 13.
⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 239-240.
⁸ Sustaining Afghan refugees in Pakistan: Report on the food situation and related social aspects. Geneva: UNRISD, 1983. P. 7.
⁹ Пайям-е мостазафин. 1985. № 40/41. С. 41.
- ¹⁰ Sustaining Afghan refugees., P. 9.
- Глава III
¹ Amin T. Afghan resistance: Past, present and future//Asian Surv. 1984. Vol. 24, N 4. P. 383.
² Шахадат. 1985. 18 июня.
³ Gupta B. S. The Afghan syndrome: How to live with Soviet power. Delhi, 1982. P. 44.
⁴ Киям-и хак. 1980. № 10. С. 16.
⁵ Afghan muslims fused into one//Jihad Rays. 1982. Vol. 1, N 1. P. 11.
⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 82-83.
⁷ Hyman A. Afghanistan under Soviet domination, 1964-1981. N. Y., 1982. P. 134.
⁸ Мас'улиятха-и озв=Обязанности члена. Б. м., Б. г. Предисловие. На дари.
⁹ Ульфат А. Р. Джихад ва дастха-и пошт-и парде=Джихад и руки за занавесом // Пакистан, С. 94.
¹⁰ Шахид-и пейгам, Сима-и шахид.
¹¹ Мас'улиятха-и озв. С. 130.
¹² Мас'улиятха-и озв. С. 86-88.
¹³ Amin T. Op. cit. P. 382.
¹⁴ Хекматъяр Г. Джихад аз дидагах-и Коран=Джихад с точки зрения Корана. Тегеран, 1982. На дари.
¹⁵ Ульфат А. Р. Указ. соч. С. 102-104.
¹⁶ Amin T. Op. cit. P. 383.
¹⁷ Пайям-и Афганистан. 1979. Июнь.
¹⁸ Ульфат А. Р. Указ. соч. С. 104.
¹⁹ Nayyar K. Report on Afghanistan. Delhi, 1981. P. 33.

« Jihad Rays. 1983. Vol. 2, N 6. P. 9, 17.

¹ Негах-и бе зендеги-и йен моджахед—Взгляд на жизнь одного моджахеда. В. м. Б. г. С. 12. На дари.

² Джабхе-и мелли-и неджат-и Афганистан = Национальный фронт спасения Афганистана//Пакистан, 1979. 14 июня.

³ Ульфат А. Р. Указ. соч. С. 94; Ну ман А. Afghanistan under Soviet domination, 1964-1981. N. Y., 1982. P. 133.

⁴ Amin T. Op. cit. P. 46-47.

⁵ Негах-и бе зендеги-и йен моджахед. С. 4.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Шафак, 1980. № 5. С. 26-27.

⁸ Amin T. Op. cit. P. 384.

⁹ Ну ман А. Op. cit. P. 132.

¹⁰ Эттехад-и моджахедин. 1982. 15 авг.

¹¹ Amin T. Op. cit. P. 384.

¹² Башарат. 1981. № 2. С. 33-35.

¹³ Ульфат А. Р. Указ. соч. С. 110-111.

Глава IV

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 82-83.

² Там же. Т. 43. С. 239-240.

³ Аснад-е лане-е джасуси—Документы шпионского гнезда. № 29//Афганистан. Тегеран, Б. г. Т. 1. С. 2; Harrison S. Deline Afghanistan: Exit through Finlandisation? // Foreign Policy, 1980/1981. Winter, N 41. P. 166-167.

⁴ Киям-и хак. 1982. № 1. С. 25.

⁵ Khalilzad Z. Moscow's Afghan war//Probl. Communism. 1986. Jan.-Febr.

⁶ Times. 1980. Sept. 8.

⁷ Рухани М. С. Фаджее-и асаф-

пок-и эшгал-й Афганистан та-вассот-и артеши-и сорх-и шоу-рави—Печальная трагедия оккупации Афганистана советской Красной Армией. Тегеран, 1980. С. 225.

⁸ Хакикат-и инкилаб-и саур. 1985. 25 июня.

⁹ Известия. 1988. 8 июня.

¹⁰ Хекматъяр Г. Баяние-и экхетамие. Хетаб бе командан-и масуль—Заключительное выступление. Обращение к командирам. Б. м., 1981. С. 61.

¹¹ Что нужно сделать для достижения победы революции и лучшей организации джихада. Пешавар 1981. С. 20-21.

¹² Шахадат. 1981. 22 авг.

¹³ Эттехад-и моджахедин. 1984. 19 нояб.

¹⁴ Independent. 1988. Mar. 23.

¹⁵ Шафак. 1987. № 9. С. 23-24.

¹⁶ Afghan News. 1987. Sept. 15.

Глава V

¹ Joshi N. Soviet intervention in Afghanistan // Foreign Affairs Rep. 1980. Vol. 29, N 7. P. 133.

² Ritch L B. Hidden war: The struggle for Afghanistan // A staff report prepared for the Committee of Foreign Relation, US Senate. Wash. (D. C.), 1984. Apr. P. 14.

³ Stork J. US involment in Afghanistan//MERIP Rep. 1980. N 89. P. 25.

⁴ Ahmed F. Interview//Ibid. P. 17.

⁵ Аснад-е лане-е джасуси—Документы шпионского гнезда. № 30//Афганистан. Тегеран, Б. г. Т. 2. С. 114.

⁶ Amin T. Afghan resistance: Past, present and future//Asi-

an Surv. 1984. Vol. 24, N 4. P. 397.

⁷ Gupta B. S Afghanistan syndrom: How to uve with Soviet power. Delhi, 1982. P. 42.

⁸ Intern. Herald Tribune. 1984. Sept. 11.

⁹ New Statesman. 1988. May 20.

¹⁰ Intern. Herald Tribune. 1984. Febr. 29.

¹¹ Wash. Post. 1987. May 11.

¹² Arab News. 1985. Sept. 14.

¹³ Аль-Собх. 1980. № 2.

¹⁴ A m m T. Op. cit. P. 397.

¹⁵ Джихад-и хазара—Печатный орган ИПА в Европе. Бонн, 1986. № 6.

¹⁶ Джомхури-е ислами. 1986. 2 июня.

¹⁷ New Statesman. 1988. May 20.

¹⁸ Пуман А. Afghanistan under Soviet domination, 1964-1981. N. Y., 1982. P. 134.

¹⁹ N. Y. Times, 1986. June 21.

²⁰ Muslim. 1986. Mar. 13.

²¹ Arnold A. Afghanistan: The Soviet invasion in perspective. (Gal.), 1981. P. 104.

²² Ritch J. B. Op. cit. P. 14.

²³ N. Y. Times. 1984. Apr. 9.

²⁴ Duignan P. Editor's foreword to the revised edition //Arnold A. Op. cit.

²⁵ Wash. Post. 1985. Sept. 4.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Telegraaff. 1985. Nov. 16.

²⁹ N. Y. Times. 1986. June 7.

³⁰ Ibid. June 18.

³¹ Ibid.

³² Wash. Post. 1986. Sept. 16.

³³ Independent. 1987. May 20.

³⁴ Wash. Post. 1986. Sept. 16.

³⁵ Джихад-и хазара. 1986. № 6. С. 7.

³⁶ Там же.

³⁷ Джомхури-е ислами. 1986. 2 июня.

³⁸ Стратегия преступной войны против Афганистана//За ру бежом. 1987. № 5.

Глава VI

¹ Афганистан — кабрестан барай-е русхай-е кафер ва шоу-руй-е энгелаб-е эслами-е джахани аст—Афганистан - кладбище для неверных русских и начало мировой исламской революции. Тегеран, 1981. Т. 1. С. 142.

² Там же. С. 143.

³ Шафак. 1980. № 7/8.

⁴ Keuhan Intern. 1985. Dec. 29.

⁵ Хабьлула. 1985. № 13. С. 28.

⁶ Там же. № 4. С. 4; № 12. С. 4, 35. Там же. № 11. С.

12-15, 51.

⁸ Там же. № 12. С. 7.

⁹ Tehran Times. 1985. Dec. 12.

¹⁰ Абрар. 1986. 5 февр.

¹¹ Ресалат. 1986. 24 февр.

¹² Афганистан — кабрестан барай-е... Тегеран, 1981. Т. 2. С. 235.

¹³ Джомхури-е эслами. 1986. 30 дек.

¹⁴ Брошюра с текстом выступления Г. Хекматъяра на церемонии по случаю праздника «курбан». Б. м., 1983.

¹⁵ Рах-и хак. 1984. 21 марта.

¹⁶ Welt. 1984. 24. Juni.

Глава VII

¹ Хекматъяр Г. Халл-и сияси-и казие-и Афганистан—Политическое решение проблемы Афганистана. Тегеран, 1983. С. 2-15.

² Рах-и хак. 1984. 21 марта.

³ Раббани Б. Рах-и халл-и мас-

але-и Афганистан=Путь решения проблемы Афганистана. Тегеран, 1983.

⁴ Declaration of Islamic Unity of Mujahideen towards Mr. Cordovez's tour to the region//Afghanistan Jihad. 1983. N 1. P. 9.

⁵ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза за М., 1986. С. 69.

⁶ Правда. 1986. 29 июля.

⁷ Там же. 30 июля.

⁸ Азали-е эслами-е джарида. 1986. № 6. С. 2.

¹⁰ Там же. 13 дек.

¹ Хакикат-и инкилаб-и саур. 1987. 4 янв.

² MAG Weekly. 1987. N 4. P. 8.

³ Кейхан. 1987. 15 янв.

⁴ Шафак. 1987. № 9. С. 22.

⁵ Guardian. 1987. Jan. 19.

⁶ Эттлаат. 1987. 5 янв.

⁴⁷ Кейхан. 1987. 21 янв.

⁸ MAG Weekly. 1987. N 4. Jan 22-28.

⁹ Правда. 1987. 7 Янв.

¹⁰ Известия. 1987. 4 апр.

¹¹ Правда. 1987. 19 апр.

¹² Хивад. 1987. 15 июля.

¹³ Известия. 1987. 12 фек.

¹⁴ Правда. 1988. 16 янв.

¹⁵ Там же. 7 янв.

¹⁶ Wash. Post. 1988. Jan. 4.

¹⁷ Правда. 1988. 8 янв.

¹⁸ Wash. Post 1988. Jan. 6.

¹⁹ Ibid. Jan. 28.

²⁰ Ibid.

⁸¹ Правда. 1988. 9 февр.

³² Там же. 11 февр.

⁸³ Известия. 1988. № 67. 6 марта.

³⁴ Правда. 1988. 16 марта.

³⁵ За рубежом. 1988. № 10.

³⁸ Правда. 1988. 1 апр.

³⁷ Guardian. 1988. Mar. 28.

³⁸ Правда. 1988. 8 апр.

³⁹ Там же. 16 апр.

⁴⁰ Известия. 1988. 16 апр.

⁴ Wall Street J. 1988. Aug. 24.

⁴² Nation (Labor.). 1988. May 11.

⁴⁶ Far East. Econ. Rev. 1988. June 7.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁶ Newsday. 1988. May 21.

⁴⁸ Christ. Sci. Monitor. 1988. June 1.

⁴⁷ Ibid. July 15.

⁴⁸ Ibid. July 30.

⁴⁹ Welt 1988. 2. Aug.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ The Christian Science Monitor. 1988. 15. Jul.

² Известия. 1988. 18 авг.

⁵³ Известия. 1988. 15 авг.

⁵⁴ Правда. 1988. 16 авг.

⁵⁵ Newsweek. 1988. Aug. 29.

⁵⁶ Washi. Post. 1988. Aug. 23.

⁵⁷ Красная звезда. 1988. 17 нояб.

⁵⁸ Аргументы и факты. 1988.

3-9 дек., № 49.

⁵⁹ Правда. 1988. 3 дек.

⁸⁰ Известия. 1988. 12 нояб.

⁶ Там же. 21 нояб.

⁶² Muslim. 1988. Nov. 30.

⁶ Ibid.

⁸⁴ Правда. 1988. 13 дек. ⁶⁵

Там же. 8 дек.

Заключение

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч.

Т. 12. С. 171.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	d
Глава I. К истории современного афганского исламского фундаментализма (1963—1975 гг.) . 7	
Зарождение афганского исламского фундаментализма	7
Первая фундаменталистская организация	14
Исламская фундаменталистская оппозиция в 1973-1975 гг	21
Глава II. Апрельская революция 1978 г.: ее некоторые особенности	30
Крестьянство - массовая база вооруженной оппозиции	30
Глава III. Отряды оппозиции и основные афганские исламские партии в Пакистане и их вооруженные отряды	42
Объединение исламской оппозиции . . .	42
Фундаменталистские организации	46
Традиционалистские организации	57
Глава IV. Состав исламской вооруженной оппозиции	64
Суннитская и шиитская исламская оппозиция	64
Фундаменталистская и традиционалистская исламская оппозиция	66
Буржуазно-теократическая и феодально-монархическая оппозиция	67
Пуштунская и непуштунская исламская оппозиция	70
Организованная и неорганизованная исламская оппозиция	73
Исламская оппозиция и бывший король М. Захир Шах	78

Глава V. Вмешательство международной реакции во внутренние дела Афганистана	83
Масштабы, формы и направления вмешательства	83
США и афганская исламская оппозиция	94
Глава VI. Афганская вооруженная оппозиция с центрами в Иране.....	104
Глава VII. Политическое урегулирование афганской проблемы и его противники	114
Подход афганской исламской оппозиции к проблеме политического урегулирования	114
Политика национального примирения. Борьба за заключение Женевских соглашений по Афганистану (1986-1988 гг.).....	121
Подписание Женевских соглашений по Афганистану 14 апреля 1988 г	144
Афганская проблема после Женевы . . .	143
Заключение	176
Примечания	181

Спольшков В. Н.

С 73 Афганистан: исламская оппозиция, Истоки и цели.— М.: Наука, 1990.— 192 с. ISBN 5-02-010735-2

Основное внимание автор уделяет характеристике афганской исламской оппозиции, обосновавшейся в Пакистане и ведущей вооруженную борьбу с правительством Республики Афганистан, ее планам захвата власти в стране и созданию исламского государства. В монографии говорится также о достижениях и ошибках НДПА, приводятся примеры массового ухода афганцев в Пакистан и его причины. Подробно разбирается положение в Афганистане после Женевских соглашений, непримиримость вооруженной исламской оппозиции к этим соглашениям.

Для широкого круга читателей

4000000—341, хВ-9-67-1989

ББК 66.3(07)